

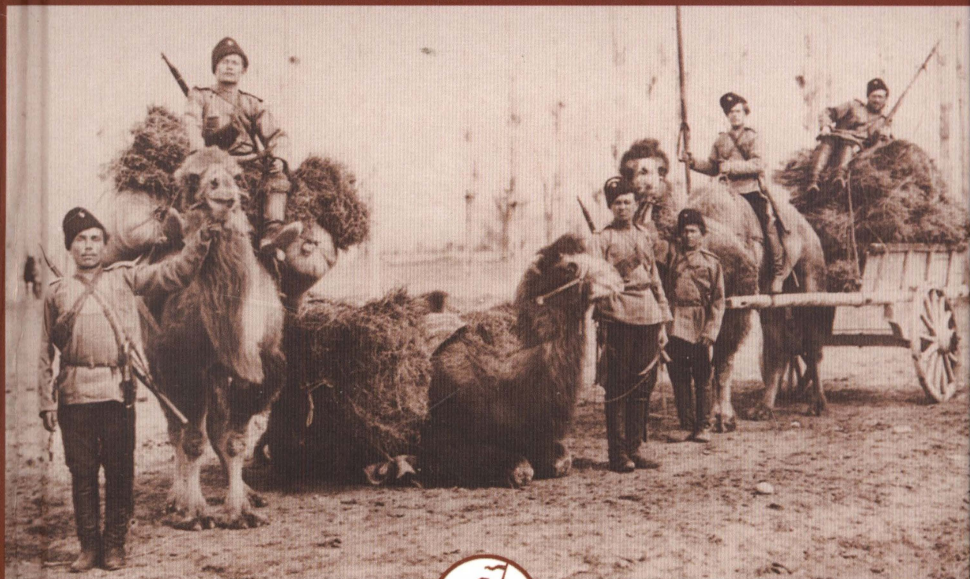

Г.В. Енборисов

От Урала до Харбина

Оренбургское казачье войско

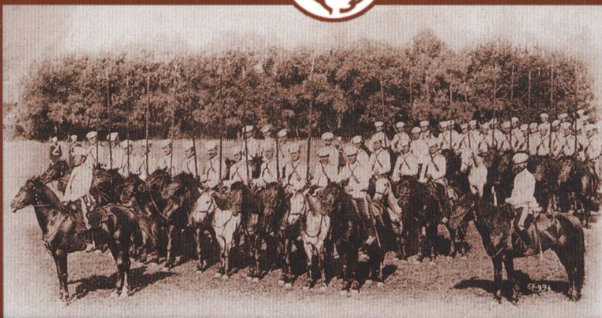
От Урала до Харбина.
Оренбургское казачье войско

ИСТОРИЯ

КАЗАЧЕСТВА

Г.В. Енборисов

Г.В. Енборисов

От Урала до Харбина

Оренбургское казачье войско

ИСТОРИЯ

КАЗАЧЕСТВА

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612
Е61

Енборисов, Г.В.

Е61   От Урала до Харбина. Оренбургское казачье войско / Г.В. Енборисов. — М.: Вече, 2014. — 288 с. : ил. — (История казачества).

ISBN 978-5-4444-1668-6

Знак информационной продукции 16+

В настоящее издание вошли две работы, принадлежащие перу Гавриила Васильевича Енборисова. Первая — «От Урала до Харбина» — рассказывает об его участии в событиях революции и Гражданской войны, годах эмиграции, вторая — о взглядах автора на историю и современное ему положение российского казачества. За свою жизнь Г.В. Енборисов встречался с разными людьми — министрами Временного правительства, видными большевиками и Лениным, генералами белой армии и простыми казаками.

Судьба автора в полной мере показывает весь ужас братоубийственной Гражданской войны — при его участии был казнен собственный сын красный командир Н.Г. Енборисов. Об этом и многом другом читайте на страницах этой непростой книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-4444-1668-6

© Енборисов Г.В., 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

ОТ УРАЛА ДО ХАРБИНА

Предисловие

Прочитавшего эти записки я прошу отнестись к ним снисходительно, ибо я не из «писучих людей» и эти решил написать просто для того только, что когда если, как говорят, сгрустнется — посмотреть на прошлое и сравнить с настоящим. Главным образом считаю, что эти записки не послужат ли кому-либо материалом для лучшей обработки, как взятым только с фактов, с действительности. Кроме того, как указано ниже, я, в силу возложенной на меня казаками обязанности, должен учинить о всех переживаниях доклад Войсковому кругу; если вернемся на Родину, то пусть эти записки послужат мне памяткой. Много, конечно, мной и выброшено, ибо всего не опишешь, и я начну с того момента, когда появились первые признаки желания Государственной думы дать русскому народу «свободу», то есть с конца 1916-го года.

Верхнеуральский округ

Я — оренбургский казак Верхнеуральской станицы, поселка Арсинского — это один из лучших поселков, расположен-

ный при озере Ача-гуль, в 45 верстах от Урала и недалеко от горы Иеремель. Ввиду того что мне часто приходилось бывать в Петрограде и заглядывать в Государственную думу, а поселок Арси находился в 154 верстах от железной дороги, я в ноябре 1916 года из своего поселка переехал на жительство в завод Миасс, через который проходит железная дорога.

Политическая жизнь Миасса питалась только газетами, да разве еще когда я, приезжая из Петрограда, сообщал столичные новости, для чего мы собирались в скромном общественном собрании, какие бывают в захолустной провинции.

Проводили мы 1916 год, пришел 1917-й, наступил февраль, политическая атмосфера как-то чувствовалась тревожной и, во всяком случае, неприятной. Побывал я еще раз в столице, заглянул в Государственную думу, повидался со многими членами ее, кое о чем поговорили, поспорили и т.д.

Были большие беспорядки. Хлеб, идущий из провинции, сваливался в кучу и задерживался, готовилась искусственная голодовка — кругом шипела какая-то змея, везде что-то скрывается, что-то подготавливается, чувствуется какая-то натянутость, и видно было, что центром этого змеиного шипения была Государственная дума, во главе с предателем Родзянко, с поддужными Гучковым и Шульгиным. Сильно было заметно, что эти преступники имели связь с головкой армии. Мои догадки и соображения я докладывал и власть имущим, но эти бездарности отвечали: «Ну! Куда им, ничего они не сделают» — и снова засыпали. Вспоминал я тогда Столыпина: он сумел бы дело поставить; не созвал бы эту кучу преступников в такой важный для государства момент, видя ее настроение.

Вспоминал я даже и Распутина, который мог доложить эти замыслы царю, но он был убит хулиганами — врагами России. Скажу ниже. Когда я приехал в Миасс, на меня обрушился

оренбургский губернатор Тюлин, по проискам его чиновника Анисимова: я сейчас же поскакал к нему в Оренбург и, доказав ему всю несостоятельность возведенных на меня обвинений, в присутствии того же агента Анисимова, вернулся в Миасс, где и пережил государственный переворот.

Уличная толпа, босяки, немногочисленные рабочие и т.д. приветствовали эту катастрофу, но благомыслящая часть населения растерялась и держала себя выжидательно и, во всяком случае, этому не только не сочувствовала, а даже горько жале-ла, что до этого допустили.

6 марта получаю из своего поселка Арси приглашение жи-телей, что они не хотят верить случившемуся и, будучи оше-ломлены этой неожиданностью, не знают, что делать... «Ждем вас немедленно и выводите нас из этого кошмарного состоя-ния», — писали арсинцы.

Приехав в Арси и успокоив своих поселочников, я 14 мар-та получил от атамана Верхнеуральской станицы Каширина повестку следующего содержания: «Прошу вас пожаловать в станичное правление к вечеру 15-го сего марта, так как вы вы-браны депутатом от станицы по приговору станичного сбора от 13 марта №14, для явки в управление 2-го отдела, для об-суждения дел по текущим событиям и продовольствию. Ата-ман станицы хорунжий Каширин, 14 марта 1917 г. Гавриилу Васильевичу Енборисову».

Получив эту повестку, я, конечно, охотно принял избрание станичного сбора и 15 марта явился в управление 2-го отдела, где нас ожидал атаман отдела полковник Евдюков. Всего нас явилось 19 человек: я от станицы Верхнеуральской, Николай Каширин от Верхнеуральского поселка (подъесаул), есаул Гри-банов от Уйской станицы, вахмистр Ягодин — от Карагайской, войсковой старшина Дюскин от поселка Остроленского, Петр

Иванович Воронин — комиссар Всероссийского временного правительства и др.

16 марта состоялось у нас заседание, где и выработано было положение о созыве окружного съезда — представителей всего 2-го округа по одному от 5000 человек. Съезд назначен был на 5 апреля.

Нельзя не упомянуть про маленький инцидент, имевший место перед открытием этого совещания, ибо он, по существу своему, хотя и незначителен, но последствия его сыграли решающую роль в судьбе братьев Кашириных и, может быть, и в судьбе самого Оренбургского войска.

Когда собрались все депутаты организованного собрания в управлении 2-го отдела, атаман отдела полковник Евдюков пригласил всех в зал заседания, сказал маленькое слово, в коем указал, что мы теперь сами власть и должны выработать какой-то порядок, какой-то закон для 2-го отдела и т.д., и предложил избрать председателя. Николай Каширин предложил кандидатуру атамана отдела полковника Евдюкова, а последний сейчас же поставил этот вопрос на голосование, не дав по нему высказаться.

Голосование было произведено вставанием. 16 человек встали, а мы с Ворониным остались сидеть... Тогда полковник Евдюков, обращаясь ко мне, сказал: «Вопрос прошел, но все-таки интересно слышать мотивы нежелания вашего иметь меня председателем?» Мой ответ был начат теми же словами: «Вопрос прошел, но все-таки и мне интересно знать, как отнесутся мои коллеги к моим мотивам, по которым я не желал бы иметь вас председателем, прежде всего не как лично полковника Евдюкова и как атамана отдела. Вы наверняка в дальнейшем будете все время, как и сейчас, только докладчиком, а докладчик не председательствует, и это вы потом увидите». Это я говорил

сидя, не вставая с места, на что получил замечание: «Вы говорите с атаманом отдела и сидите». Конечно, ответ на это у меня был короток, но видно было, что он всех удовлетворил: «Я не встал потому, что вы, если я встану, засчитаете меня голосующим за вас, а я этого не хочу...» — и этим весь инцидент был исчерпан.

4 апреля собрались депутаты окружного съезда 70—75 человек, и вечером в здании управления 2-го отдела, было групповое предварительное совещание, на котором ясно вырисовалась фигура Николая Каширина, отец коего уже сумел по всему отделу провести предвыборную кампанию, на что он очень способен и благодаря чему атаманил 27 лет. Николай на этом совещании намечен был в атаманы 2-го отдела и ходил уже без погон, сняв их, когда понял революционное настроение съезда. Как и всегда, Каширины любили и умели подделываться к обстановке.

5 апреля к Народному дому, где было предоставлено помещение для Окружного съезда, почти с утра начали собираться толпы народа и большей частью воинственно настроенные. Но это не были казаки. К трем часам собрались казаки-депутаты, много было и рядового казачества, начались разговоры — кого выбирать председателем? Нужно заметить, что депутаты не могли скрыть того, что они распропагандированы и озлобленные готовились к какому-то выступлению. Никто из них с офицерами и не разговаривал, вертелись больше около Каширина-беспогонника. Наконец атаман отдела, открыв заседание, предложил избрать президиум. Кто-то назвал Акулинина, Зайцева и Луконина — никто возражать не смел, такова была атмосфера. Президиум занял свое место — настроение напряженное и какое-то злое, один Каширин что-то суется и настроен был по-праздничному...

Председатель Акулинин говорил речь: «Товарищи казаки, довольно пить нашу кровь, довольно слушать золотопогонников, их нужно всех упразднить — они опять пришли сюда в погонах». Действительно, мы все — офицеры — были в погонах, кроме Капирина. «Они опять думают нами командовать» и т.д. в том же духе, и почему-то указательный палец его все время направляется на меня.

Встает товарищ председателя Зайцев и еще краснее говорит: «Председатель говорит, что нужно золотопогонников упразднить, нет, их нужно сейчас же уничтожить, всех кончить».

Наконец, говорит секретарь Луконин: «Мало уничтожить, а нужно их сжечь, а пепел развеять...» Вообще, все красноречие президиума сводилось к тому, что нужно офицеров сейчас же перебить, и впечатление получилось таково, что этот призыв будет немедленно выполнен.

Капирины ликуют, наша братия, офицеры-депутаты, хотели было скорее уходить, но я им этого делать не посоветовал, ссылаясь на то, что уйти некуда. Дома ведь не спасешься, а еще хуже навлечешь на себя подозрение, а вот если мне удастся выступить, дадут мне полчасика поговорить, дело все пойдет по-хорошему.

После речей членов президиума я срываюсь с места и прошу слова — дают. Все были поражены моей дерзостью, что я еще хочу разговаривать, кандидат на уничтожение и враг революции. Быстро я вышел вперед, повернулся лицом к съезду и, упершись руками на спинку стула, помолчал несколько секунд, заставив всех обратить на меня внимание, начал так:

«Великая радость, дорогие станичники! Наконец-то мы получили возможность высказать свою наболевшую душу, не оглядываясь вокруг, что нас кто-то подслушает и донесет исправнику, не стесняясь тем понравиться или нет назначенным

нам атаманам, коих мы не избирали и кои теперь стараются быть избранными». Я указал съезду на случай, имевший место в нашем организационном собрании 16 марта: «Каширин и сейчас продолжает настаивать на возведении на пьедестал власти тех же “избранных” — назначенных нам атаманов, кои довели нас до настоящего катастрофического состояния, а избрание настоящего казака в председатели отклонял, на чем настаивал я, и получил замечание за то, что я — депутат, представитель целой станицы в 49 000 человек, говорил со ставленником Каширина сидя». Приведя еще несколько примеров, я предложил — атамана отдела избрать по усмотрению настоящего съезда. Во время моей речи лица депутатов становились веселее, и многие улыбались, под конец же речи съезд усиленно и долго аплодировал, высказывая порицания по адресу Каширина.

Когда он выступил, то съезд уже его не слушал, и избрание его в атаманы провалилось. Атаманом 2-го округа был избран полковник Луговских. С этого момента съезд во всем стал прислушиваться ко мне и об уничтожении офицеров не было и помину.

Много депутатов Окружного съезда были бывшие доверенные от маслодельных артелей и артельных лавок, входящих в союз, председателем правления коего несколько лет был я... Союз этот, развивший свое дело в громадную коммерческую организацию с миллионными оборотами, имел дело с Лондоном, Парижем, Берлином и вообще с заграничным рынком; таким образом, эти депутаты меня хорошо знали и прислушивались ко мне, почему съезд стал держаться моей политики. (Союз этот был ликвидирован в 1914 году, вследствие закрытия границы по случаю войны с Германией и мобилизации доверенных.)

Было произведено избрание депутатов на Войсковой круг в г. Оренбург, который созывался на 15 апреля, и Каширин был туда не допущен, но все-таки на Войсковой круг он явился от какого-то «Верхнеуральского совета рабочих», где ни одного рабочего и не было, за исключением кузнецов-собственников да кучеров, находящихся у торговцев, и те и другие не казаки.

Этот Окружный съезд, ввиду созыва Войскового круга, до получения директив такового, кроме выборов атамана округа и депутатов Круга, ничего другого не сделал. Не лишним будет сказать, что представлял собой президиум съезда: Акулинин, то есть председатель, учительствовал где-то на золотых приисках по реке Ай-дырла и о казаке только слышал как о «нагаечнике». Зайцев, то есть товарищ председателя, все время болтался только по кооперативам и тоже не в казаках, а Луконин, секретарь съезда, одно время учительствовал в поселке Арси и оттуда по приговору жителей-казаков был изгнан как агитатор антирелигиозной и антигосударственной идеи. Весь президиум, таким образом, представлял собой букет казачьего отброса, но почему они попали в президиум — это дух времени.

Первый Войсковой круг

К 15 апреля депутаты Войскового круга собрались в г. Оренбург, но, по случаю пожара в станице Оренбургской (выгорело около 100 домов), Круг открылся только 17-го. Мне пришлось несколько раз отказываться от роли председателя Войскового круга, так как почти все голоса сваливались на меня, но я знал, что председательствование в Круге меня лишит возможности непосредственно принять участие в комиссиях и вскрытии документов ведения войскового хозяйства и работе губернаторов в роли казачьих атаманов, почему я лучше согласился быть

председателем Главной ревизионной комиссии всего Оренбургского казачьего войска по всем отраслям.

Губернатор, он же наказной атаман, генерал Тюлин в это время из Оренбурга скрылся (вот что значит неказак), и его временно, как атамана, заменял генерал Мальцев. Войсковое хозяйственное управление было налицо в полном составе. Много мной было интересного обнаружено в архивах этих учреждений, особенно были интересны доклады наказных атаманов на высочайшее имя, и отпуска этих докладов были собраны в особых обложках, на коих написано «Совершенно секретно», «Весьма секретно», «Не подлежит оглашению», «За разглашение подлежит ответственности» и т.д. Из этих докладов было видно, что назначенные нам наказные атаманы из пехотных генералов, да еще из каких-либо «заштатных» помещиков, не только не делали того, что нужно казаку, а они и представления о казаке и его нуждах не имели, и изучать казака они совсем, как временщики, и не желали, и писали царю, что им захотелось, отчего казачество бедняло, и падало, и как государствен- ный оплот слабело.

Та боевая кузница, выковывающая боевой материал для государства, именуемая станицей, мало доверяла этим нахлебникам. Результаты моих работ как председателя ревизионной комиссии помещены в протоколе Войскового круга за 26 апреля, а выписки некоторых помещаю. После подробного доклада моего сделано заключение:

«На основании изложенного ревизионная комиссия пришла к заключению, что Войсковое хозяйственное правление, Войсковой штаб и управления отделов в таком составе и с такими порядками нежелательны и главнoдействующие лица таковых не должны быть принимаемы на службу в войско. Войсковой круг не пожелает ли указать им более точный адрес».

По этому докладу Войсковой круг вынес следующую резолюцию:

«Выслушав доклад ревизионной комиссии, постановили принять его к сведению и признать, что установившийся в Войсковом хозяйственном правлении порядок заведования хозяйством ненормален и подлежит коренному изменению и постановке на новых началах. Ревизионной комиссии предложить свою работу продолжить с целью выяснения всего того, что необходимо теперь же устранить, и, если при ревизии окажутся виновные, привлечь их к ответственности». Следовательно, ревизионной комиссии предоставлено право предания суду, а значит, и применять меры пресечения уклонения от суда и следствия сообразно вине, силе улик и т.д., во всем согласно закону.

Виновниками всей неурядицы безусловно являлись наказные атаманы; они, не будучи казаками, казачьи интересы не соблюдали и смотрели на казаков как на временных своих кормильцев. Трое из них, генералы Ершов, Сухомлинов и Тюлин, остались толику в переборе, но их уже не было.

Указанные в протоколе ревизионной комиссии лица, расхищавшие войсковое достояние, невзлюбили докладчика, а Николай Каширин здесь сумел провести свою провокацию: он сговорился с Анисимовым, Губаревым, Лукониным, изгнанным мной из Арсей, Каргиным, подхватили постоянно пьяного есаула Воронина и повели было атаку на меня, требуя у Круга моей выдачи как ярого монархиста, изгнавшего Луконина из Арсей и доселе стоящего на монархической позиции. Некоторые депутаты с ними соглашались, большей частью не природные казаки, а приписные или служившие у губернаторов, но, конечно, Войсковой круг остался таковым, и переворотники затаились.

Первый Войсковой круг, откровенно говоря, был немного революционен, приветствуя Временное правительство в лице князя Львова и в то же время «сладко» приветствуя Совет солдатских и рабочих депутатов, «стоящих на страже свободы угнетенных народов», но ничего существенного произвести не мог. На нем выступил со своими пожеланиями член Государственной думы от оренбургских казаков Канашев, который высказался так: «Свобода завоевана, и для закрепления ее призываю сплотиться... и желательной формой правления в России полагаю демократическую республику...» Это депутат, кстати сказать, едва ли понимал, что он говорил и что значат его слова, да и то, как он сам попал в эту Думу, тоже мало кто знал, в Думе так его никто не замечал, и участие его в решении «вопросов» видели только по его распискам в получении суточных. Вот такими «завоевателями» и пользовалась головка Думы и, предав нас, привела к кошмару и краху, к полному уничтожению Русского государства.

24 апреля на кругу постановили: «Ношение красной повязки обязательно», но я таковой никогда не только не надевал, а даже и не имел, на что многие обращали внимание. Войсковым атаманом был избран генерал Мальцев. На этом Войсковой круг и закончил свою работу, и депутаты разъехались по домам.

Петроград и Москва

Возвратившись из Оренбурга, я пробыл в Миассе три дня и поспешил в свои богоспасаемые Арси. Был созван станичный сбор, где я и учинил доклад о Войсковом круге и впечатлениях, произведенных на меня этим Кругом. Вслед за сим перебралась в Арси из Миасса и моя семья.

Посоветовавшись с окружным атаманом, я принял на себя миссию объехать казачьи станицы, где собирал станичные и поселковые сборы, организуя в станицах особые ячейки на случай возможных провокационных осложнений или ослушания распоряжениям войсковой власти и т.п. Я получил из столиц не особенно приятные известия, почему не посетил некоторых станиц, вернулся домой и, пригласив учителя Николая Егоровича Падерина, предложил ему прокатиться со мной и на мой счет по столицам. Он, конечно, охотно согласился. «Это моя заветная мечта — посмотреть на столицы, особенно в такое время, но я выполнить за неимением средств этого не могу, и вашему предложению я невыразимо рад», — сказал он. Захватили мы с собой легкий багажишко и, главным образом, сухариков и кое-чего из закуски и поехали.

Проезжая по Северной дороге, Челябинск — Пермь — Вологда и др., недостатка в съестных припасах мы не ощущали и свои запасы приберегли по назначению. Общее настроение среди железнодорожников пока похоже на свадебное — красные фуражки, красные банты, красные флаги и даже красные юбки... везде красно, в кабинетах же дорожных агентов — портреты Керенского, и тоже под красным. При больших остановках я старался разговаривать с извозчиками, коих на станциях было в изобилии, говорил с торговыми, конечно, оглядываясь вокруг. Эти люди не особенно весело выглядели, и на мои вопросы — почему они не украсили себя красными атрибутами, они отвечали: «А черт их знае, на що они понадивалы ции тряпки» и т.д., и большинство из них относилось к совершившемуся не только безразлично, а с недоумением и сожалением: «Хозяина нема, а що буде дале — Бог ведае».

Приехали в Петроград вечером и до утра не могли где-нибудь приютиться: все было занято, и большей частью «това-

рищами с фронта». Разыскал я пристава 2-й Московской части есаула Литвинова, и одни сутки мы были у него. Наутро я пошел пешком по городу, и уже он настолько изменился, трудно было поверить, что это была русская столица: всюду пьяный разгул.

Бывало, в ресторанах при входе стояли швейцары в костюмах, расшитых позументами, и, вежливо приглашая, отвечали на приветствия поклоном; теперь там стоял какой-нибудь тип с замазанной чем-то рожей — пьяный, а иногда с воблой в руке, и, едва прожевывая уже всунутую в рот часть, еле выговаривал: «Пожалуйте на чаек с вашей милости», хотя на стенках всюду вывески: «Чаевые отменены». За столиками как будто по-семейному, за каждым сидят два «товарища» и две их спутницы в предстоящих подвигах, а на столе графин, четыре стопки, окурки без пепельницы (прислуга заявляет: «Не подаем, стащат»), а на некоторых обнаженный клинок, кинжал, наган, какое-то запорожье: все пьяным-пьяно, и все это «завоеватели свободы». Я проследил не менее десяти ресторанов...

В гостиницах немного лучше, но уже далеко до того, что было при хозяине. Улицы тоже не уступали — шли, ехали, некоторые лежали на тротуарах, на предложении милиции — не ложиться на улицах — был почти везде один ответ: «Довольно, было время, когда вы распоряжались, а теперь что хочу, то и ворочу». Разбрасывались летучки, призывающие подчиняться Совдепу и т.п. Заглянул я в Таврический дворец, откуда Россия получила «свободную» политическую смерть, — там только люди с красными бантами, зашел — Суворовская, 19, где жили знакомые члены Государственной думы, — тоже пусто, никого не видел.

Узнал я, что в зале Армии и Флота, угол Литейной и Кирочной, если не ошибаюсь, назначен суд над бывшим военным ми-

нистром Сухомлиновым. Я поспешил туда, дабы не опоздать к началу. Публики было много, но свободные места были. Вошел суд, занял свои места, вводят подсудимых — муж и жена Сухомлиновы. Мужа, как министра, вся Россия знала, портреты его распространялись среди населения через торговые лавчонки, мелких разносчиков и т.п., а про госпожу Сухомлинову скажем: роста выше среднего, стройная, слегка осунувшееся продолговатое лицо, хотя и сидит на скамье подсудимых, но держится с достоинством и много энергичнее и свежее его самого, одета во всем черном. Начинается формальная часть — допрашиваются: года, род занятий, судимость, читается обвинительный акт и т.д., на чем останавливаться не буду. На другой день я увидел в зале главкома Иванова, с апостольской бородкой, его старшего адъютанта полковника Генерального штаба (фамилию забыл), стройный, высокий, молодой в аксельбантах, — это были свидетели со стороны обвинения; был в числе свидетелей петроградский крупный коммерсант, на показаниях коего Сенат останавливался, — он говорит: «Я обязывался господину Мясоедову доставлять продукты для армии и материал для артиллерийского парка, 200 тысяч рублей в виде залога, в обеспечение исправного выполнения обязательств, были по просьбе Мясоедова переданы мной лично генералу Сухомлинову, для внесения в какой-то депозит, на что министр выдал мне расписку, которая сейчас перед Сенатом». Прокурор Сената задал вопрос этому свидетелю: «А не допускаете ли вы, что это подсудимый брал взятку?» — «Нет, — ответил свидетель. — Эти деньги действительно шли в залог, и я Сухомлинова до момента передачи денег не видал...» Рассказал он, что Мясоедов приглашал его на какой-то раут и он был, на котором видел и чету Сухомлиновых, были там и высокопоставленные лица; прокурор попросил разъяснить, что это еще за высоко-

поставленные. «Там были великие князья и просто князья, — заявил свидетель. — Всего было не менее 200 человек». Этот свидетель вполне определенно высказался, что он почему-то уверен в непричастности Сухомлинова к делу казненного Мясоедова. Главком Иванов и его адъютант тоже ничего существенного не могли сказать, а только упирали на то, что раз подсудимый был военным министром, ответственным за все военные недостатки — значит, виноват, а злого умысла Сенат ни от одного свидетеля к подсудимым не нашел, заметно было, несмотря на то что суд при определении виновности или невиновности должен руководствоваться только неясными обстоятельствами, прошедшими перед судом, но Сенат все-таки вынужден был склоняться в сторону «духа времени». Объяснения Сухомлинова были основательны: план мобилизации был разработан на полтора миллиона пштыков и на известное количество батарей и т.д.; этот план разрабатывает очень компетентная секретная комиссия, члены которой назначаются с высочайшего одобрения, и этот план утверждается его величеством... Но всем известно, что война приняла неожиданные размеры и тем не менее при содействии военно-промышленных комитетов и русского населения Россия справилась с этой неожиданностью, но пути сообщения преступно не смогли, вернее, не желали выполнить своего назначения и доставка на фронты необходимого запаздывала... Результат — я перед Сенатом и под конвоем... Жена Сухомлиновым говорит свежим, звонким и довольно нежным голосом: «Я виновата только тем, что я жена бывшего военного министра, жена русского патриота — всеми силами помогала своему мужу делать доброе патриотическое дело и чинить чьи-то ошибки; если Сенат находит моего мужа преступником, то я — его соучастница, а если он сотворил благо, что в действительности и есть, то и я с ним. Но теперь все

должно быть вывернуто наизнанку: кто делал вред России, того будут воспевать, а что было хорошо и патриотично, за это накажут, теперь право не в праве, а в силе...» Она на меня произвела впечатление в пользу подсудимых, но все-таки еще раз повторяю, что верх взял «дух времени»...

На другой день я заглянул в Смольный женский институт благородных девиц в конце Суворовского, на дверях коего с внутренней стороны красовалось маленькое на красной бумажке объявление: «Завтра в три часа заседание Совета солдатских, крестьянских, рабочих и казачьих депутатов». Народ толпится у входа и около здания и ведет беседу группами, и в каждой группе в середине толпы — гражданин из Палестины. Я послушал их разговоры и, понуря голову, пошел к себе в гостиницу. Пришел в номер, где меня ожидал учитель Падерин, раскрыли мы чемодан с сухарями, немного поглотали их, я ему рассказал о Совдепе, и решили мы побывать на этом заседании.

Утром, около восьми часов, мы вышли из гостиницы, и тоже видна разница: прежде, при хозяине, деловой Петроград начинался с 10.30, а в восемь часов можно было увидеть только прислугу на базарах да уборщиков на улицах, а сейчас — уже у кондитерских «хвостики». Искусственный голод был уже создан в столице, хлеб до нее не доходил (и сейчас еще в достаточном количестве не могут достать), хотя провинция хлебом была богата; по улицам уже ходили пьяные, и даже в некоторых местах успевшие встретить хороший день, лежа на тротуарах, вели переговоры с милицией о свободе выбора удобного ложа и невмешательства последней в их «частное дело» и т.д.

Пришли мы в Смольный в два с половиной часа, и зал был наполнен не столько народом, сколько дымом от «свободного» курения табаку. К трем часам кучка людей, видимо «президиум», человек около тридцати, заняла место за большим столом

впереди публики, и председатель объявил заседание открытым, добавив: «Если нам удалось убрать тиранов, то на их место мы не должны допускать других таких же, мы должны взять все в свои руки».

Акцент председателя мне дал основание быть уверенным, что сей «деятель» недавно прибыл в Россию или если давно, то далее Бердичева он не появлялся. На предложение председателя: «Кто желает высказаться по данному вопросу» — выступил «товарищ» Ленин. Облокотившись на подставку, очистил голый рукой усы и немного около носа, протер глаза и, одной рукой держа какой-то сверток бумаги, начал так: «Наголодавшиеся, измученные товарищи! Я вполне согласен с желанием уважаемого председателя Совета солдатских, крестьянских, рабочих и казачьих депутатов» — и, показав свертком бумаги, находящимся у него в руке, в сторону председателя, заявил, что «действительно, Совдепу власть нужно забрать в свои руки и нужно от слов переходить к делу». Говорил он долго, перечисляя свои мытарства, свои заслуги, свои переживания за замученных людей, населяющих Россию, говорил громко, почти кричал, и толпа настраивалась воинственно, кричала: «правильно», «немедленно убрать Временное правительство», «долой», «довольно», «народ с нами». Прослушали мы еще человека 2—3, и я заявил желание высказаться. Меня охотно допустили. Ленин сидел на отдельном стуле, справа от президиума. Когда я пошел на трибуну, то кто-то из публики крикнул: «Слушайте, товарищи, это человек из далекой провинции, из народа, он нам скажет правду» — это говорил несомненно нерусский.

Если бы я встал на то место, откуда говорил Ленин и др., то пришлось бы стоять к нему спиной, и я начал приспособляться, чтобы этого не получилось, на что мне Ленин заявил: «Вы, товарищ, не беспокойтесь, я услышу». Я ему ответил: «Я бес-

покоюсь не о том, что, поворачиваясь к вам спиной, творю неприличие, нет, мне придется говорить более обращаясь к вам, а не к собранию!»

Я приведу из моей речи только некоторые слова; начал я так: «Я очень внимательно прослушал красивые по изложению речи предшествующих ораторов, из которых проглядывает воинственное настроение к воображаемому противнику и с воображаемыми за собой силами и возможностями. И ко всему сказанному я присоединяюсь. (Аудитория улыбается.) Раз хочет сделать это Совет солдатских, крестьянских, рабочих и казачьих депутатов, то это значит — хочет вся Россия, состоящая из солдат, крестьян, рабочих и казаков, и с этим бороться никто не будет, а и не захочет, ибо воля Совета, воля России. (Настроение в публике веселое и мне улыбаются.) Но, г-н Ульянов! Я когда сидел в публике, слушая ваши громы, я старался отыскать этот Совет, этих депутатов, этих представителей названных российских корпораций, и, войдя на трибуну, занят тем же желанием познакомиться с ними или хотя бы посмотреть на них, почему я вынужден побеспокоить вас, г-н Ульянов: помогите мне отыскать этих представителей. (В публике заметно шиканье и злые лица.)».

Говоря эти слова, я повернулся лицом к Ленину, которого тоже заметно этот вопрос беспокоил, и говорю дальше: «Конечно, представителей первых трех корпораций будут искать их представляющие, а вот насчет казачьего депутата я, как казак, категорически настаиваю — укажите мне моего представителя, укажите, кто меня представляет!»

При этих словах в зале замешательство, перешедшее потом в невообразимый шум, гвалт, кто чего говорит — не поймешь, ибо звуки были только гортанные «хо-хэ-кхэ» и т.д., «чего он схочэт». Судя по всему, представительства не только казаков,

а вообще русского населения и запаха не было. Из русских были на заседании только я, учитель Падерин, да, если можно считать Ленина русским, он был третий, вот и вся «Россия», стремившаяся править Великим Русским Народом. Я не унимаюсь и прошу президиум восстановить порядок: «Я гражданин свободной России, имею столько же прав свободно высказать свои мысли, как и все, почему это одному можно, другому нет?» Еле-еле удалось успокоить этих «граждан России», и, когда водворилась тишина, я продолжаю: «Если мне при помощи г-на Ульянова не удалось найти Совета, то, конечно, его нет, не было и едва ли будет!» (Снова шум.) Говорю дальше: «Господа, чего вы волнуетесь, ведь вы согласитесь со мной, что если здесь заседают и говорят представители названных корпораций, то есть весь народ, населяющий Великую Россию, то зачем же ломиться в открытую дверь — вопрос пройдет, а если нет, то пустая трата времени. Ведь быть солдатом или рабочим еще далеко от того, чтобы быть правителем...»

При этих словах в зал вваливается толпа, одетая в солдатские гимнастерки, кои пристали этим «солдатам», как корове седло. Эта толпа состояла исключительно из евреев, и уже выражение лица их доказывало, что они явились засвидетельствовать мне «уважение» и помочь мне отыскать «представителей», и способы помощи в отыскании заметны были на их судорожных рожах. Я, считая себя удовлетворенным появлением этих помощников и оказанным мне вниманием, постарался через боковую дверь под предлогом необходимости «смотаться», а через парадный ход вышел учитель Падерин, передавший мне, каково настроение аудитории. Мы поспешили уйти.

Вот список первого Совета солдатских, крестьянских, рабочих и казачьих депутатов: Цедербаум, Крохмаль, Бронштейн, Лурье, Щупак, Гуревич, Гиммер, Нахамкес, Гольдман,

Лебензон, Собельсон, Гольфант, Гольдберг, Апфельбаум, Розенфельд, Блейхман, Гольдман 2-й, Иоффе, Минор, Гоц, Кац, Эпштейн, Цейтлин, Прошьян, Штейнберг, Каган, Абрамович, Шрейдер, Залкинд, Карахан. Вот посмотрите, русские люди, где ваши представители... Вот кому мешал русский царь, вот кому помогали главкомы и князья убирать царя, а уже никак не русскому народу, который сейчас его оплакивает и прокладывает убийц и предателей...

Проследив настроение Петрограда и побывав кое-где на политической «барахолке», я пришел к выводу, что все погибло, все нажитое нашими предками мы промотали, и с этой мыслью я решил взглянуть еще разок на Белокаменную. Через день после «Совдеповщины» мы выехали в Москву. По приезду в Москву мы снова столкнулись с уплотнением; гостиницы все были заняты, и большей частью беглецами с фронта. Мы полдня проездили по городу, не могли найти себе свободного номера. Нам сказали извозчики, что гостиница «Лоскутная» имеет свободные номера. Что делать, сказал я учителю, поедем хотя бы в «Лоскутную», на улице не будем оставаться, а «Лоскутная» нам будет по средствам. Приказали извозчику ехать туда... Подъехали к гостинице, я спросил извозчика: где же «Лоскутная», он мне указал пальцем: «Вот она». Оказывается, название «Лоскутная» далеко не соответствует действительности: первоклассная гостиница, громаднейшее здание, громаднейшие окна, медные скобы у дверей, в старинной форме швейцар и т.д. Думаю, здесь еще старая Россия, но цена на номера, наверное, новая, надо справиться с кошельком, из которого расходы уже производятся далеко сверх сметы. Население гостиницы большей частью тоже дезертиры с фронта или «граждане из Бердичева». Несмотря на это, пришлось занять один номер за 7 рублей 50 копеек в сутки. К вечеру я сходил в канцелярию

артели «Грузовоз», где известный всей России аферист Павлов сумел нажить хорошие деньги, а меня уполномочили некоторые из его жертв с ним поговорить, да раньше он и меня много раз бомбардировал письмами с предложением войти членом в эту артель, потому что попал туда и наш бывший начальник штаба войска Генерального штаба генерал Гвидо Казимирович Рихтер. Была там в числе жертв Павлова очень симпатичная молодая дамочка из Киева, она тоже занимала номер в гостинице «Лоскутная», через два номера от нас: мы занимали номер 19, она номер 16.

Когда мы в тот день с учителем ехали на трамвае в гостиницу, произошел маленький инцидент: солдат-еврей не хотел платить денег билетеру за проезд, мотивируя тем, что он «проливал кровь», а посему его обязаны возить бесплатно. Я, вмешавшись, задал ему вопрос: «А чью вы кровь проливали, где?» Он обрушился на меня, тогда билетер его с площадки столкнул, но он зацепился за ручку дверцы и потащился за вагоном, пришлось остановить трамвай; подошел милиционер и попросил ему дать мой адрес, конечно, это слышал и «проливавший» кровь.

На другой день я повел учителя Падерина в Кремль (ведь он и ехал со мной специально посмотреть столицу Петра и Белокаменную), показал я ему Грановитую палату, долго любовался он Царь-пушкой и Царь-колоколом, прошлись мы внутри Кремля и посмотрели на трофеи 1812 года, внимательно осмотрели и колокольню Ивана Великого... С грустью прошлись и по царской галерее Александра II, где уже появились следы той же «бескровной»: на стенах красуются хулиганские надписи, начерченные каким-то твердым предметом, по галерее разбросаны воззвания — маленькие листовки, одни призывают к выдержке и спокойствию, признавая Всероссийское временное

Правительство, но их мало, а большинство призывают к свержению такового и признанию Совдепа. Долго я стоял, прислонясь к колонке, и раздумывал: а ведь Россия гибнет, хозяина нет, он предателями и послушными им генералами арестован, недостойные сыны ее стараются перещеголять друг друга своей пошлостью. «Эх, прощай Москва» — произнес я вслух, глядя на Замоскворечье, которое было видно, как говорится, как на ладони.

— Неужели вы, Гавриил Васильевич, допускаете, что Россия идет к гибели, а не к прогрессу? — задает мне вопрос мой учитель Падерин, услышав мой возглас. Я вместо ответа указал ему на «художества» уличных хулиганов и подлые надписи на Царской галерее и особенно на потолок, который весь забросан грязью и даже нечистотами.

— Вот вам и прогресс. Он из столицы быстро перейдет в деревню...

Учитель покачал головой и, вздохнув, сказал: «Надо принимать меры».

Кстати сказать, этот учитель был один из ярых последователей учителя Луконина, высланного из Арсей за пропаганду антигосударственных идей, но, увидя все это на своем опыте, разочаровался в проповедях теории социализма. Я ему добавил и это еще только цветочки, а ягодки покушаем, после чего мы пошли пешком в свою гостиницу, осматривая по пути город.

На следующий день в гостиницу явился какой-то офицер в аксельбантах, называя себя адъютантом комвойск Верховского; проверив на доске при входе фамилии жильцов, спросил швейцара: «Кто занимает номер 19?» А когда швейцар показал на фамилию, написанную на доске, он пожал плечами и пошел к двери номера 19, я в это время стоял в коридоре и наблюдал

за этой сценой: когда он подходил к моей двери, я его спросил, что ему угодно, так как номер 19 занимаю я. Тогда он, извинившись, спрашивает, откуда я приехал, с какой целью, долго ли я намерен прожить в Москве, не был ли я в Петрограде, чего там новенького, что делается в Смольном и т.д. Я сразу понял миссию этого «адъютанта» и спросил его: разрешите знать, кто задает мне такие вопросы и для чего это делается? Он сначала смутился, а потом оправившись, но все-таки сбивчиво сказал: «Я — комендантский адъютант и эта справка мне нужна. И кстати — вы не офицер?» Я ответил ему на вопросы так: приехал я из Самары для сличения с Народным банком старых счетов по Союзу потребительских обществ, проживу в Москве дней десять, в Петрограде был в феврале, о Смольном пока ничего не знаю, фамилия Г.В. Потемкин; документ у администрации гостиницы, где вы увидите все в точности. Я имел при себе бессрочную паспортную книжку на эту фамилию, которая и была передана заведующему гостиницей.

Зайдя в номер, я предупредил учителя:

— Я сейчас собираю манатки и уезжаю, а вы возьмите вот сто рублей на расходы, и если кто явится и спросит меня, вы скажите, что я через три дня вернусь, а пока по делам коммерции отлучился в пригороды и документ мой остается здесь. Вы завтра так же, не требуя возвращения от заведующего вашего документа, выезжайте за мной (он имел тоже бессрочный паспорт на имя Е.И. Шувалова), а по дороге или на вокзалах, если потребуют документы, предъявляйте свой.

Явившись на вокзал, дал я носильщику багажишко и деньги на билет 2-го класса в Тамбов, но носильщик заявил, что билеты уже разобраны и если хотите, то можно только перекупить у пассажира, заплатив двойную стоимость. (Хозяина земли Русской нет — спекуляция вовсю.) Конечно, пришлось дать, и я

благополучно под вечерок выехал в Тамбов. По дороге была произведена проверка документов всех пассажиров, и особенно останавливали внимание на пассажирах едущих в Самару, долго вертели в руках и мой документ на имя В.Н. Князева, но все-таки ничего не произошло, ибо я по билету ехал не в Самару, и я поехал дальше.

На станции Ряжск я пересел на поезд, идущий с Вязьмы через Пензу, Сызрань, Самару и Миасс, и тоже пришлось устраивать билет с носильщиком за двойную стоимость. В Миассе я подождал учителя Падерина, который прибыл через сутки. Он в «Лоскутной» собрал все свои вещи, а чемодан пустой оставил, дабы не возбудить подозрения в администрации гостиницы, что он уезжает из Москвы. По дороге с ним ничего не произошло, кроме того, что «свобода» везде дает себя чувствовать: везде дебош, везде беспорядок, занимают 2-й класс с билетами 3-го класса и даже совсем безбилетные.

— Когда вы уехали из Москвы, — рассказывал мне учитель Падерин, — в гостиницу явился опять тот же адъютант и еще один с ним в костюме «свободного гражданина», и это был тот солдат, который «проливал кровь в трамвае». Они спрашивали Потемкина, я им ответил, что Потемкин выбыл в пригороды по делам коммерции, и, в частности, по делу покупки кожи для солдатских сапог, вернется через три дня. Они обратились к заведующему, и он их успокоил, предъявив им наш документ, а потом они спрашивали меня, не слышал ли я чего-нибудь о некоем Енборисове. Я им ответил, — рассказывал Падерин, — не только слышал, а даже встречался с ним месяца два тому назад в Оренбурге, это старый казак-монархист, суровый и настойчивый. Знаю я, что он очень часто бывал в Государственной думе, имеет солидное знакомство, с полицией не уживается, сейчас не знаю где.

Они пристально посмотрели на меня и ушли. Номер 16 дама освободила и часа через два по уходе этих визитеров, его заняли два типа, и, вероятно, агенты по охоте за вами. Следовательно, допусти я маленькую с моей стороны оплошность, я был бы спрятан, и это все проделывал тот Совдеп, членов коего я отыскивал в Смольном. Итак, наша «бескровная» началась с вылавливания неугодных ей русских людей.

Приехали мы в свои богоспасаемые Арси, учитель передал населению все пережитое и виденное как в Петрограде, так в Москве, и из последователей Луковина многие уверовали, что без хозяина в таком крупном хозяйстве, как Россия, ничего хорошего не получится. «Прав наш офицер Енборисов, который говорил нам, что Россия покатится по наклонной плоскости, и теперь, чтобы спасти ее, нам нужно скорее созвать собор, и давай нам царя», — пошли у казаков разговоры.

Оренбург

20 сентября в Оренбурге был создан чрезвычайный Войсковой круг, на котором приветствовались державы, находящиеся в союзе с Россией вообще и в частности Англия, в лице присутствующего на круге представителя печати мистера Прайсса.

Председатель Союза казачьих войск войсковой старшина Дутов, избран почетным председателем круга. Принимаются почетными гостями с правом решающего голоса представители: старшина Войскового правительства войска Донского Кузьменков и от Войскового круга того же войска есаул Янов.

23 сентября по докладу войскового старшины Дутова о политической позиции казачества, где Дутов коснулся личности Т.И. Седельникова, последний просил образовать особую ко-

миссию для разбора дела его с Дутовым. Круг поспешил постановить — избрать комиссию, но в конце заседания, ввиду выяснившегося положения по поводу инцидента между Дутовым и Седельниковым, круг постановил — намеченную комиссию отменить.

24 сентября была заслушана речь Т.И. Седельникова, являющаяся реабилитацией его имени. Во время перерыва Седельников не унимается — тоже говорит речи, где настаивает на принятии представителя от Оренбургского совета рабочих Архипова; таковой допущен с правом совещательного голоса.

25 сентября опять тот же Седельников выступает с претензией, прося о разрешении ему в конце работы Круга «ответить на брошенные Енборисовым оскорбления и другие замечания».

Вообще г-ну Седельникову не повезло, ибо он еще до Ленина был с ним и по приговорам казаков был выслан из пределов Оренбургского войска на Кавказ и вернулся лишь по амнистии Керенского; первое время его некоторые поддерживали. Этот войсковой круг ничего существенного не сделал, только вместо генерала Мальцева Войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска был избран войсковой старшина Дутов. Следующий Войсковой круг постановлено созвать на 25 ноября 1917 года.

Верхнеуральск

Следующим окружным съездом 2-го округа я был избран председателем земельного комитета в округе, председателем и окружного съезда, почетным мировым судьей и представителем 2-го округа в уездный продовольственный комитет, а в

этом последнем — председателем, где работа моя не пропала бесследно — направлено было на фронт до 30 тысяч рогатого скота, до 300 тысяч пудов хлеба, много было роздано населению.

В сентябре месяце я выезжал в Петроград в Министерство продовольствия, к министру Пешехонову. В Петроград съезжались представители продкомов от 19 уездов России, кои, живя по целым неделям в Петрограде и познакомившись с невозможностью проникнуть лично к министру, собрались в Аничковом дворце и устроили заседание, на котором я был председателем. Я единогласно был избран представителем этого собрания, которое уполномочило меня лично доложить о положении министру.

Невероятные препятствия мне пришлось преодолевать, чтобы попасть к революционному министру-товарищу. Подробно опи́сывать не буду, а только скажу, что все докладчики обо мне, возвращаясь, говорили: «В чем дело?» Это мне наконец надоело, и я заявил, что, если это будет продолжаться, я постучу в дверь министру и войду. Выходит очередной секретарь и говорит: «Министр желает знать, в чем дело». — «Очень рад, — говорю я, — министр желает знать, в чем дело, а я желаю доложить, в чем дело» — и беру за скобу дверь, отворяю и громко: «Разрешите, г-н министр, войти!»

Пешехонов поднялся с кресла, слегка подался ко мне и недовольным тоном сказал: «Чем обязан такой поспешности, г-н офицер?» Я ему ответил: «Г-н министр, во всяком случае, вы добровольно приняли на себя эти обязанности... Народ пока нуждается в правительстве — оно должно идти навстречу. Я являюсь уполномоченным представителем почти от восьми миллионов человек, вот уже третьи сутки не могу пробраться к вам...»

Доложив, в чем дело, я добавил: «На условиях, объявленных вами, министром продовольствия, и если мое ходатайство не будет удовлетворено, казаки хлеба не дадут». При этих словах министр немного смутился и предложил мне явиться сюда к 10.30 вечера. «Слушаюсь, — кланяясь, говорю, — благодарю вас г-н министр!»

В 11 часов вечера в этот кабинет созвано было совещание — 9 человек. Из них были мне знакомы только Керенский и Родзянко, да теперь еще Пешехонов, а остальных не знаю. Министр продовольствия доложил совещанию мое ходатайство и мою «смелую фразу», как он выразился, и когда было мне разрешено осветить этот вопрос, то я в своем докладе повторил, что, если мое ходатайство не будет удовлетворено, казаки хлеба не дадут, и доложил им все протоколы по сему делу. Совещание, видя мое категорическое и законно-справедливое требование, его удовлетворило.

Миссия же моя заключалась в том, чтобы урегулировать цены на предметы первой необходимости или увеличить твердые цены на хлеб. Итак, цену на хлеб увеличить мне удалось, но пока я ехал до Верхнеуральска, то торговцы, получив телеграммы об этом, подняли цены на предметы первой необходимости в пять раз, и, таким образом, земледелец опять отстал. Следовательно, республиканский режим показал себя с первого же дня. Население великолепно понимало это, но из-за отречения царя, конечно, выхода не видело, и так пошло по инерции и дальше.

Окружным съездом, избравшим меня, атаманом 2-го округа был избран хорунжий Захаров.

Во второй половине октября в Троицке был созван Окружной съезд казаков 3-го округа; заседание происходило в зале Окружного суда в уголовном отделении. Я был на съезде пред-

ставителем от 2-го округа. Съезд был на 10% подкрашен. Во время заседания, если не ошибаюсь, 26 октября старого стиля, получена была от Керенского телеграмма об обстреле дворца с «Авроры» и маленьком замешательстве в столице. Но он надеется, что ему удастся все это уладить домашними средствами. Так гласила телеграмма. Настроение населения Троицка стало тревожным.

По приезде из Троицка и посоветовавшись с окружным атаманом и комиссаром Ворониным мы решили созвать Окружной съезд в Верхнеуральске. Этот съезд был, что называется, боевым: было вынесено категорическое постановление не подчиняться Советам, несмотря на то, что в 1-м округе некоторые депутаты колебались под влиянием Анисимова и Седельникова, которые сильно провоцировали и среди населения и 2-го округа. Но, получив везде отпор от меня и станиц, кои 90% шли за мной, конечно, всюду были изгоняемы, только группы капириновцев приветствовали Анисимова и Седельникова.

На съезде получена была телеграмма из Казани — от нового командующего войсками прапорщика Ершова — с его приказом не исполнять ничьих приказаний, кроме его, на это ему была послана ответная телеграмма: «Никаких комвойск, кроме Войскового правительства не признаем».

На этом же съезде постановлено: «Поручить Г.В. Енборисову урегулировать взаимоотношения жителей хуторов Кирсы и Тайсары, как расположенных на казачьей земле, с распоряжениями Войскового круга и Окружного съезда, мерами и средствами по его усмотрению и, в случае их несогласия, применить к ним принудительные меры, и это произвести в течение ближайших 15 дней». Надо сказать, что жители этих хуторов почти все поклонялись Каширину и скрывались, а дома остались только одни женщины, старики и дети, следовательно,

разговаривать и решать какой-либо деловой вопрос мне было не с кем.

Приняв поручение и приказание съезда, я отправился на эти хутора и предложил им в течение трех дней вызвать мужей или сыновей, предупредив их: если они не явятся, то я за невнесенный в продком хлеб буду продавать их дома и все хозяйство, сводя в один дом по несколько семейств. Конечно, первого моего распоряжения не послушались, а когда я приступил к исполнению предупреждения, тогда все явились, и я, собрав их, с ними побеседовал, после чего они пришли к убеждению, что я прав и в своих политических взглядах и мерах воздействия на них, в смысле вызова их домой, 80% явившихся пошли в белую армию. Маленькие нарушения хозяйства снова были казенными средствами восстановлены, и, помимо сего, уплотчена была хозяевам их стоимость, за что они искренне благодарили.

Вообще, этот съезд разговаривал мало и был чисто деловым, а Каширин Николай свою предательскую работу повел в открытую, начались в Народном доме заседания каких-то депутатов. Я уверен, что Каширины, особенно Иван, люди не идейные, а просто они привыкли смотреть на своего отца — атамана станицы в течение 27 лет как на человека, занимающего должность «Божественного происхождения» и они, как наследники его, должны быть тоже атаманы, тоже власть, а большевикам это все равно, ибо идейного из них нет ни одного — только «грабь награбленное». Если бы прогнали Кашириных, то они всю эту идею стащили бы в кабинет с надписью «ОО». Раз человек из ярого монархиста легко перелетел в революционеры, то еще легче он способен явиться обратно, как и вообще все перелеты — трусишки-шкурники идут за шкуру...

В январе 1918 года, в Верхнеуральск явился Войсковой атаман полковник Дутов совершенно неожиданно. Оренбург —

столица войска — был занят большевиками. Вечером, не помню, какого числа, меня окружной атаман хорунжий Захаров пригласил в кабинет при управлении 2-го округа, где они вместе с Дутовым ожидали меня, и здесь же Дутов познакомил нас с обстановкой, при которой был оставлен им Оренбург. Решено созвать чрезвычайный Войсковой круг на 29 января в Верхнеуральске.

На круг явилось 74 депутата, а от 1-го округа — только от тех станиц, кои ближе к Верхнеуральску и кои не заняты большевиками. В час дня в помещении общественного собрания атаман Дутов открывает заседание Круга; в президиум председателем для декорации избран Арзамасцев, ибо нужно [рядового] казака, а не офицера, и ему избрали основательных помощников, кои и вели все дело: товарищами председателя были избраны: Иванов, Енборисов и Федотов. Дутов выступил с пространным докладом, из коего видно, что политическое положение войска, в связи с выступлением большевиков против казачества и занятием отрядами их центральных казачьих пунктов — городов Оренбурга, Троицка и Челябинска, тяжелое и он, атаман, призывает депутатов круга всеми имеющимися силами и средствами спасти родное войско от захвата большевиками и предлагает организовать реальную силу и твердую власть в войске, а звание Войскового атамана он с себя слагает... Тут же А.И. Дутов добавил, что часть офицеров, юнкеров и кадет, участвовавших в отражении нападения отрядов большевиков на Оренбург, в момент занятия его пешим походным порядком направились в Уральское войско, а почему не сюда — он не объяснил, а здесь они были бы очень кстати. Сейчас же была послана телеграмма Уральскому войсковому правительству с просьбой о принятии их под свое покровительство.

Некоторыми депутатами было предложено: ввиду того что большевики большей частью не любят офицеров и нападают на них, то лучше было бы снять погоны и остаться среди казаков незаметными, а тем из них, коих большевики разыскивают, так и переменить фамилии, а при выборе лиц для управления войском — не указывать чинов. Офицеры заявили, что они с погонами расстаться согласны, но офицерские погоны напоминают и обязывают, что носители их всегда должны идти впереди казаков, и громко заявили: «Пал Оренбург, не пало еще войско».

Зачитано решение какого-то «Исполкома» Челябинского круга, от 25 января № 11, в коем просят командировать в Челябинск ко 2 февраля на Съезд крестьянских и казачьих депутатов Т.И. Седельникова, и депутат 3-го округа Смолин сильно на этом настаивал. Круг постановил «телеграфировать Челябинскому съезду, что он должен руководствоваться только указаниями Войскового круга как единой верховной власти Оренбургского казачьего войска».

Депутат от Карагача говорит, что политика большевизма нам, казакам, чужда и не нужна, она нам навязывается через какую-то рабочую партию немцами, кои нам дали проходимца Ленина, а депутат Русяев, осветив личность комиссара Ленина, тайного агента Германии, отметил исключительную роль евреев в деле проведения большевизма и стремление их захватить власть в свои руки.

Было предложено для защиты родного войска создать реальную силу, а интеллигенция станиц должна быть обращена на разумную пропаганду, и сейчас же были избраны две комиссии: военная в составе председателя Г.В. Енборисова, членов И.Г. Акулинина, Ю.И. Мамаева, Ягодина и др. и по составлению воззваний: Белобородова, Выдрина и др.

Член Войскового правительства Рудаков заявил, что его при выезде из Оренбурга большевики ограбили, взяв у него 24 тысячи рублей казенных денег, кои он хранил в шапке у себя на голове (какая предусмотрительность и какая скромность большевиков — более ничего у него не взяли и отпустили), он же доложил, что если бы не Седельников, Завалишин, Копытин и др., самочинно захватившие власть в войске, именующие себя временным советом Оренбургского войска, то большевикам бы не взять Оренбурга. Посему получается такое впечатление, что эта компания захватила власть до взятия Оренбурга большевиками, то есть до оставления его Дутовым, следовательно, Дутов выпустил из рук власть еще до большевиков. Поступило предложение Седельникова и компанию наказать как провокаторов.

Атаман Дутов читает телеграмму от временного совета, образовавшегося по почину Окружного съезда 1-го округа из находящегося всецело под влиянием Каргина, Анисимова, Седельникова, Завалишина и компании, адресованную на имя окружного управления, трудового казачества, Совета солдатских депутатов и Капирина, где они призывают «ликвидировать своими руками всякие остатки дутовщины».

Вот так, члены Войскового правительства и окружные атаманы, работу этих лиц я предвидел и все время протестовал против выбора ссыльнокаторжных, с которыми заигрывали и Захаров, и Арзамасцев.

Круг, возмущаясь их поведением и предательством, постановил: «Седельникова, Копытина и Бочкарева лишить казачьего сословия со всеми последствиями и исключить из списков казаков».

Окружной атаман Захаров читает указы от станиц об отношении к большевизму населения на местах. Товарищ пред-

седателя депутат Г.В. Енборисов, резюмируя наказания, данные депутатам с мест, выяснил, что все население Оренбургского казачьего войска относится к большевизму отрицательно, ни одна станица не согласна подчиниться власти народных комиссаров, ибо казачество воспитано в дисциплине полного подчинения начальству, а теперь навязывается какая-то «свободная» дисциплина — почему наша ранее сильнейшая в мире армия «свободно» исчезла. Он предложил Кругу следующую резолюцию: «Выслушав наказания станиц, данные делегатам с мест, и мнения самих депутатов по политическому моменту, и особенно по борьбе с большевиками, и имея в виду, что как наказания, так и мнения всех депутатов говорят за беспощадное сопротивление большевикам, значит, за неподчинение так называемому Совету народных комиссаров, чрезвычайный Войсковой круг единогласно постановил: впредь до установления Всероссийским учредительным собранием государственной власти никакой власти в войске не признавать, кроме власти Войскового круга, который для Оренбургского казачьего войска является единственным хозяином, распорядителем и законодателем: его постановления обязательны не только для лиц войскового сословия, но и для проживающих на Оренбургской казачьей территории лиц не войскового сословия.

Отдельные лица, как зачинщики, подстрекатели или насильники, а равно и лица, подписавшие постановления, явно противоречащие решениям Войскового круга или окружных съездов, приводя таковые в исполнение, будут привлекаться к строгой ответственности и, помимо этого, исключаются из войска. Исполнение же этого возлагается на Войсковое правительство и окружные управления. Если означенные лица или общества будут сопротивляться, то применять к ним принудительные меры через особо для того организованные отряды, всеми мерами и

средствами, находящимися в распоряжении окружных управлений и этих отрядов.

Всякие самочинные выступления, как от имени целых обществ, под видом якобы советов, сходов и др., не созданных подлежащими властями, так и отдельных лиц, против установленных Войсковым кругом властей, или даже отдельных частных лиц, будут строго преследоваться. Пропаганда в пользу большевиков с целью развала общества или частей его должна строго преследоваться. Одинаково отвечают за укрывательство этих нарушителей установленного в войске порядка и должностные лица.

Сходы станичные и поселковые считаются законными при условии, если они состоят лишь из гласных и созваны порядком, установленным положением о самоуправлении, а общие собрания в станице или поселке при условии, если в них участвует не менее $\frac{2}{3}$ лиц данной станицы или поселка, пользующихся избирательным правом, то есть в возрасте от 20 лет и старше, притом созданных станичными или поселковыми властями, а постановления засвидетельствованы этими же властями.

Лиц, ведущих агитацию против установленной в войске власти или возбуждающих население к погромам, грабежам или другим беспорядкам, задерживать и доносить о них по инстанции».

Резолюция эта Войсковым кругом утверждена с предложением депутатам разъяснить таковую в своих станицах и поселках. Военная комиссия предложила: до формирования частей всех свободных офицеров, находящихся во 2-м округе, привлечь в офицерскую дружину. Круг утвердил. Ввиду того что временный «казачий совет» намерен самочинно произвести от имени войска финансовые мероприятия, вынуть принадлежащие войску процентные бумаги и учинить заем в пять

миллионов рублей. Войсковое правительство телеграфировало с протестом Совету, банкам и казначейству и просили Войсковой круг подтвердить это распоряжение, что и было сделано. Управление Войскового правительства постановлено временно перенести в Верхнеуральск.

Бежавший из плена 2 января 1918 года из Австрии через румынскую границу фельдшер Березинской станицы Андрей Калдаев сообщил, что положение в Австрии в продовольственном отношении плохо, хлеба выдают $\frac{1}{4}$ фунта в сутки, едят конину, муки выдают 15 фунтов в месяц, российской неурядице не радуются, пленные содержатся не очень строго, водят их на работу, платят от заработка 8 копеек в сутки, войска стоят на фронте, русских нет ни одного солдата.

Также я помню доклад урядника Кашигина, прибывшего с Дона, который сообщил, что с захватом власти большевиками в Петрограде гражданское население Дона не согласилось подчиниться Войсковому правительству Донского казачьего войска, тогда Войсковое правительство пригласило в свой состав представителей от крестьян и рабочих для совместной работы, население согласилось с условием: 1) снятия в Донской области военного положения; 2) разрешения работы демократическим организациям; 3) освобождения политических заключенных за настоящий переворот и 4) прекращения гражданской войны. Войсковой круг требования населения признал справедливыми, и в состав правительства вошли представители крестьян и рабочих.

Донская область теперь имеет грозную силу против большевиков не только со стороны казачества, а и со стороны гражданского населения. В Донской области собственных большевиков, как крестьян, казаков и рабочих, много, но дальнейшее развитие большевизма, благодаря хорошей организации, не

продвигается, почему войско пока сохраняет свое самоуправление и традиции казачества.

Урядник Кашигин, как член Совета Союза казачьих войск, знает положение и в других войсках, например: в войсках Терском и Кубанском полный порядок, введено земское самоуправление, с крестьянами и рабочими достигнуто полное соглашение. Совета Союза казачьих войск в данное время нет, ибо за отсутствием законной нейтральной власти защищать интересы казаков не перед кем.

Далее рассматривается вопрос о средствах, и постановлено так: 1) обязать золотопромышленников, чтобы добываемое золото на казачьей территории сдавалось Войсковому правительству; 2) доходы, получаемые от ископаемых металлов, каменного угля, руды и т.д., поступали бы в распоряжение Войскового правительства; 3) устроить таможенную близ Орска, откуда главным образом провозятся спиртные напитки и кои идут на казачью территорию, — налагать на них пошлину. Это предложение было сделано атаманом Дутовым.

Войсковой круг по обсуждении этого вопроса, вынес следующую резолюцию: «1) Поручить Войсковому правительству сделать обязательный заем, под именем “Защита Войска” в 10 млн рублей, сроком на три года из 6% по номинальной стоимости. В займе могут участвовать и лица неказачьего сословия. 2) Так как на заем потребуется много времени, то теперь же взять ссуду до 5 млн рублей сроком на три года. 3) Ввести все виды обложения торгово-промышленных предприятий, заводов, паровых мельниц и т.д. 4) Усилить в 1918 году продажу войскового леса, назначенного по смете на 1918, 1919 и 1920 годы».

Прибывший депутат 1-го округа Е. доложил: «По занятии большевиками Оренбурга банда подвергла станицу трехднев-

ному грабежу: в зданиях Войскового штаба, Окружного управления все имущество расхищено, бумаги изорваны и разбросаны, мирные жители обобраны, женщины насилуются, убивают ежедневно по несколько человек, особенно возмутил население поступок большевиков и красноармейцев в монастырской церкви, где группа их сбрасывала иконы, сдирала с них ризы и т.д. Такое дерзкое кощунство в православной церкви возмутило даже и мусульман, и войсками их бесчинствующие в церкви красноармейцы были схвачены и арестованы».

Войсковой атаман Дутов поднимает вопрос об отставке и категорически заявляет об увольнении его по болезни, а также и ввиду трудного политического момента, депутаты не соглашались. Атаман в третий раз заявляет, что он более не в силах работать в столь трудный и критический момент... Члены правительства Половников и Рудаков тоже просят освободить и их, но члены правительства Выдрин и Богданов заявляют, что они считают нравственным долгом не оставлять службу в войске в настоящий трудный момент.

Депутаты Енборисов и Белобородов резко настаивают: не освобождать! Тогда атаман и другие члены правительства заявили, что, если Круг приказывает, они подчиняются приказу, и тут же было атаманом заявлено, что на будущее время нужно избирать атамана не депутатами Круга, а всеми имеющими право голоса, населением войска — всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Постановлено — принять к сведению.

3 февраля вечером на заседании Круга под председательством Г.В. Енборисова слово дано было вне очереди окружному атаману хорунжему Захарову, который доложил, что он конфисковал 500 штук воззваний к населению с призывом не подчиняться Войсковому правительству в лице Войскового

атамана Дутова, а подчинятся какому-то Совету солдатских и рабочих депутатов, а 200 штук уже советом сданы на почту. Круг постановил — воззвания уничтожить, сданные на почту потребовать возвратить и тоже уничтожить, а Совет постановлено не признавать, и не считаться с ним, и предложить ему прекратить свое существование, ибо в Верхнеуральске нет никаких солдат, нет и никаких фабрик и заводов, где были бы рабочие, а потому и не может быть никакого Совета.

6 февраля Войсковой круг получил от Верхнеуральской городской думы журнальное постановление от 4 февраля, в котором просит ответить на вопросы: 1) Коснутся ли постановления Войскового круга в той или иной степени городского населения? 2) Если коснутся, то в каком смысле? 3) Допуская возможность движения большевиков на Верхнеуральск, дума желала бы знать, предполагает ли Круг сделать его базой казачьих частей и возможно ли тогда допустить сражения вблизи Верхнеуральска?

Ответы были даны: «Ни Войсковое правительство, ни Войсковой круг не будут вмешиваться в дела городского самоуправления», а на пункт 3: «Войсковой круг власти большевиков не признает и будет бороться с ними всеми силами и средствами. Военные распоряжения и план Круга оглашению не подлежат».

Из вопросов городской думы видно было, что она нервничает и заранее трусит, значит, помощи от нее ждать не приходится. Войсковой атаман полковник Дутов просит Круг заменить члена Войскового правительства Анисимова, и Круг тут же Анисимова устранил, избрав вместо него А.С. Пономарева.

7 февраля обсуждался вопрос о твердой власти на местах в станицах и поселках. Товарищ председателя Войскового круга Г.В. Енборисов, он же председатель комиссии по полно-

мочиям депутатов, председатель военной комиссии, председатель комиссии по выработке временного положения власти на местах, вычитывает выработанное комиссией временное положение:

1) Не допускается никакого вмешательства в законные действия должностных лиц, выполняющих обязанности, возложенные на них долгом службы.

2) Запрещается проявление каких-либо насильственных или иных подобного рода действий в отношении частных лиц, препятствующих им заниматься мирным трудом.

3) Военнообязанные, подданные воюющих с нами государств, не могут появляться на улице позднее шести часов вечера. Особо караются поступки, совершенные в нетрезвом виде.

4) За появление в публичном месте в нетрезвом виде и нарушение тишины и спокойствия подвергаются задержанию до вытрезвления и штрафу до 3 рублей.

5) За появление в публичном месте в нетрезвом виде и нанесение оскорбления на словах подвергаются задержанию до вытрезвления и штрафу до 10 рублей.

6) За появление в публичном месте в нетрезвом виде и нанесение оскорбления действием, если не причинено никакого ушиба и других повреждений для здоровья, подвергаются задержанию до вытрезвления и штрафу до 30 рублей.

7) За хулиганство в пьяном виде подвергаются аресту до 10 суток или штрафу до 30 рублей.

8) За вторжение в чужие жилища или посягательство на честь и свободу личности подвергаются аресту до 20 суток и штрафу до 50 рублей.

9) За учинение драки в пьяном виде, участники арестуются до 10 суток или подвергаются штрафу до 15 рублей.

Поступки совершенные в трезвом виде:

1) За нарушение порядка, тишины и спокойствия виновные подвергаются аресту до 3 суток.

2) За оскорбление на словах — аресту до 5 суток или штрафа до 15 рублей.

3) За оскорбление действием — аресту до 10 суток или штрафу до 30 рублей, если не причинено ушибов, увечий или иных повреждений для здоровья.

4) За хулиганство, направленное к порче или уничтожению имущества, подвергаются аресту до 5 суток, а направленное против личности — аресту до 15 суток, а за порчу и уничтоженное имущество взыскивается стоимость его, помимо штрафа.

5) Все лица, уличенные в пропаганде против правительства, задерживаются, по собирании сведений, отправляются к кому надлежит или освобождаются. За неподчинение властям подвергать: в первый раз до 15 суток, во второй раз — до 30 суток, в третий — предавать суду и т.д.

6) По части военной, для самообороны войска, образовать в каждом округе по одному полку в составе трех конных сотен по 160 человек при 6 офицерах и 6 пеших человек и по три пеших сотни по 160 человек при 6 офицерах. В полку, помимо командира полка, ввести 3 штаб-офицера: 2 командира дивизиона и 1 заведующий хозяйством. Кроме того, при каждом полку — учебную команду в 120 человек, конно-пулеметную команду и команду связи и весь медицинский, ветеринарный и хозяйственный персонал.

Пункты, кои взяты большей частью из устава, я выпускаю, а помещаю только то, что в уставах не существовало:

7) Воинские части должны быть вне политики, и посему сотенные и полковые комитеты не допускаются.

8) Никаких митингов, сборищ и агитаций в войсковых частях не допускать.

Помимо этого постановлено организовать партизанские отряды, для чего назначить из желающих начальников партизан, предоставляя им право набирать охотников по своему усмотрению, с условием боеспособности и полного подчинения.

И.Г. Акулинин для защиты и спасения войска предложил образовать «Фонд спасения войска», куда и будут вноситься денежные средства, потребные на организацию самозащиты войска. Атаман 2-го округа Захаров заявляет, что действия Круга должны быть прямыми и решительными, ибо за Кругом есть реальная и моральная сила, а теперь и средства найдены.

Командир 19-й Оренбургской особой сотни Даренских доложил, что его сотня во всеоружии прибыла с фронта на родину. Казаки не допустили большевиков разоружить себя и принесли в войско полностью все оружие и даже снаряды, и многие попытки большевиков разоружить казаки отбивали тем же оружием, и они успеха не имели. Даренского благодарит Круг и приказал передать благодарность всем станичникам.

Вне очереди председатель комиссии по поверке полномочий Енборисов докладывает, что Верхнеуральский поселок дополнительно делегировал в Войсковой круг депутатом Каширина Ивана, но на руках его никаких полномочий, кроме удостоверения личности, нет. Постановлено: Каширина на Круг не принимать.

Много было на этом Круге вынесено очень ценных пожеланий, много было раскрыто преступного свойства работы разных лиц: разложение строевых частей — некий Филипп Рыбаков разложил 10-й полк и др. По окончании работ Круга Войсковое правительство сейчас же начало проводить в жизнь все постановления Круга. Я на второй день выехал по стани-

цам для составления станичных проектов по формированию строевых частей, а также и организации партизанских отрядов. Где я побывал, там сейчас же являлись желающие казаки-добровольцы, больше чем по разверстке на станицу положено, а также охотно несли добровольные взносы в «Фонд спасения войска». Меня сопровождал конвой из двух офицеров, с которыми я отправлял из каждой станицы собранные деньги в Войсковое правительство.

В станице Требиатской явился ко мне атаман станицы и доложил, что станичный сход постановил — арестовать генерала Шипкина и полковника Сукина Николая, которые, явившись в станицу, уговаривали казаков не подчиняться атаману Дутову и не давать Енборисову казаков в формируемые полки и партизанские отряды, и просил моего распоряжения, как с ними поступить дальше. Я было посоветовал ему их препроводить к Дутову, а потом сказал атаману станицы: «Станичный сход их арестовал и пусть что хочет, то и делает».

Нужно пояснить, что Сукин метил в Войсковые атаманы, но Войсковой круг его не принял... Конечно, тут главную роль играло умение Дутова, почему Сукин и агитировал теперь против него.

Очень и очень печально, что наши вожди всегда преступно поступают, если считают себя обиженными, — начинают мешать делать русское дело. Это начиная с главкомов, даже Верховных. И так живем в Верхнесураальске и организуемся. На должность коменданта города Верхнеуральска и его пригородов Войсковой атаман назначил поручика Гончаренко, который своим приказом №1 закрыл Совет солдатских и рабочих депутатов, закрыл мещанскую управу и другие заразные очаги, мотивируя, что Совета быть не должно, ибо никаких «рабочих и солдат» здесь нет, а мещанскую управу — она совершенно

лишняя, ибо в городе есть городское самоуправление, где все вопросы, как мещанские, так и немещанские, разрешаются; нарушителям — сейчас же арест. Каширин после сего залег в подполье, а потом куда-то исчез.

Вообще, поручик Гончаренко, очень маленький ростом, «великан» по работе: нагнал панику на все хулиганское гнездо. А также назначен ему в помощники поручик Заваруев, достойный преемник своего начальника. Поручик Гончаренко на станичном сходе в поселке Верхнеуральском каширинцами был убит, и должность его принял поручик Заваруев.

По возвращении моем из командировки в городе настала зловещая тишина, улицы пусты, движение только по делу, везде шипение, какая-то давящая атмосфера, какая бывает перед страшной грозой; красные прижались, многие из города скрылись и стали накапливаться в заводах Тирляна, Белорецка и др. Слухи неслись оттуда, что будто бы они организуются в строевые единицы, объединенное командование в руках какого-то Блохера.

Население свободно ехало из заводов на базар за хлебом и другими продуктами в город и обратно, так что сведения передавались точные и в открытую, гарнизон у нас пока был невелик — четыре партизанских отряда: 1-й отряд под командой В.С. Мамаева, 2-й — подьссаула Михайлова, 3-й — подьссаула Бородина, 4-й — под моей командой и 5-й — офицерский взвод под командой есаула Савина.

Общая охрана порядка и населения в городе была возложена на меня. Обороняться серьезно было нечем, винтовок и пулеметов мало, патронов очень мало, а об орудиях и не поминали; ну, конечно, виду мы не подавали, голову перед населением держали высоко и панику не разводили. Был такой курьезный случай: распустили слух, что в Верхнеуральск прибыли орудия

и много пулеметов, несколько из них поставлено на колокольне Николаевского собора (Рытовский), и в подтверждение этого я в одно прекрасное утро (предупредивши Дутова) на двор г-на Гогина, где расположен был мой отряд, выкатил две походные кухни, привязал к каждой из них по бревну величиной с трехдюймовое орудие, одел брезентами, якобы скрывая от глаз населения действительные орудия, впряг по четыре лошади в форме артиллерийской запряжки, посадил орудийную прислугу и с банниками в руках и выехал, направившись по дороге на Белорецк, как раз через форштадт, где живут каширинцы, и верстах в десяти от города занял позицию, в стороне и недалеко от дороги, так чтобы проезжающие могли видеть эти орудия и передавали эти сведения красным.

По временам, и особенно вечером и утром, я приказывал около орудий рвать бомбы, и взрывы эти далеко оглашали Уральские горы и всю местность, и на другой же день из заводов получили сведения, что слухи о прибытии в Верхнеуральск артиллерии уже превратились в достоверную действительность — белорецкие и тирлянские, то есть блохеровские и каширинские, армии наступать на нас пока не решались... То получил донесение, что по направлению на Верхнеуральск идут красные силы из Троицка, через станцию Степную. Тогда наш генеральный штаб: полковник Поляков, подьесаул Бородин (ныне генерал) и еще несколько с ним офицеров — выехали в степь для избрания позиции. Сказано — сделано, позиция избрана у Каменной сопки. Атаман Дутов приказал и мне поехать посмотреть. Я, конечно, исполнил приказание и поехал туда после всех один и, когда посмотрел я на избранную позицию, задал им вопрос: а если противник собьет нас с этой позиции, а это наверняка, тогда что? Все молчали, и я посоветовал: никакой позиции не занимать — мы, партизаны, позиционную войну

вести не сможем, лучше пойдем вперед, до соприкосновения с противником, и начнем партизанскую войну, а тем более нам вся местность здесь известна, население тоже, мы их загоним в овраги, леса и пр.

Об этом плане я доложил и Дутову, где был и его помощник И.Г. Акулинин, они со мной вполне согласились. В ночь же выступили с тремя отрядами под командой В.С. Мамаева, туда же последовало и Войсковое правительство, а я, как уже принявший на себя охрану города, остался для этой цели и возможного задержания Блюхера с Кашириным со стороны Белорецка и Тирляна, где уже было красных до 4000 человек и была артиллерия, это мной было точно проверено. Наши отряды остановились в станице Краснинской, а красные — в стан. Сухтеленской в 30 верстах друг от друга.

Во второй половине марта Блюхер, разведав мои «орудия» и всю обстановку, повел наступление более энергично, и под давлением превосходящих раз в 50 сил противника, предательства Кашириных и неустойчивости населения города я вынужден был и уже под выстрелами оставить Верхнеуральск и перейти в станицу Кассельскую в 25 верстах от города, туда же последовали окружное управление, остатки гарнизона, мирные жители. Выступил я вечером, и в эту же ночь город был занят красными.

В Касселе было собрано совещание, где решался вопрос, что делать дальше, и на этом же совещании я был избран начальником боевых сил. От Касселя до Краснинска, где находился Дутов с главными силами, было 12 верст, дорога хорошая, и я поехал к нему с докладом. Пытались было мы снова занять Верхнеуральск, но попытки не увенчались успехом, и нам пришлось отступить на свои места. Отряды красных, пришедшие из Троицка и занявшие станицу Сухтелинскую, тревожимые

нами день и ночь, всегда находились в боевой готовности и через неделю не выдержали этого напряжения и поспешно начали отступать обратно на Троицк, и здесь выпало на мою долю преследование.

Отступление красных, благодаря энергичному преследованию, превратилось в беспорядочное бегство. Но ведь гражданская война далеко не походит на международную, где уже определенно известны и тыл, и фронт, а также твердо известно, кто противник, а в гражданской войне, пока противник в тебя стреляет, ты его знаешь — видишь, а как он бросил винтовку, то превратился в мирного жителя и начинает тебя приветствовать. Идешь дальше, а он остается у тебя в тылу. Так было и здесь. Прогнал я их от станицы Краснинской около 150 верст за станицу Подгорную, и отряды красных через Берлин начали втягиваться в Троицк, а я со своим штабом вернулся в станицу Подгорную, где, как оказалось, осталось много красных и теперь, переодевшись в мирных жителей, они устроили на нас облаву и схватили меня, В.С. Михайлова, Дардета и еще двоих (фамилии не помню). Мне пришлось испытать и самосуд, меня ударил по затылку прикладом винтовки некто Лазарев, отчего у меня и доселе по временам появляется ранка, видимо, осталось загрязнение, и какой-то красноармеец выстрелил в меня из револьвера почти в упор, и вслед за ним последовал второй выстрел, но я спасся чудом, а как — расскажу ниже.

Сидя под арестом, мы слышали, как в соседней комнате состоялся над нами «суд», который шумит: предать нас смертной казни. И долго шли споры о способе приведения в исполнение этой казни: некоторые говорили, что нужно расстрелять, некоторые — удавить, кто говорит — нужно их раздеть догола и выбросить на мороз или заporоть нагайками до смерти и т.д., но начинать никто не решался. Вообще пер-

спектива была заманчивая. Наконец, вывели меня из карцера, поставили на стол, приготовили мне на шею веревку и предложили мне подписать заготовленное кем-то отречение от борьбы с красными и признать Ленина и Советы. Я отказался, заявив, что я старик, мне пора умирать, вешайте, но я останусь верным заветам отцов своих.

Тут я попросил дать мне возможность сказать несколько слов и священника, дабы я мог причаститься перед смертью. Толпа гудит: «Вешайте, иначе, если вы с ним будете разговаривать, никогда не повесите!» Наконец сняли меня со стола и потащили на улицу, возвели на кучу камней, а веревку несли за мной, не снимая с шеи. Начинало светать, и тут Господь спас меня и других, ожидавших очереди на веревку, сидящих под арестом. Описывать подробности, как мы сидели в карцере, и кто был нам сочувствующий, и по чьей помощи мы спаслись от этой шайки, пока еще не настала пора, ибо многие из них находятся в СССР и называть их я воздержусь. Наверное, скоро можно будет сказать всё...

Явившись в Краснинск, я обо всем подробно доложил Войсковому атаману Дутову. Между прочим, при самосуде в меня стреляли два раза, и удачно; обе пули попали в меня, но пусть неверующие отнесут это к случайности, а я в этом вижу промысел Божий: потом и уже по приезде в Краснинск стал я раздеваться и ущупал в кармане жилета два каких-то твердых предмета, оказавшиеся двумя пулями, тогда лишь обнаружены мною были пробоины в шинели, поддевке, тужурке и кармане жилета, а потом незначительный синяк и на теле. Дело в том, что у меня в кармане жилета всегда находилась и сейчас находится иконочка-складень, медная и довольно массивная, и вот обе пули попали в эту иконочку и сильно все-таки ее помяли, и эта помятость заметна и сейчас. Об этом обо всем было доложено.

Эту иконочку, когда я поступал в прогимназию, мне, благословляя, дал мой отец — Василий Федорович Енборисов, приказав с ней не расставаться, что я и делаю и сейчас. Эта иконочка у нас, Енборисовых, имеется уже более 300 лет, получена моими предками при избрании Михаила Федоровича Романова на царство и передается так из рода в род. Из Краснинска я вернулся в Кассель, к своему отряду, где уже были слухи, что верхнеуральские большевики готовятся куда-то выступать, и выяснилось: я отвлечен был преследованием большевиков на Троицк, которые находились под командованием какого-то Апельбаума, который из Степной телеграфировал Каширину: «Нас гонят». И я в свою очередь из той же Степной послал Каширину телеграмму за подписью Апельбаума: «Мы разбиты, очищайте Верхнеуральск», я этим рассчитывал на то, что по возвращении сделаем попытку вернуть Верхнеуральск, но обстановка сложилась иначе: казак А.П. Ишимов дал знать Каширину, что кассельские силы очень слабы, только окружное управление, несколько человек охраны, а Енборисов пошел на Троицк.

1 апреля, около трех часов ночи, со стороны Верхнеуральска разъезд донес, что по дороге на Кассель идут войска, орудия, лазаретные линейки и т.д. и отряд растянулся верст на 7—8, около 2000 или более человек, и, только начало светать, Кассель начали обстреливать из пулеметов и из трех орудий, снаряды падали сначала вразброд, а потом сосредоточились на церкви, предполагая там наши пулеметы, но ни одного снаряда в церковь не попало, хотя рвались очень близко и некоторые осколки били по церкви, но вреда не причинили.

Часам к трем дня, цепи начали с трех сторон подходить к станции Кассель шагов на 100—200, и даже был слышен разговор в цепи: «Не оставлять никого в живых».

Осажденные, не получая и не ожидая ниоткуда помощи и не имея патронов, простившись друг с другом, решили, что приходится умирать от предателей России — Кашириных, но о сдаче ни у кого и мысли не было.

Ходил по защитникам священник (приехавший со мной) со святым крестом и благословлял нас, окропляя святой водой. В моей квартире несколько пуль попали в окна и понаделали в стенах отверстий.

Был такой случай, рисующий, насколько казаки боялись пуль и дорожили своей трудовой собственностью: у казака Тимиркеева вышли со двора гуси и как раз пошли под обстрел, и пули около них непрерывно щелкали, пули были разрывные. Один гусь был подстрелен, тогда Тимиркеев схватил хворостину, ругаясь по адресу большевиков, скорее начал загонять гусей на двор, подвергаясь страшной опасности, несмотря на то что и двор его не представлял закрытия, ибо он был плетневой.

Подкрепления Дутов не выслал, за исключением одиночных людей, человек 6—7, и то эти люди имели специальное назначение: дать знать ему, чем кончится этот смертельный бой; под конец были и еще присланы — подьесаул Бородин (ныне генерал), Титов, правда, они сию же минуту побежали в цепь, на указанный мной участок, но были ранены и вынесены из строя.

Я приказал пулеметчику уряднику Ломову сделать по цепи красных несколько пробных выстрелов из пулемета, поставленного на крыше одного дома. Цепи противника находились от нас в 150 шагах, и начали усиленную стрельбу — видна была подготовка к атаке.

Выстрелы Ломова оказались роковыми для большевиков: двое в цепи были убиты наповал, двое ранены. Красноармейцы начали кричать сзади находящимся санитарам, чтобы они

скорее подавали лошадей для раненых, начался переполох, из резерва гнали две пары лошадей, запряженных в обыкновенные крестьянские сани, тогда Ломов направил выстрелы по лошадям, и так удачно, что передняя пара была подбита, тогда сидевшие в санях три человека выскочили из саней и побежали обратно с криками: «Убили лошадей, убили». Создалась паника, соседний участок цепи тоже бросился бежать, а за ним последовали и другие участки, а затем и вся цепь. Я приказал своим партизанам начать преследование, но так как нас было очень немного, то мы особенно и не нажимали, дабы красные не обернулись и снова не восстановили порядок; мы усилили по ним стрельбу, из станицы бросились в преследование почти все жители, и даже женщины-ногайбачки (Кассель населен ногайбаками), которые ездят верхом на лошади очень смело, и они в глазах противника увеличивали нашу конницу. Прогнали мы их версты полторы, увидели в каменоломнях 4 пулемета, брошенные красными, и по 8 лент патронов на каждый, кстати сказать, у нас патронов оставалось по 5 штук на винтовку и по одной ленте на пулемет, а их было всего два.

Красные со всех сторон сбегались в одну кучу к лесочку, от каменоломен шагов 700—800, и образовали на снегу громадное черное пятно, в диаметре шагов 100—150, и я, чтобы не дать противнику возможности исправить свою ошибку, сию же минуту использовал взятые 4 пулемета и 2 своих по этой толпе. Они снова бросились бежать; крик, шум, скрип саней — все это усиливало панику, а также и удачная наша стрельба не дали им оправиться, так что и сам Блюхер едва спасся, спрятавшись в навозной куче на хуторе близ горы Имамоевой.

Кстати, нужно сказать, что собой представляет «знаменитый» большевистский главком Блюхер. Это дезертир из австрийской армии, еврей по происхождению, который военно-полевым

судом был приговорен к смертной казни через повешение, но суд смягчил наказание, заменив пожизненным заключением в каторжной тюрьме, от которой он спасся бегством. Имя его стало известно с того момента, как после бегства появился он в пределах Оренбургской губернии в 1918 году.

Блюхер долго болтался в районе Верхнеуральска, Троицка, Белорецких заводов, выполняя мелкие поручения, пока не снюхался с Кашириным и пока большевики не узнали его как уголовного, а им стаж каторжанина необходим, ибо порядочный человек к большевикам не пойдет.

Вернемся снова к Касселю. Судя по трупам, в этом отряде преобладали уфимские татары, находившиеся под командой Блюхера, и казаки под командой Ивана Каширина. К 11 часам ночи мы вогнали большевиков в Верхнеуральск, поднялась там тревога, забили барабаны, началась беспорядочная стрельба и даже оружейная, загудели свистки на заводах («Революция в опасности»), жители не знали, что это значит, началась неразбериха — кто белый, кто красный, некоторые уже начали эвакуироваться. Мне же занимать город было невозможно, ибо занятый город удерживать было нечем — преследующих было очень мало, да и, наконец, это не входило в наши планы, и я опять вернулся в Кассель, с подвязанной левой рукой, в которую я был ранен пулей еще при начале преследования на первой позиции.

Утром 20 апреля явился в Кассель и атаман Дутов, а нужно добавить, что раньше его ко мне явились трое казаков из Краснинска и доложили, что Дутов, получая донесения о Кассельском бое, решил помощи не посылать ввиду полной невозможности отстоять Кассель с такими силами, как 4-й партизанский отряд, — против превосходящих во много раз отрядов, как по количеству бойцов, так и вооружению, по-

чему и подготовился уходить через станицы Сухтелинскую, Углицкую, Березинскую, Парижскую, Черниговскую и целый ряд других в Тургайскую область, оставив осажденных на произвол судьбы. Это странное и в военное время полководцами не практикуемое (взаимная поддержка) решение подтвердили и много других казаков, приехавших уже днем в Кассель, кои еще добавили, что общество сильно протестовало, говоря: «Вы нас подвели и бросаете беззащитных». Дутов подарил им пулемет для обороны станицы, который после у них был отобран большевиками.

Мы, слава богу, обошлись без Дутова, и многие после говорили: «Может быть, мы обойдемся и дальше без него, может быть, и те офицеры, юнкера и кадеты, кои ушли из Оренбурга в Уральск, тоже находились в положении 4-го партизанского отряда, и Дутов явился в Верхнеуральск одиноким». И я, доложивши ему об этом, с подтверждением этого лично казаками; решили никому об этом не говорить во избежание кривотолков. Этот факт еще сильнее выяснился по возвращении нашем в станицу Краснинскую, жители коей передали все в подробностях: «Лошади у Дутова были запряжены, люди все одеты и отряд был вытянут по дороге в станицу Сухтелинскую, отслужен был напутственный молебен, но жители не выпустили бы, если бы не боялись их вооружения».

4 апреля все отряды из Краснинска явились в Кассель и в ночь выступили в полном составе через станицу Остроленскую, Требию, где стало нам известно, что намеченный маршрут Дутовым в станице Краснинской, по выезде его в Кассель, был передан в Верхнеуральск Каширину, и они с Блохером форсированным маршем направились с отрядами в погоню за нами через станицы Спасскую, Верхнекизильскую на Магнитную, от Магнитной преследователи разделились: Каширин

пошел через Наварин в станицу Черниговскую, дабы преградить путь Дутову, разъединив его со мной, а Блюхер пошел на Кизил, дабы преградить путь в случае, если Дутов прорвется через Чернигово и мы соединимся, он обойдет нас в Браилове или дальше.

В Требии было совещание, на котором был поднят вопрос: идти ли дальше, уклонившись от боя, или напасть на Чернигово и, разбив Капирина, воспользоваться его вооружением? Но решено было уйти, сведений о нас передать никто не мог, ибо Требия была оцеплена. 6 апреля, в ночь, из Требии мы выступили через Наваринскую, через которую прошлой ночью прошел Капирин, двинулись в Браилов, куда и явились утром 7 апреля. Тут не лишним будет отметить, что браиловцы одеты были по-праздничному, во всех домах готовился праздничный обед, жарились гуси, окорока — словом, шла подготовка к встрече каких-то гостей.

Я спросил хозяйку, что сие значит, она говорит: «Извините, товарищи, мы ведь получили распоряжение подготовить вам обед только к 12 часам, а вас Бог принес раньше». Я смекнул, что мы съедем обед чужой, и побежал к Дутову, у него было то же самое. Когда я сидел у Дутова, быстро вошел комендант Заваруев и доложил, что в школе идет какой-то митинг. Пошли: комиссар Фотеев, привезший распоряжение от Блюхера о приготовлении хорошего обеда для всех товарищей, предупредил жителей — встретить Красную армию с подобающим почетом. Программа и вырабатывалась, когда мы с комендантом вошли в школу, атаман станицы и жители растерялись, многие меня там знали — я в прошлом был наблюдающим за обучением казаков.

Фотеев убеждал жителей не подчиняться Дутову, а признать Советы; ну, конечно, митинг был прекращен. Покончив с

блехеро-каширинским обедом, мы выступили дальше и, пройдя ночью, 8 апреля, около полудня, заняли станицу Бриент. Как сейчас помню, мне была отведена квартира у атамана станицы, погода была хорошая — ясная, и мы рассчитывали здесь отдохнуть и даже передневать. Был военно-полевой суд над моим партизаном — хорунжим Усцелемовым, был вынесен, пожалуй, суровый приговор, но я, ввиду отличия Усцеломова в боях и его ранения, приговор в исполнение не привел.

9 апреля, часа в 2—3 утра, неожиданно затрещали пулеметы, винтовочные выстрелы, и изредка дополняли этот привычный концерт — орудийные. Это нас настигли соединенные силы Блюхера и Каширина: первый со станции Уртазым, а второй шел нам вслед, со станицы Чернигово через Браилов, где мы съели его обед. Пришлось снова принять бой, и очень неравный во всех отношениях, и на нашей стороне был только один шанс: ни один из нас не думал о сдаче живым, и народ в отрядах подобрался действительно сливки казачества.

Но тем не менее выдержать бой было бы трудно, даже едва ли уйдем благополучно. Мне пришло в голову сделать маленькую демонстрацию, я отдал строгое распоряжение всем жителям (боем управлял И.Г. Акулинин), чтобы немедленно выгоняли всех лошадей со дворов на степь, и даже сам лично выгонял и послал и еще трех казаков, на что Дутов, обратив внимание и сначала не поняв, в чем дело, мне заметил, что я занимаюсь непонятным ему делом. Цель моя была такова: если мы, не выдержав бой, отступим, то красные, зайдя в станицу, быстро заменят усталых лошадей свежими и снова пустятся в погоню, тем более они теперь, соединившись, представляют серьезную опасность, а если свежих лошадей не будет, их лошади, мы знаем, очень усталые, и они быстро справиться с этой операцией не смогут, а пока отдохнут их лошади и подкормят-

ся, то мы будем от преследующих в расстоянии целого перехода — верст 40—50. Во-вторых, я имел в виду и то обстоятельство, что когда лошади разбегутся по степи, то эти «опытные полководцы» могут быть введены в заблуждение.

Оно так и получилось — мы сами видели: когда свободные кони целыми табунами стали носиться по противоположной наступающему стороне станицы, то среди них стали рваться снаряды Блюхера, отчего кони стали уходить еще дальше.

Это нам все подтвердили жители станицы, когда мы снова вернулись в войско, и передали то, что Иван Каширин рвал на себе волосы и клялся своим Лениным, что он Дутова и Енборисова все-таки догонит и насладится их мучениями на костре. Проведена была страшная репрессия над жителями за то, что они оказывают нам приют и согласились разогнать коней. После выяснения цели разгона мной лошадей Дутов замечание свое взял обратно и добавил: «Вот старый воробей...»

Когда полковник Акулинин начал со своими партизанами отход назад, то мы лично: Дутов, я, Шангин, Половников, Пономарев, Новокрещенов и др. — заняли правый берег реки Якпи-ак-жар (это название мусульманское, по-русски значит «хорошие белые берега») и, слегка закопавшись, ждали, пока наши части пройдут станицу.

Когда Блюхер разобрался, в чем дело, то перенес огонь на нас, и один из снарядов упал, что называется, у нас «под носом» и забрызгал нас грязью, снаряд, к счастью, не разорвался, и В.С. Новокрещенов захватил этот гостинец с собой. Когда весь обоз прошел через станицу и мимо нас, мы снялись и поторопились уходить, считая рвущиеся снаряды, посылаемые красными нам.

Из Бриента мы направились в поселок Елизаветинский, через киргизские аулы, ибо поселок Елизаветинский находится

оторванным от земли оренбургских казаков. Переправившись около Елизаветинского, пока еще по льду, но уже шевелящемуся под повозками, мы наскоро покормили лошадей и в ночь направились на Адамовскую волость Тургайской области.

Тургайская область

Путь на Адамовскую был очень труден: ночь, где грязь, где снег, дороги нет, кони усталые, люди несвежие, страшное утомление, без сна, шли по компасу, каждый ручеек превращен в непроходимую речушку, много раз приходилось вытаскивать повозки, запрягая по нескольку лошадей, производя эту операцию в воде или в мокром снегу, и все-таки мы шли, подогреваемые только правотой своего дела, а не боязнью за свою шкуру; ведь Каширин не многих бы нас казнил, а большинство то осталось бы целыми, но о сдаче никто и слышать не хотел.

10 апреля, около 10 часов утра, мы благополучно вступили в село Адамовское, где уже существовал Совет, который при нашем появлении скрылся, и население волости к нам относилось очень сдержанно. Расположились отдохнуть, подсушиться, подчистить оружие и т.п. Здесь, сделанная непредусмотрительность Дутова, чуть было опять не поставила нас в безвыходное положение. Дутов не придал значения той речушке, на которой расположено село Адамовское. Нужно было переправиться на ту сторону, а потом отдыхать, о чем я ему даже докладывал, а мы остались на правом берегу, а вода к часам двум поднялась — и нам переправиться нельзя, а на горах, со стороны Елизаветинского, показываются отдельные всадники — разъезды Блюхера и Каширина. Я послал партизана Николаева поискать брода, но близко его нигде не оказалось, и когда Николаев отыскивал брод, разъезды Каширина это видели и донес-

ли ему, благодаря чему красные подготовились захватить нас на переправе, где была бы нам несомненная гибель, но и здесь нас выручила находчивость: мы в этот же день, часов около 4—5, выступили вниз по реке, якобы к переправе, а отдельных всадников послали разъезды прогнать. Всадники, видя наше движение вниз реки, поскакали с докладом своим вождям. Нас разделял с противником горный хребет, который и скрывал наше движение от глаз его, и мы повернули, каждая повозка сама по себе назад, так что хвост колонны пошел в голове, хотя мы и начинали движение слева и усиленным аллюром пошли вверх по течению, таким образом, мы с преследующим противником шли в противоположные стороны и расстояние между нами все увеличивалось, а когда это ими было обнаружено, мы опять были далеко друг от друга и ночью вошли в Новоуманский хутор. Пошел снег, превратившийся в дождь, и утром при помощи киргиз мы с трудом переправились через реку.

День был солнечный, ясный. Противник наверняка теперь нас достать не сможет, пока не сойдут воды в этих в обыкновенное время маленьких речушках, а это нужно 3—4 дня или целую неделю. И так мы, слава богу, вступили в землю Тургайской области и вышли из сферы обходных движений красных, кои, потеряв нас, опять отправились объедать Оренбургское войско. До свидания, родное войско, говорили мы, а некоторые, поклонясь до земли, добавляли: «Отдохнем — вернемся». Во время следования по киргизским степям мы сильно нуждались в продовольствии, особенно для лошадей. Тургайские степи почти сплошь покрыты песком, и растительность только по долинам рек, где и располагаются киргизы, которые, услышав про наше движение и приняв нас за большевиков, коих они ненавидели, все удалились в глубь степей — далеко от дорог, и нам ничего не оставалось из прошлогодних запасов, а вновь

еще ничего не выросло, ибо это была очень ранняя весна. Для людей пищи тоже не было — скот был угнан, и питались остатками провизии из войска.

Стали мы следить за отдельными людьми, и нам удалось захватить четырех киргиз, которым и разъяснили, что мы не большевики, а казаки и с нами идет Дутов, а они про него кое-чего слышали, киргизский язык многие из нас знали.

Двоих киргиз отпустили, и они дали знать в соседние аулы, а эти последние послали гонцов и дальше, после сего у нас на пути появились кибитки, киргизские жилища, мука, много баранов, немного сена и камыша. За все мы платили очень щедро, и киргизы начали нас при входе в их аулы встречать и даже угощали.

По дороге много было переживаний, но всего не опишешь. Помню я такой случай: на одной из стоянок есаул Николаев чистил свой револьвер и, к стыду его, не сумел с ним надлежаще справиться — застрелил молодого партизана-добровольца Германской войны Николая Полосина, сына верхнеуральского городского головы Петра Семеновича Полосина, замученного Кашириным. Забрали его тело, завернули в рогожу, уложили на телегу и, перевезя через так называемое Семиречье (переправа через которое представляла очень красивое зрелище, если посмотреть на него со стороны, а участникам ее не совсем было весело, особенно тяжело было семейным, а таковые были), вырыли ямку, положили туда героя, по которому поплачет только ветер степной, сказали над его могилкой несколько слов, простились и пошли дальше. Такова судьба всех нас.

Перед Семиречьем была произведена реорганизация отрядов: из четырех партизанских отрядов и офицерского взвода, начальник коего, есаул Савин, где-то сократился, сформировали один отряд под общей командой В.С. Мамаева, и получи-

лась уже одна компактная строевая часть; начальником пулеметной команды назначен был есаул Николаев. Святую Пасху пришлось встретить в киргизском ауле. Я здесь сильно заболел — встать не мог, лежал в кибитке; навестил меня и Дутов, сообщил мне, что он распорядился собрать желающих-певчих и в 12 часов ночи пропеть тропарь Святому празднику «Христос Воскресе». Пошла моя дочь Антонина да сестра милосердия (фамилию ее забыл) и несколько партизан.

Я заснул, спал на голой земле... И сквозь сон где-то далеко-далеко слышится приятный и близкий сердцу православного христианина напев: «Христос Воскресе из мертвых...» Что было на душе — сказать затрудняюсь: было и весело, что Христос воскрес и что еще раз мне, старому, пришлось это встретить... Было и невесело — тяжело, что это пришлось слышать не в храме Божием, а лежа на земле, в грязной кибитке и грязному самому, хотя еще и в России, но вдали от родных гнезд.

Я, как больной, с трудом поднялся... Перекрестился и тихо произнес: «Воистину воскрес», все верующие во Христа воскреснут, и снова я погрузился на землю, обуреваемый тяжкими мыслями и бесповоротным решением во что бы то ни стало вернуться на родные поля и прогнать ненавистную для казаков власть Советов...

Город Тургай

Наконец подходим к Тургаю, к столице области того же названия, мало чем по наружности отличавшемуся от киргизских зимовок; город построен весь из самана, домики без крыш, а с залитым глиной пологим верхом, в стороне от города — церковь, казармы в разрушенном состоянии, конюшни и другие

постройки, напоминающие, что здесь когда-то была заботливая хозяйская рука...

Население встретило нас приветливо — русских очень мало, было уездное казначейство, небольшая толика денег, был воинский начальник председатель Продовольственного комитета г-н Гарф...

Дутов тогда был уполномоченным Министерства продовольствия, с правами министра на Востоке, разрешил выдать киргизам хлеб, кстати сказать, еще не разграбленный большевиками; здесь тоже был Тургайский совет каких-то депутатов, но перед нами разбежался. Говорю «каких-то депутатов», потому что в Тургае не было ни солдат, ни рабочих, ни казаков. Одни киргизы, и те против этой, чуждой им организации. Достался нам склад оружия, очень много было снарядов, пороху, патронов, так что мы в этом отношении в Тургае отдохнули. А все-таки интересно было посмотреть на развалины города Тургая после разгрома его киргизами в 1903 году. Особенно красивую панораму представляет он, когда вы посмотрите на него с колокольни церкви. Река Тургай довольно многоводная, через русло хороший деревянный мост, разлив около города верст на семь.

Жизнь в Тургае однообразная — оборонительно-разведывательная. Киргизская разведка сообщила нам, что со стороны Кустаная движутся большевики... Послали дальнюю разведку, выставили вокруг города заставы, всех прибывающих осматривали, а подозрительных препровождали к коменданту Заваруеву для допроса, выставили на возможных подступах пулеметы, замаскировали, измерили расстояния, отметили секретными знаками и пулеметы пристреляли по мишеням, на колокольне всегда был часовой, который видел благодаря ровной степной местности настолько, насколько достигало

зрение. Если бы даже и подошли большевики, им город не удалось бы взять, но они, забравшись в степь и будучи встречены хозяевами степей — киргизами несочувственно, не плавали, а вернулись обратно.

В одно прекрасное утро мы были встревожены надвигающейся из-за реки Тургая армией: крик, шум, рев каких-то животных — иерихонские трубы, надвигалась на Тургай какая-то черная колонна, и конца этой колонне не было видно; но это, оказалось, двигались енмасы, то есть киргизы, кочующие из глуби Тургайских степей на Оренбургскую степь, как это бывает каждую весну: весной они перебираются на пастбища, а на зиму снова возвращаются. Было их несколько тысяч человек. Передвижение совершают на верблюдах — «кораблях пустыни». И действительно, кто видит такое шествие в первый раз — зрелище красивое: идет такой «корабль пустыни» по воде, а вода тогда стояла аршина полтора-два, идет плавно, спокойно, поглядывая по сторонам, изгибая свою лебединую шею, на спине у него большая корзина, а в ней сидят несколько маленьких ребятишек, с ними мать-киргизка в чалме, с удивлением поглядывают на нас; на другом «корабле» виднеется домашний скarb: самовары, мука, кошмы и решетки для кибиток, а на некоторых маленькие ягнята, привязанные к корзине, маленькие козлята, собачата, и, конечно, по причине воды сидят и сами хозяева. Привольная была их жизнь — истинная свобода, не бумажная, и я уверен, что теперь эти люди горько раскаиваются, что вовремя мало оказывали сопротивления этим Советам, а сейчас, добившись «свободы», они уже мало кто видит этих «кораблей пустыни», да и самих-то хозяев очень мало осталось, они съели друг друга.

В июле прибыл к нам из Троицка уполномоченный от казаков Оренбургского казачьего войска, кажется Заварухин, и до-

ложил Войсковому атаману, что земли области Оренбургской почти все освобождены от большевиков и казаки просят своего атамана с партизанами вернуться в войско. Были представители и от 1-го округа из Оренбурга, в точности их фамилий не помню, но, кажется, один из них Богданов, с теми же докладами, с добавлением сведений о кошмарном режиме красной банды и усердной работе в пользу красных С. Рязанова и скрытом участии в этом Анисимова. Дутов, вызвав меня, приказал иметь в виду этих типов.

Путь к Оренбургу

Решено идти на Оренбург. Мы выступили, захватив с собой, конечно по их просьбе, и некоторых должностных лиц, боявшихся оставаться в Тургае, например, с нами ушли воинский начальник, казначей и др. Путь был намечен через города Иргиз, Карабутак, левее Орска на станицу Ильинскую. У нас всегда был с собой телеграфный аппарат, благодаря чему мы с любой точки, где имелаась телеграфная линия, соединялись с любым из городов и, насколько возможно, информировались.

В Иргизе была двухдневная остановка, там к Войсковому атаману являлась депутация и от чалкарской общественности и Советов с выражением полной солидарности и проведении идей казачества, не нарушающих общих интересов населения. Здесь мы подкрепились кое-какими съестными припасами, особенно сахаром.

Город Иргиз далеко лучше, чем Тургай: есть широкие прямые улицы, много каменных домов, много русского населения, которое, а может быть только при нас, к нам относилось с приветствием; Совет тоже перед нами разбежался. Из Иргиза пошли на город Карабутак (название мусульманское, а по-русски

значит «черный сучок»). По дороге были встречены русские рыбаки с рыболовными принадлежностями, везли на лошадях лодку и некоторое расстояние ехали с нами. На этих рыбаков я обращал внимание Дутова, что эти рыбаки для сухопутной рыбы, но он не придал значения, и они действительно оказались шпионами от красных, сумевшими потом ловко от нас скрыться.

Город Карабутак тоже лучше Тургая, и главное внимание обращают на себя старинная каменная башня и замок, построенный еще во времена Чингисхана. Из Карабутака пошли в направлении на станицу Ильинскую Оренбургского казачьего войска, и на этом участке ничего особенного не произошло, если не считать арест В.С. Душенкевича с удалением и исключением его из партизанского отряда. Дутов отдал распоряжение, чтобы Душенкевича не допускать ни на какие должности, не доверять ни одного казака, ни одной бумажки.

Подойдя к родному Уралу, настроение немного улучшилось, и, переправившись через него, заняли станицу Ильинскую. Здесь мы получили сведения, что железнодорожная станция Кувандык занята красными; было решено ее освободить, показав этим, что войсковые партизаны не только могут отступать, но и освобождать население и их жилища от банд.

В ночь отряд выступил в набег, а обозы оставались в станице Ильинской, я в этой экспедиции не участвовал. По возвращении из набега сообщили, что бои были весьма удачны, но всегда конец венчает дело, так вот венец-то был немного тяжеловатым. Дутов почему-то не захватил сразу в свои руки телеграф, и Кувандык вовремя сообщил по телеграфу в соседние красные части, кои наперерез захватили наш тыл, заняв высоты с двух сторон по пути нашего отряда, и мы, уходя из-под Кувандыка по долине, были расстреливаемы с обеих

флангов, были раненные и некоторые смертельно: поручик Давыдов, коего похоронили на следующей станции, прапорщик Федотов помер еще при отступлении... И таким образом, желательного впечатления не получилось — пошли дальше к Оренбургу.

В станице Красногорской атаман станицы Арапов встретил нас по-казацки, отрапортовал атаману Дутову об удачном освобождении станиц от красных, при встрече все казаки были верхом на лошадях, начиная от седой бороды до 10-летних мальчиков; школьники, по возможности, были одеты в белые рубашки, при шашках; девочки-школьницы в белых фартучках, все они вышли за околицу станицы на дорогу, в заключение священник с крестом и старик-общественник с хлебом-солью. Все долго кричали «ура, ура», и многие, испытав Советы, встречая нас, от радости плакали. При подходе к станице атаман Дутов слез с лошади, пошел пешком, взяв булаву атамана в руку.

Оренбург

Оренбург устроил более торжественную встречу, казаки встретили при входе в их станицу-форштадт, а население города и духовенство на Форштадтской площади, при входе в город, все одеты по праздничному, продолжительное «ура, ура, ура», дамы и девочки бросали цветы и т.д. Дня через 2—3 по приходе я встретил на берегу р. Урала — на Беловском бульваре — полковника И.Г. Акулинина, идущего под ручку с Рязановым; идут и о чем-то весело «воркуют»; подойдя ко мне и поздоровавшись, И.Г. Акулинин говорит мне: «Знаете, Г. В., мы назначили В.С. Рязанова редактором “Казацкого Вестника”, как вы на это смотрите?» Я ответил: если назначили, то при чем тут мой взгляд, а если бы только предполагали и спросили,

я бы посоветовал держаться того, что мы получили в Тургае и о чем вы мне советовали не забывать; на этом и разошлись. Акулинин действительно меня предупреждал с Рязановым быть осторожным, и я всегда оставался тверд в своих убеждениях и не раскаиваюсь.

Так или иначе, а Рязанов получил газету и дружбу, благодаря чему он получил лучшую из лучших возможностей сделать пользу «товарищам», а мне это примиренчество ужасно не нравилось. Дутов тоже на это был не тверд, очень уж он был «общественный», что к его погону и не шло.

Отдохнувши недельку другую, казаки 2-го округа все отправились в свою окружную столицу Верхнеуральск по Саринской железной дороге, а со станции Сарры на Таналык — походным порядком.

Идя по волостям, везде приходилось делать выемки из бывших Советов, члены коих охотно все отдавали, напоминая сами, что у них есть, всюду встречали с криками «ура». Видно было, что хотя недолго существовали Советы, но успели набить оскомину всем.

Все станицы встречали с почетом, особенно торжественно встречала станица Кизильская, откуда я, как депутат Окружного съезда, который созывается через три дня, выехал вперед на почтовых лошадях.

Верхнеуральск

Подъезжая к Верхнеуральску, видим на горе Извоз огненные вспышки и дымок, наконец слышим и раскаты орудийных выстрелов. Это лихой атаман Анненков из-под Омска пришел на помощь Оренбургским казакам и сражается с Кашириным, защищая Верхнеуральск.

«Снова война! — мелькнуло у меня в голове. — Снова от-
дых под выстрелами».

Около управления 2-го округа нас встретил временно заме-
няющий атамана полковник Луговских со штабом, много было
приветствий, рассказов, всего не опишешь. Я был назначен ко-
мендантом штаба обороны округа. Побывал я у атамана Ан-
ненкова, осмотрел с ним вместе все занятые позиции, кое о чем
посоветовались и приняли кое-какие решения.

Каширин со своими силами находился в Уральских горах,
откуда тоже по временам слышатся орудийные выстрелы и да-
леко видны редкие разрывы снарядов в синей атмосфере над
вершинами гор седого Урала. Переночевав в Верхнеуральске,
я решил съездить повидать свою Арсинскую станицу; жители
станицы для моей встречи вышли из нее версты три; а при вхо-
де в саму станицу у церкви меня встречали с хоругвями. Свя-
щенник с крестом отслужил благодарственный молебен, жи-
тели поднесли хлеб-соль, большинство от умиления плакали,
когда я говорил приветственную речь о своих мытарствах и о
радости, что мне Бог судил увидеть свой трудовой уголок, хотя
сильно нарушенный Советом каких-то депутатов, кои помести-
ли в моем доме «штаб» и управление Совета, сад испортили,
деревья некоторые свалили, решетки выломали, веранду зага-
дили и т.д. Я крайне был всегда удивлен, что эти типы даже
готовым не умеют управлять, а еще хотят созидать. На это я
указал и жителям...

Через два дня явился в Верхнеуральск и наш партизанский
отряд и подошел прямо с дороги к зданию реального училища,
где заседал Окружной съезд, который и вышел приветствовать
своих детей-партизан. Расположились по квартирам, рассчиты-
вая на полный более-менее продолжительный отдых, но утром
рано — еще не светало — раздались выстрелы из орудий, это

большевики повели наступление на Верхнеуральск, и уже заметно было их появление на горе Извоз; благодаря удачно выбранной атаманом Анненковым позиции для своей батареи, которую он расположил среди многочисленных куч кизяка и стрелял через город прямо по вершине горы, он долго задерживал наступление...

Посоветовавшись с атаманом Анненковым, который заявил мне, что, по данным его разведки, большевики ведут наступление широким фронтом и силы их значительны и хорошо вооружены, и, принимая во внимание открытую агитацию каширинцев, удержать город можно только чудом, я предпочел отдать строжайшее распоряжение о поголовной эвакуации города, с предупреждением, что за неисполнение виновные будут строго наказаны, и результаты этого распоряжения были весьма полезны: эвакуировались и старый и малый, и дома были закрыты, благо это было в хорошую летнюю погоду.

Иван Каширин, видя отсутствие сопротивления и разведав, что партизаны оставили город, поспешил двинуться вперед и, подойдя к городу на полверсты, остановился в ожидании депутации, как победитель, но встречать его никто не вышел. Тогда он послал приказ, чтобы его встретили, посланные, вернувшись, доложили, что город пуст. Озлобленный таким поступком, он садится на лошадь и с сотней казаков прошел по улицам города, но занимать его не решился, ссылаясь на то, что если население нас не встретило, значит, оно нам не сочувствует и, следовательно, занимать такой пункт большой риск, и ушел обратно, оставив по улицам приказы и предупреждения, которые я здесь и помещаю:

«Беднота Верхнеуральского уезда! Мы, красноармейцы, защитники ваших интересов, шли к вам с мыслью вырвать вас из поганных когтей буржуев и их друзей-офицеров, и, подходя к

городу, мы думали, что вы обманом или по мобилизации загнаны в ряды белой гвардии, одумайтесь и перейдите к нам, дабы общими силами переколоть эту сволочь, мечтающую вас снова превратить в работников-рабов. Но, подойдя к городу, мы убедились, что свобода вам не дорога, что вы охотно согласились снова быть рабом господ буржуев и их высокоблагородиев. А чтобы доказать, как обманывают они вас, что вы боретесь за Учредительное собрание, обратите внимание на вопиющую несправедливость, на старый режим в вашей армии. Вы, нижние чины, получаете 60 рублей в месяц, а ваши младшие офицеры в сотнях или ротах получают по 300 рублей, где же равенство и братство? У нас в армии получаем жалованье как главнокомандующий, так и обозный по 150 рублей и офицеров, генералов — этой сволочи — у нас нет. И так мы вам не нужны, кланяйтесь низко “их превосходительствам” и “Иванам Ивановичам” с толстым брюхом. Кричите: “Да здравствует Учредительное собрание” и вместе с тем скажите: “Да здравствует Николай II!”

Мы уходим, и вы, беднота, обратите внимание на ваших вождей — офицеров и буржуев, они будут давать вам денежное вознаграждение за боевые отличия, так же как при Николае навешивали георгиевские кресты, а вы, несчастные рабы, идите как бараны в бой с нами — советскими войсками и душийте собственными руками собственную свободу, собственную власть.

Фронтвики! Не вы ли первые начали революцию, не вы ли ненавидели своих офицеров на фронте, не вы ли говорили мне: “Иди вперед, работай для нас, а мы тебя поддержим”, я исполнил вашу просьбу — пошел, но где же вы, где ваша поддержка; обидно и больно нам красноармейцам, оторванных от своих родных семей, за то, что вы, наши братья беднота и фронтвики, идете против нас. Видя такое отношение к нам, мы уходим

туда, где нас ждут на помощь, но остаться среди вас, рабов, и кланяться господам не хотим... Мы желаем умереть, но рабами не будем, вот наш лозунг, и с этими словами мы пойдем выручать других товарищей, коим дорога свобода и советская власть. До свидания, товарищи забитая беднота, а вы, сволочь поганая, мерзавцы-офицеры во главе с Дутовым и старым волком Енборисовым, и вы, буржуи, знайте, что мы ушли, но мы живы и недолго все же вам, проклятым кровососам, придется злорадствовать и радоваться: настанет время, когда мы будем срывать с вас образованные, умные, хитрые и подлые башки, а ваше изнеженное барское тело бросать на съедение собакам.

Штаб Красной армии

Иван Каширин».

Выписка из приказа Капирина:

«Я, как главнокомандующий всеми вооруженными силами, объявляю жителям станиц, поселков и деревень о следующем:...Стоя непоколебимо, как большевик-коммунист, на советской платформе и, приняв ответственный перед революцией пост главнокомандующего, я предупреждаю и объявляю в последний раз, и тратить время на слова мне больше некогда. Станицу или поселок, выступившие против советской власти, буду карать самый беспощадным образом... не оставлю камня на камне. Думай, пролетариат, и вырезай ножами, косами, прикалывай вилами, руби топорами эту сволочь — богатых... во главе с мерзавцами-офицерами... Я говорю не слова, а дело...

Восставший поселок Кидышевский артиллерийским огнем революционных войск моих отрядов уничтожен дотла. Оправданий в дальнейшем не приемлю — всех восставших участь будет одинакова, что и участь поселка Кидышевского... (И далее идет ряд проклятий и целый ряд отборных выражений.)

Главнокомандующий фронтом *И. Каширин».*

Каширин говорит, что у них главком и обозный получают одинаково, но под Бузулуком были взяты в плен комсотни сотник Пичугин и несколько рядовых красноармейцев и при Пичугине оказалось 230 тысяч рублей денег, а при рядовых — более 37 рублей не было, это нагляднее его приказов о равенстве. А что касается их «народной власти», то теперь всякий должен убедиться в том, что русскому народу не нужна была власть каторжан и она навязывалась насильственно: ножами, топорами, косами, пожарами, расстрелами и другими «свободами» и сейчас держится только насилием Чеки, что подтверждал сам Дзержинский в газете «Правда» от 17 декабря 1921 года: «Чека верный часовой революции...», а его помощник Белобородов 24 декабря того же 1921 года на 9-м съезде в Москве, торжественно признал это насилие, говоря: «Чека — это основа большевистской власти, и победа над белыми армиями обязана исключительно Чеке, которая сумела сделать невозможным восстания внутри». Следовательно, русский народ был и есть придавлен, а признавать не думал и не думает. Когда Каширин после неудачного набега на Верхнеуральск снова вернулся в горы, тут его поджидали еще наши казачьи части, кои во время его движения на Верхнеуральск зашли ему в тыл, и таким образом было положено начало общему отходу красных по всему Уралу, и жители Верхнеуральска все вернулись по домам, а также и Окружной съезд, эвакуировавшийся было в станицу Краснинскую, для окончания работ перебрался в Верхнеуральск.

Не могу умолчать и о том, что старший мой сын Николай, довольно лихой офицер, участник Германской войны, получивший много контузий, ранений и по излечении всегда возвращавшийся в бой, получивший очень много наград, ярый противник Советов, неожиданно сделался Андреем Тарасовичем

Бульбой, то есть послушался бабы (жены) и не исполнил благословения своего отца, ушел к Советам, а после, как блудный сын, было вернулся. Но отец его, человек грешный, не удостоился быть библейским отцом — не созывал гостей и не задавал пира, ибо, когда Родину ведут на эшафот, Библией заниматься не приходится, и в результате сын похоронен в поселке Арсинском по христианскому обряду... Здесь была еще громадная ошибка со стороны казаков Спасской станицы, но называть их еще несвоевременно.

Далее жизнь пошла по-нормальному, как и бывает в глубоком тылу во время войны. Я назначен начальником военного контроля, будучи в то же время и комендантом штаба обороны округа и всего района, а через несколько дней получил назначение на должность начальника отдела государственной охраны. В общем, на меня вваливали все, как видно из вышеизложенного, начиная с 1-го Окружного съезда 2-го округа 1-го Войскового круга и последующих, и мне приходилось день и ночь работать, а кто если знает или представляет такую ответственную работу в такое тревожное время, когда нужно охранять население в волостях, станицах, селах и т.д., охранять строевые части от их засорения, охранять спокойствие в городе и уезде, округе, откуда ежедневно доносят об отдельных осложнениях, об агитации. Все это было возложено на меня. Кошмарная работа! Я покоя не знал, но, сознавая, что делаю доброе дело, дело не личное, а общерусское, и что если откажусь, то уверен — это население расползется, а население это, кстати сказать, мне доверяло и просило не покидать их, я из этого черпал силу и энергию, видя, что моя работа приносит обильные плоды и зная, что есть завистники и провокаторы, которые будут усиленно мешать и срывать эту работу.

Штаб обороны много раз запрашивал: «Можно ли назначить командиром полка такого-то?» или «Можно ли поручить такому-то?» и т.д. Беря на себя всю ответственность, я очень добросовестно и, как оказалось, очень удачно давал заключение. Например, я отклонил назначение полковника Лосева, Душенкевича, Шмотина и др., и если они после меня и получили назначения, так это только еще сильнее подтверждало мою правильную оценку, судя по результатам выполнения этих назначений.

В это время в Челябинске расположен был штаб отдельного корпуса, командиром коего был генерал Ханжин, начальник штаба полковник Сукин. Штаб корпуса почему-то все время старался подчинить себе и строевые части, не входящие в его состав, а также вмешивался и в распоряжения администрации 2-го округа.

Чрезвычайный Войсковой круг в Оренбурге

В Оренбурге был созван чрезвычайный Войсковой круг, и заседание было в здании торговой биржи. Я был товарищ председателя Круга и председатель военной комиссии. Всех участников Тургайского похода — офицеров — произвели в следующий чин по старшинству, и за поход тоже, таким образом, двумя приказами офицеры были произведены в два чина.

Тут же были произведены в генералы: Дутов, Акулинин и Поляков. Оренбургские строевые части продолжали освобождать территорию казаков от красных, в руках коих находился только Орск, но и тот держался в осаде. Вечером, не помню, какого числа, ко мне на квартиру явился атаман Дутов (я жил в номерах Коробкова) и просил меня для ускорения взятия Ор-

ска предложить Войсковому кругу командировать его, где он будет руководить боем.

Я наутро выступил в Круге с предложением: Оренбургская территория вся очищена от красных банд, за исключением Орска, и этот клочок должен быть очищен немедленно, для чего я предлагаю командировать туда Войскового атамана генерала Дутова с категорическим приказанием взять Орск и прогнать большевиков. Круг согласился и тут же пригласил Дутова (о моей беседе с ним никто не знал). Я повторил приказ Круга атаману Дутову и добавил: «Приступайте, атаман!» Он ответил: «Приказание хозяина земли области оренбургских казаков исполню в точности...»

Кланяется... президиуму, Кругу и уходит под громкое «ура».

Через трое суток, даже неполных, получаем от него телеграмму, которая говорит: «Орск взят, на земле оренбургских казаков не осталось ни одного большевика», а когда явился Дутов на Круг, то произошло что-то невероятное: шум, крик «ура», аплодисменты, от которых приходилось беспокоиться о барабанных перепонках, и, наконец, когда успокоились, Дутов начинает свой доклад словами: «Орск у ног хозяина».

Говорить не дают — «ур-ра».

Продолжает: «Приказание Круга выполнено» — и доложил подробности взятия Орска.

По выслушивании доклада я поднимаюсь на трибуну как председатель военной комиссии и поздравляю Дутова с производством в генерал-лейтенанты. Круг мое поздравление санкционировал громким «ура»...

Итак, Войсковой атаман, войсковой старшина Дутов через год генерал-лейтенант. Среди других вопросов на Круге были рассмотрены военной комиссией ненормальности в частях пол-

ковника Булгакова, есаула Богданова и воскового старшины Кручинина (Владимира), но я предпочел это все ликвидировать, что называется, домашними средствами.

Верхнеуральск

По окончании работ в Войсковом круге я вернулся в Верхнеуральск, и снова вступил в исполнение всех своих должностей, и вскоре получил донесение от нескольких станиц, что колонновожатым Блюхера и Капирина, по предательству Дутова и партизан, в станицах Чернигово, Браилово, Бриен — 8-го апреля, Адамовской и т.д. был киргиз, который и сейчас продолжает агитировать за погромы и неподчинение Войсковому правительству, каковым по точному расследованию оказался киргиз Джилкуарской волости Сыйдык Телегенов. Получив это донесение и считая это дело весьма серьезным и важным, я решил это проверить сам и выехал в эти станицы. Виновность его вполне подтвердилась. Были допрошены жители станиц: Еленинской, Черниговской, Требиатской, Браиловской, Бриентской и др. Я арестовал его и передал в распоряжение следственной комиссии, председателем которой был калмык Бояров.

Через неделю я узнаю, что этот киргиз на свободе, тогда я приказал чиновнику моего управления Падерину произвести секретное расследование, почему Сыйдык на свободе. Оказалось, Бояров взял с него взятку: 10 тысяч рублей деньгами, пуховый платок, пуховый шарф, экипаж и еще какие-то вещи. Когда я еще был убежден одной проверкой, я арестовал Боярова с содержанием в Верхнеуральской тюрьме гражданского ведомства, ибо военной гауптвахты не было, с зачислением за начальником охраны. Поднялся вой некоторых членов комиссии, но, конечно, они, узнав, в чем дело, замолчали. Товарищем

председателя этой комиссии был Гродзицкий, юрист, член Государственной думы, продавец России, членами Сурков, Цветков — тоже юристы, коих я, вызвав, предупредил, что, если они еще допустят подобного рода деяния, я арестую их. Будучи сильно обескуражены тем, что их гнездо нарушено, они повели скрытую кампанию против меня, к ним примазался товарищ прокурора Тельтовт, оказавшийся, по расследовании моего помощника Смирнова, агентом большевиков. В моем отсутствии Тельтовт появлялся в станице Арсинской, агитировал против меня, добивался какого-то приговора жителей обо мне, вообще вел большевистскую работу, сговорился со священником Докукиным, который постоянно сутяжничал и ссорился, жители же оказались не такими, какими Тельтовт хотел их видеть: они вынесли постановление, обличая его в подстрекательстве, и прислали с него мне копию следующего содержания:

«Протокол общего собрания жителей Арсинской станицы, на собрании присутствовало 250 человек. (Чин, имя, отчество и фамилия председателя собрания, его товарища и секретаря на копии имеются.)

Имели суждение о том, что почему это опять у нас в станице появляются какие-то чины и производят разлад в нашем обществе. Как при губернаторах являлись какие-то шпионы, проводившие дни и ночи у священника Докукина и создавшие рознь в нашей среде, и в конце мы получили грязное пятно — “большевики”, и почему-то подкапывались все к нашему офицеру Г.В. Енборисову, так и теперь являются разные лица под видом чиновников, следователей, прокуроров и т.д. и опять начинают с того, что беседуют у священника Докукина, и потом допрашивают, как служили молебен г-ну Енборисову, как подносили хлеб-соль, чем заслужил он это, почему ему заплатили за убытки, причиненные большевиками. Почему-то осматривали

его дом и т.д., и мы постановили единогласно просить уважаемого нашего Войскового атамана генерал-лейтенанта Дутова оградить нас от развала, воспретив агитацию против Г.В. Енборисова, ибо мы ему верим — он создал нам в станице порядок, тишину, единение. И если что мы ему уплатили, взыскав с виновных, так он с нас и не просил, а мы сами, видя его разорение Советом, вознаградили его. И, по-нашему, Г.В. Енборисов может не нравиться только большевикам, а честным людям кроме пользы ничего не приносил, благодаря ему не только порядок у нас в одной станице, но мы слышим от других станичников, что он полезен и для них. Мы верим своим избранникам, Войсковому правительству, а Г.В. Енборисов предан ему и ни на минуту не сложил оружие в защиту его и родных станиц. Хлеб-соль от станицы он вполне заслужил, и мы приветствуем его с радостью и гордостью, и если найдутся какие-либо отдельные лица, не сочувствующие ему, так в семье не без урода, и то только сторонники большевизма или заинтересованные, сводящие личные сче-ты».

На протоколе подписи президиума и всех присутствующих.

В декабре был созван Чрезвычайный окружной съезд 2-го округа, здесь выступили на сцену Арзамасцев — фельдшер Магнитной станицы, очень редко бывавший в ней, и Захаров — тайные друзья Седельникова — и под влиянием провокатора Тельтова решили меня спровоцировать перед Окружным съездом.

Ввиду того что вся работа ведется мной, казаки округа знают меня, население уездов тоже, Захаров попытался проехать по округу сам лично и проверить, что собой представляет Енборисов в глазах населения, и, если возможно, установить свою политику, но оказалось, что население дышит моим духом, что население меня уважает, и мной дорожит, и на меня надеется. Тогда они и взялись за провокацию среди депутатов

округа, но и тут им не повезло: Боярова, друга Ивана Каширина, с которым он пьянствовал в поселке Натальинском, я им из тюрьмы не освободил, и съезд не захотел узурпировать мою власть.

Оренбург

Видя такое отношение ко мне этой тройки, я, передав пока свою должность помощнику своему сотнику Смирнову, а деньги казначею С.М. Владыкину, расписки коего сохраняю и доселе, выехал в Оренбург, телеграфировав Дутову о выезде, где и явился ему. А так как моя работа должна идти по общему политическому руслу с областной военной милицией, то пошел и к начальнику таковой полковнику Литвинову, помощником коего был П.С. Архипов, кстати сказать, на ком и лежала вся работа по управлению милицией. Войсковой атаман и управление военной милиции работу мою одобрили.

В Оренбурге была получена телеграмма, адресованная на имя главного начальника военного округа, подписанная начальником моей канцелярии Труфановским, где он говорит: «Начальник охраны Енборисов скрылся неизвестно куда, захватив деньги и отчетность». Эта телеграмма была получена в Оренбурге еще до моего приезда и, как видно, была направлена во вред мне, но она была получена людьми, хорошо оценивающими момент и мою строгость не только к людям, но и к себе, и по приезде передана мне с резолюцией: «Енборисов поехал — значит, так требует служба — по приезде передать ему».

Труфановский в одном лишь был прав, что он не знал, куда я выехал, а помощник Смирнов и казначей Владыкин не считали нужным ему об этом говорить. В Оренбурге я получил от Смирнова телеграмму следующего содержания:

«Оренбург, отдел охраны войск, начальнику Верхнеуральского контроля Енборисову. Из Верхнеуральска №273, принята 6 декабря 18-го года. Принял Базанов. Военная, срочно.

Связи отправкой партии арестантов, произошел конфликт между комендантом и т. прокурора Тельтовтом, комендант определенно знает, что следователь Цветков был командирован целью воспрепятствовать якобы расстрелу Карагайске, о чем распускали городе слухи. Я, Шолохов ездили Карагайск просить арестованных делу начальника тюрьмы.

Станице наслали следователя Цветкова, брал деньги арестованного, приказав выпустить арестантской для переговоров и составления телеграммы прокурору причине задержания арестованных Карагайске и принятия мер. Цветков мною был задержан, производстве дознания незаконных действиях, затем выпущен. Дознание установило содействие большевикам.

Арестованный Адигамов показал: Цветков, Сурков, Гродзицкий — большевики, другие арестованные подтвердили. Окончании дознания арестованных — догнали партию. Прокурор послал телеграмму министру юстиции — аресте, издевательствах. Следователь производит дознание, стараясь очернить нас, отрицая законность задержания следователя.

Прокурор уволил должности войскового милиционера дутовца Воронина, бывшего нами.

Прошу спешных распоряжений. 12. Смирнов».

Вот кто тормозил мне делать русское дело, и кто поддерживал большевиков, и кто чинил беззаконие, предавая Россию на распятие. По получении этой телеграммы я телеграфировал министру юстиции: «Это недоразумение разберу сам лично по приезду в Верхнеуральск и сообщу, что представляет собой Тельтовт и компания — враги Колчака».

А Смирнову: «Спасибо, продолжайте в духе русского патриота» — подписавши ту и другую.

Через два дня получаю вторую телеграмму: «Провокация Арзамасцева и компании против вас продолжается, но успеха не имеет — население верит вам. Смирнов». В это время большевики начали окружать Оренбург, в Оренбурге начались митинги. Чиновник Каргин, Анисимов, Седелников, Валидов, Махин устроили заговор против Дутова, но он вовремя был раскрыт. На фронте дела шли неплохо, я с Дутовым побывал на позициях, все было сделано прочно, и о том, что Оренбург большевики возьмут, никому в голову и мысли не приходило, но все-таки Дутову пришлось опять его сдать большевикам. Судьба играет человеком.

После того, что обнаружилось за Душенкевичем, после исключения его как неблагонадежного из отряда, и, наконец, после такого предупреждения самого же Дутова, чтоб никуда его не принимать и ничего ему не доверять, Дутов назначает его комендантом штарма. И что можно ожидать от пьяного человека! Возможно, что благодаря такому примиренчеству были у дела и не один такой Душенкевич или Рязанов, а много, и эти крупинки, собравшись в кучу, помешали и нашему русскому, особенно казачьему, делу.

Я эвакуировался с комендантским управлением сначала в Орск, а потом в Троицк.

Троицк

В Троицке я заметил беготню тельтовтской компании и их свидания с какими-то темными личностями. Они подговаривали каких-то свидетелей, но я особенного значения этому не придавал, уже хотел выехать к месту своей службы в Верхнеуральск,

но эти «приятели», боясь вступления моего в исполнение всех моих должностей и привлечения их, как провокаторов, к ответственности, своими заботами предупредили меня. 19 февраля, сидя в управлении начальника военной милиции полковника Литвинова, в кабинете его помощника П.С. Архипова, получаю записку от коменданта города, через подпоручика Дисковского, о моем аресте: я, как человек военный, дисциплинированный, сразу подчинился и зашел к себе на квартиру, кое-чего захватил и пошел на гауптвахту. Через несколько дней явился ко мне красный Тельтовт в сопровождении полицейского и произвел у меня осмотр вещей, отобрал много ценных документов по отношению разведки о большевиках, где были замешаны Тельтовт, Гродзинский, Сурков, Цветков и компания, отобрал инструкцию действий охраны, личные мои заключения; карты Оренбургской губернии и ее отдельных участков, проекты обороны, заготовленные мной, и т.д., револьвер «браунинг» с тремя обоймами, 19 тысяч рублей денег, обещая возвратить, и не возвратил.

9 марта переводят меня в тюрьму гражданского ведомства и пока не предъявляют конкретного обвинения, и, главное, почему-то в тюрьму, ибо статья 472, книги 24 С.В.П. категорически это не допускает, а статья 474, чтобы применить какую-либо меру пресечения, нужно принять во внимание силу представляющихся улик, о коих я пока и сейчас не знаю.

Статьи 1311, 1312 и 1313 той же книги точно и определенно говорят, что не только военнослужащие, каковым я являюсь, а даже лица гражданского ведомства должны подлежать военному суду, а значит, производство предварительного следствия должен вести военный следователь, а возбуждение преследования и предание суду принадлежит военному начальству (статья 214), а не какому-то Тельтовту-провокатору.

И наконец, статья 379 обязывает производство следствия возможно скорее, даже не останавливает в табельные или воскресные дни, а статья 213 совершенно запрещает возбуждать судебное преследование и привлечение к ответу, помимо указанных выше правил, а я, несмотря на это, содержался в тюрьме гражданского ведомства несколько месяцев — это беззаконие и насилие надо мной. Я не думаю, чтобы наши «военачальники» не знали, а тем более мне удалось из тюрьмы послать пространный доклад Верховному правителю адмиралу Колчаку, на котором он наложил резолюцию: «Требую поступать только согласно закону. *Колчак*», и все-таки самоуправство, беззаконие и насилие не прекращалось, в полном смысле слова революционному, «по товарищески» и Тельтовт сильно настаивал меня отправить под конвоем в Верхнеуральск, а там легко передать и Каширину, но побоялись возможного осложнения в станицах. Началось отступление наших частей от Верхнеуральска, кои шли по направлению к Троицку, благодаря чему я получил освобождение. Тельтовт, узнав об этом, скрылся.

Всю эту шайку я после не встречал. Отобранный у меня на гауптвахте Тельтовтом револьвер я случайно обнаружил у некоего подпоручика Дисковского, который предъявлял мне записку об арестовании, и я тут же отобрал, и Дисковский по растерянности, вследствие неожиданного моего появления, выстрелил в пол. Теперь вся эта компания служит у большевиков.

До Омска

24 июля 1919 года я с небольшим скарбом и ребятишками выехал из Троицка по направлению на Петропавловск через станицу Устуйскую, в которой стояли около 7 дней, ожидая, чем кончатся бои у Троицка. Я рассчитывал, что если Троицк

не будет занят большевиками и казаки отстоят его, заняв прочно, то и семью верну обратно, а сам поеду в Омск, снова возьмусь за работу и послужу еще России, которой я служил в лице трех великих императоров: Александра II, Александра III и Николая II, не нарушив ни одной буквы, и по мере сил моих еще раз покажу своим провокаторам, что я, несмотря на свои годы, могу быть полезным больше, чем они, а там увижу и Дутова.

Троицк заняли большевики, и я поехал в частном порядке, в том составе, как выехал из Троицка. Дорога была без приключений. Когда я ехал по станицам сибирских казаков, я везде старался выступать на сходах, уговаривая не сдаваться большевикам, ссылаясь на чинимые ими беззакония и расстрелы жителей — вроде Ивана Каширина над куропаткинскими казаками, коих он пристрелил 11 человек своими руками. Не могу похвалиться тем, что сибиряки везде соглашались со мной, говоря: «Пускай, кто как хочет, а мы посмотрим сами».

Омск

В Омске я жил недолго, скоро себе нашел работу, послушал лекции на политические темы, вступив предварительно добровольцем в дружину Святого Креста. Лекции читали: В.Ф. Иванов, священник Садовский, профессор Дмитрий Васильевич Болдырев, инициатор добровольческого движения и профессор Н.В. Устрялов, который сильно бил в правый край. Сформированная рота добровольцев дружины Святого Креста, под командой капитана П.П. Русина (ныне полковник), должна была выступить на фронт, я, узнав об этом, поспешил записаться в нее рядовым крестоносцем, и перед отправлением собралась она у собора для выслушания напутственного молебна. Молебен служил архиепископ Сильвестр, который при миропома-

зании приколот сам лично на меня, Болдырева и Русина знаки крестоносца: на зеленом щите — белый восьмиконечный крест. В строю я стоял на правом фланге, со мною рядом профессор Болдырев — оба мы с винтовками. После молебна явился главковосток Дитерихс, который, как воробей, все время ерошился, появился и наш атаман Дутов, и, увидя меня, немного смутился, и, посмотрев долго, подошел ко мне, поздоровавшись, спросил: «Давно здесь?» и «Что это вы в рядах?» Я ему ответил: «Разве вы не знаете, что я всегда начинал с рядового, и теперь еще раз хочу показать своим “друзьям”, что я служу не за свою честь и славу, а для пользы делу. Попробую».

Когда распустили роту по квартирам, Дутов предложил мне сесть с ним в автомобиль, и он подвез меня до квартиры; я помещался во дворе в сарае, на земле. Он посмотрел и пошел к машине, около которой начал меня уговаривать отказаться от службы рядового: «Вы можете принести больше пользы на другом поприще»; и все-таки мы ни к чему положительному не пришли.

Утром на второй день я получил предписание от имени начальника добровольческих формирований генерала Голицына, подписанное его уполномоченным Васильевым: «Полковнику Енборисову с получением сего явиться в управление уполномоченного добровольческих формирований. № 116, поручик Васильев». Являюсь. Меня назначили начальником агитационно-вербовочным отделом в Семипалатинск и др.

«Слушаюсь!» — ответил я. В мое распоряжение поступили: священник Чернавин, г-н Рабинович, двое мусульман, Морозов, а в Семипалатинске явились священник Фокин, директор Тобольской гимназии Сулима-Грудзинский, Ф.М. Волков, Ширяев, Таубер, и все они уже начали работать под моим наблюдением и по моему указанию. После я узнал, что Дутов в

тот же день, что был у меня в Омске, виделся с начальником добровольческих формирований и предложил меня на фронт рядовым не пускать, а дать работу по организации и формированию, как опытному в этом деле человеку. Еще раз виделся я с Дутовым перед отправлением его в Кокчетав.

Семипалатинск

В Семипалатинске я сделал очень много: 5 октября создано было общее собрание беженцев, председателем такового единогласно был избран Г.В. Енборисов, секретарем протоиерей И. Фокин.

Председатель, не предлагая вопроса по повестке, возбудил вопрос о том, считает ли данное собрание себя правомочным решать вопросы от имени 350 человек, когда нас собралось только 150 человек, и может ли поручиться за то, что наше постановление будет выполнено, и высказал свой взгляд, что данное собрание решать такие важные вопросы, не будучи уверенно за его выполнение, не может, а следовало бы назначить другой день и созвать более многочисленное собрание...

Собрание единогласно к мнению председателя присоединилось и постановило: созвать таковое на 9 октября в два часа дня, просить все фирмы и учреждения, где состоят на службе беженцы, к этому часу освободить их на время собрания.

9 октября беженцы были уже собраны в большем количестве, и было вынесено решение, что все способные носить оружие от 18 до 65 лет должны встать в ряды защитников Родины от большевиков, и тут же уполномочили Г.В. Енборисова созвать на 14 октября граждан города Семипалатинска и его окрестностей для обсуждения тех же вопросов, ибо Россия нужна не только беженцам, но и всем русским людям.

Протокол от 14 октября: «Собрание граждан г. Семипалатинска и его окрестностей, созванное 14 октября с.г. в здании бывшего электротeatра “Модерн” [...] часа дня, руководителем миссии по формированию дружины Св. Креста Г.В. Енборисовым, на основании протокола от 9 октября.

Председателем был избран инициатор собрания Г.В. Енборисов и секретарь В.К. Таубер.

Открывая собрание, г-н председатель предложил ответить ему: считает ли себя полномочным настоящее собрание приступить к обсуждению весьма важных, общегосударственных вопросов, выдвигаемых переживаемым временем. Собрание ответило, что оно не признает себя вправе при настоящем составе обсуждать столь важные вопросы, единогласно просит отложить его и, сделавши снова возможно широкое опубликование, путем напечатания и расклейки особых объявлений и публикации в газете “За Родину”, назначить второе собрание на воскресенье 19 октября, в два часа дня, причем собрание поручило созыв такового председателю, и следующее собрание, как вторичное, считать состоявшимся при всяком числе собравшихся и постановление его считать для граждан г. Семипалатинска и его окрестностей обязательным (подписи)».

Вынося такое постановление, я имел в виду, что если предполагаемое собрание будет считаться законным при всяком количестве собравшихся и постановления его обязательны для всех, то население, во всяком случае, постарается явиться на собрание во множестве, дабы каждому принять участие в решении такого важного вопроса, и отдать свой голос за то или иное решение, и отстоять свое желание или нежелание, — и я не ошибся.

19 октября собралось очень много народу, и весьма большое помещение электротeatра не только было битком набито,

но были открыты все входы и выходы, кстати сказать, погода была хорошая, теплая, и публика наполнила и улицу и двор, и все, что говорилось (говорили громко), передавалось и вне помещения, и толпа настраивалась одинаково с находившимися внутри здания.

Протокол 2-го собрания: «Протокол № 2 общего собрания граждан г. Семипалатинска и его окрестностей, в присутствии управляющего областью г. Зверева, 19 октября в три часа дня.

Войсковой старшина Енборисов, открыв собрание, предложил избрать председателя на данное заседание. Председателем единогласно был избран Г.В. Енборисов, и избрание его было встречено дружными аплодисментами.

Товарищем председателя — представитель Ижевской дивизии прапорщик Белоногов и гражданин г. Семипалатинска Ф.И. Васильев, секретарями: С.Г. Кормин и М.И. Рычков.

После чего председатель г-н Енборисов, объявив заседание открытым, в краткой речи указал цель настоящего собрания и познакомил с положением добровольческого движения в Омске, Томске, Барнауле, Ишиме и др., выразил убежденность, что граждане г. Семипалатинска и его окрестностей, во всяком случае как граждане России, примут участие в защите Родины от захватчиков с оружием в руках.

После речи председателя выступил представитель Ижевской дивизии г-н Волков, нарисовавший большевика во весь его безобразный рост, горячо призывая население дружно встать на защиту страдающей Родины. С теми же призывами выступили священники Фокин и Чернавин, указывая на чинимые большевиками гонения против Святой Православной Церкви.

Председатель г-н Енборисов, резюмируя речи ораторов, выражает уверенность, что граждане г. Семипалатинска и его

окрестностей не заслужат упрека от своего потомства, что полученное громадное наследство от предков не сумели защитить от разбойников и оставили их нищими, призывал вступать в ряды дружины Святого Креста».

Причем я продемонстрировал перед собранием семью Ивановых: накануне собрания вступили добровольцем в дружину крестоносцев почтовый чиновник Кузьма Иванов, 43 лет, жена его, 40 лет, сын, 17 лет и второй сын, 13 лет, и все четверо одели наружные знаки крестоносца. Я их попросил прийти на собрание и, по моему знаку, взойти на сцену и встать за спину президиума, как раз против экрана (президиум сидел на площадке против экрана), и когда Ивановы взошли на сцену и встали на указанное место, то я подал знак заранее предупрежденному лицу, который управляет электрическим аппаратом при демонстрировании картин в электротейатре, чтобы он бросил на экран электрический луч и свет ударил как раз на семью, а президиум в это время отошел немного в сторону, и я, указывая на семью Ивановых, к своим словам добавил: «Россия еще не оскудела, у ней еще есть Минины — вот они, а Пожарский в Омске — не посраим Земли Русской, последуем примеру историческому Козьме Минину и нынешнему Козьме Иванову».

Поднялся шум, крик — кричали мужчины, кричали женщины: «Идем, записывайте нас, мы все пойдем...» И тут же потребовали бумагу, карандаши, и запись началась...

На сцену еле взобрался калека — герой Германской войны, некто Х...в, и заявил: «Пишите меня и всех от 18 лет до 55 — все пойдем». И этот призыв был встречен продолжительными аплодисментами, и тут же была выработана резолюция: «Принимая во внимание тяжелое положение дорогой нашей Родины, причиняемое безбожными варварами — боль-

шевиками и находя необходимым и обязательным ее спасение, мы все граждане, проживающие в Семипалатинске и его окрестностях, постановили: теперь же в течение двух недель записаться и вступить в ряды славной нашей армии добровольцами, в дружину Святого Креста, Ижевскую дивизию и др. добровольческие части армии Верховного правителя, от 18 до 55 лет, с оружием в руках защитить от насилия советской власти. И если кто-либо в указанный срок не запишется и не вступит добровольцем, то уполномочить воинского начальника г. Семипалатинска ходатайствовать перед Верховным правителем о немедленном объявлении этому возрасту мобилизации и просить президиум о настоящем постановлении телеграфировать Верховному правителю».

После резолюции собрание потребовало, чтобы подлежащая власть сделала проверку всех лиц призывного возраста, устроившихся в тылу, и оказавшихся физически сильными и способными командировать на фронт, заместив их соответствующими старших возрастов и физически слабыми.

Телеграмма Верховному правителю:

«Омск. Верховному правителю.

19 октября. Общее собрание граждан г. Семипалатинска и его окрестностей, под председательством войскового старшины Енборисова, узнав о вашем категорическом отпоре на посягательство на наше достояние Владивосток, с глубоким чувством радости приветствуя это мудрое решение и будучи уверено, что под вашим руководством возродится единая могучая Россия, постановило: поручить президиуму довести Верховному правителю, что все граждане Семипалатинска и его окрестностей, движимые чувством преданности Родине, в течение двух недель должны вступить в ряды добровольцев в дружину Святого Креста и др. с 18 до 55 лет, о невступивших

ходатайствовать перед вами о немедленной мобилизации этого возраста.

Председатель собрания войсковой старшина *Енборисов*».

Подлинный протокол имеется с надлежащими подписями.

На эту телеграмму от Верховного правителя была получена следующая телеграмма: «Семипалатинск. Войсковому старшине Енборисову. Благодарю вас и общее собрание граждан Семипалатинска и его окрестностей, состоявшееся 19 октября под Вашим председательством, за воодушевляющие его стремления реально и всемерно содействовать мне в борьбе с большевиками, с успешным исходом которой неразрывно связан рост нашего государственного авторитета вовне. С удовлетворением убеждаюсь, что порыв национального достоинства все крепнет в стране.

Верховный правитель *Колчак*».

В течение нескольких дней было записавшихся свыше 2000 человек, и отдельно от сего женщин около 100 человек, причем ими было подано мне заявление, что они желают поступить в армию для ухода за ранеными, больными и на все должности, где будет им под силу. Обо всем я сделал доклад своевременно. Некоторые женщины записывались в кавалерию, например дочь коменданта Барнаула.

В Семипалатинске встретил я хорунжего И.М. М. и несколько казаков из отряда атамана Анненкова — были в отпуску как раз в то время, когда Иван Каширин вступал в мою родную станицу Арсинскую, и им едва удалось спастись от этого разбойника.

Когда Каширин, по их рассказам, вошел в станицу, конечно, из страха его жители встретили без сопротивления: подошел к моему дому и сказал: «Смотри, пролетариат, и учись, как надо поступать с мерзавцами-офицерами и буржуями»

— и своими руками, облив угол дома, поджег, а когда пожар распространился на весь дом, сад и другие постройки и пламя слилось в один ад, Каширин, стоя на церковной площади, где был мой дом, закинул левую руку за спину, правой показывая на пожар, сказал: «А правда, красиво мерзавцы-офицеры и буржуи горят — радуйся, пролетариат!» Около него со слезами бегали дети, женщины, старики бедняки, имущество коих, мозолями нажитое, уничтожалось огнем, ибо от моего дома сгорело еще 90 домов казаков-бедняков. Одному удивляюсь, неужели никто не решился пристрелить его как собаку! Дом Архипа Соколова, друга Каширина, он приказал отстоять. Те же казаки мне сообщили о смерти моей жены и допускают, что смерть ее, возможно, была насильственной от тех же каширинцев.

В Омск через Павлодар

Из Семипалатинска я проехал в Павлодар, окрестности которого плотно были заселены киргизскими аулами. Киргизы меня встречали радушно и предлагали свои услуги по ликвидации большевиков в Рубцовской волости. Ввиду того что сочувствующие нам находятся в СССР, имена их будут объявлены своевременно.

Омск

1 ноября я прибыл в Омск. В Омске мне пришлось полазить по своим непосредственным начальникам с докладами, где я предлагал план освобождения из Семипалатинска Сибирского корпуса, которым, кстати сказать, командует босвой генерал Ефтин и который нес службу чисто наблюдательно-охранную.

Особенно неблагонадежная была в том районе Рубцовская волость, так называемая Рубцовка, и если бы обезвредить эту Рубцовку, то корпус генерала Евтина можно было бы направить на фронт, и вполне возможно, что обстановка могла измениться и большевики могли бы быть задержаны, если не навсегда, то, во всяком случае, не совершить бы им обходных движений, и Омск эвакуировался бы не спеша.

Обеззараживание Рубцовки я брал на себя, войдя в соглашение с киргизами, кои уже через их представителей аксакалов (по-русски «белая борода») были со мной в согласии. Мне не нужно было ни армии, ни пулеметов, ни тем более орудий, мне нужна была маленькая охрана, которую я брал у тех же киргиз, небольшая сумма денег им же — на содержание и т.п. Я обязывался это произвести в течение не более 10 дней, но мое начальство, по своей недалновидности, или еще хуже почему, находило это невыполнимым и не хотело докладывать Верховному правителю. Когда же я, после этих безуспешных хождений, увидя профессора Д.В. Болдырева, обо всем ему рассказал, он возмутился и, горько сожалея, быстро повернулся от меня, даже не простившись, зашагал по направлению к Атаманской улице — это было около 10 часов утра.

К пяти часам меня вызвали к Верховному. Захватив с собой кой-какие, заготовленные мной доклады, план будущих моих работ, помолился Богу, пошел. Когда я явился к Верховному, он меня встретил сурово и, поздоровавшись, сказал: «Я вас слушаю». Действительно, он выслушал меня внимательно, предложив еще несколько вопросов частных, в области технического выполнения, предложенных мне планов, и, выслушав мои доклады о моей работе во 2-м округе Оренбургского казачьего войска, о ликвидации большевизма в области вообще и в хуторах Кирсы и Тайсары в особенности, он бросил карандаш

на стол, нервно заходил по кабинету и круто сказал: «И они не могли этим воспользоваться. Приходите, полковник, завтра в 10 часов». Я ему ответил: «Слушаюсь, ваше высокопревосходительство, но я войсковой старшина, а не полковник». «Я вам повторяю: приходите, полковник, завтра в 10 часов», подчеркивая слово «полковник». Я ушел, а когда явился на следующий день в назначенный час, Верховный меня встретил в дверях кабинета и как-то уныло и с сожалением произнес: «Благодарю вас, полковник. Мы опоздали, но при первой же возможности я вас вызову». На этом мы и расстались с Верховным правителем.

В это время от него вышел профессор Болдырев, который был и при первом моем докладе. Мы поехали вместе с профессором Болдыревым, который мне сообщил: «Верховный ваши планы вполне разделяет, но уже поздно, как он и вам заявил, но он теперь вас будет иметь в виду».

Профессор тоже жалел, что мы лишены возможности это выполнить. Поговорили мы еще кое о чем, простились, надеясь скоро встретиться и свое дело формирования крестоносцев продолжать. «Не упуйте, г-н полковник!» — на прощание сказал мне Дмитрий Васильевич.

Инициатором добровольческого движения в Омске, несомненно, был Д.В. Болдырев, который всюду проповедовал необходимость начать Священную войну. «Большевизм — это сила дьявола, и ее легко победит Святой Крест, почему и нужно вести войну под знаком Святого Креста», — говорил он. На сцену выступил отец Петр Рождественский, человек твердой репутации и даже властный, и это качество во всяких делах, особенно в такие тяжелые, даже критические моменты, более чем необходимо, и он совместно с профессором Болдыревым организовал так называемое «Гермогеновское братство по

организации дружины Святого Креста и Зеленого Знамени», председателем коего и был протоиерей Рождественский, а товарищем председателя Д.В. Болдырев. Работа, как я сказал выше, шла блестяще, идеи отца Рождественского и Д.В. Болдырева проводились сверх ожиданий, и все, что должно было выполнять это братство, выполнялось на все сто процентов, и командированные этим братством, вернее отцом Рождественским, лица для агитации и проведения идеи добровольческого движения были вполне подготовлены и соответствующе подобраны, я сам имел в своем распоряжении в Семипалатинске и других городах представителей этого братства: протоиерея Фокина, Чернавина, директора Тобольской гимназии Сулимы-Грудзинского — прекрасные люди, они честно выполняли свои обязанности, где они сейчас, кроме Чернавина, не знаю.

Добровольцев дружины Святого Креста и Зеленого Знамени я только из Семипалатинского района дал до 2000 человек, а всего было около 6000 человек, но другая организация, так сказать исполнительный, или, еще вернее, распределительный орган во главе с генералом В.В. Голицыным и его помощником поручиком И.И. Васильевым — этими вполне надежными бойцами — не сумели распорядиться. Посланные мной части из Семипалатинска по целым неделям держались на пароходах и содержались за свой счет, проедали последние гроши и, не дождавшись квартир или назначения в ту или иную часть, возвращались обратно: прекраснейшие люди разочаровывались в распорядительном аппарате и говорили, понурия голову: «Нет, видно, ничего не выйдет, а как нам хорошо говорили на собраниях». И с этими словами крестоносцы расходились. Обо всем этом на приеме у Верховного я доложил ему.

Красные между тем подходили к Омску. Профессор Болдырев проектировал выехать из Омска со мной на лошадях, но

обстоятельства нас разделили, и он сначала было сел в поезд генерала Голицына, но, видимо, наш визит к Верховному возымел свое действие — профессор ушел к своим крестоносцам. Генерал Голицын приказал было его арестовать и доставить в Новониколаевск, а так как приказ должны были выполнять тоже крестоносцы, кои великолепно разбирались в людях, конечно, Голицын этого не получил... Так творились дела по борьбе с большевизмом, а Дмитрий Васильевич Болдырев и помер в Иркутске в тюрьме со словами на устах: «А все-таки пусть не бросают организацию крестоносцев!»

В Омске настроение было уже подавленное — началась эвакуация, я заглянул в управление уполномоченного по формированию добровольцев, там все столы были перевернуты, бумаги уложены, в коридорах стояли откупоренные ящики — в них винтовки новенькие, хорошо смазанные, много было патронов... Как-то жутко было на душе, и думалось: неужели это правда, неужели все наши труды по формированию остались бесполезными, ведь эти винтовки приготовлены были для моих добровольцев? Как жаль, как жаль! Где вы, мои орлы? Ах ты, матушка Святая Русь! Неужели сыны твои изменили тебе, старушенька?»

Долго я стоял над этими ящиками и соображал, как бы это все сохранить. Поговорили со своими людьми и хотели было это все вывезти и где-нибудь закопать, но и этого не удалось.

За два дня до этого я продал свои призовые вещи: серебряное ведро в полведра емкости, при нем 6 бокалов и ковш, полученные мною за военную скачку в местечке Ярмолицы Каменец-Подольской губернии в 1898 году от старейшего члена ярмолицкого общества Апполинария Иосифовича Вайдвича, в оценке 700 рублей. Приз от почетных дам Киева, художественной работы серебряная кружка с крышкой,

жбан в $\frac{1}{4}$ ведра емкости — 200 рублей. Приз от почетных дам Екатеринбурга и Троицка по 150 рублей каждый, серебряный портсигар, подарок от начдива генерала Орлова в 1897 году — 45 рублей, серебряный кубок за великокняжеский стипль-чез — 150 рублей, серебряный и очень массивный, с монограммой «КСО — Каменецкое Скаковое Общество» с перевязью из платины — 700 рублей от княгини Анны Михайловны Хилковой, подарок графини Марии Евстифеевны Браницкой, из Белой Церкви, за Вернигора — в 100 рублей, золотой жетон за международный пробег в 60 верст — 250 рублей, два подстанника по 75 рублей каждый, серебряный кубок за иппик-конкурс — 75 рублей, сахарницы, солоницы, ножи, ложки... и проданы более потому, что они, находясь каждый в футляре, занимали каждый очень много места; все это промотано за 19 тысяч сибирками.

Два приза от ее императорского величества, государыни императрицы Александры Федоровны, полученные мной лично из ее рук, — 2-й приз за Красносельскую офицерскую с препятствиями скачку в 1898 году и 1-й приз за ту же скачку и от той же особы, на котором был золотой герб России и который снимался и я его носил, в парадных случаях, на груди, полученный в 1899 году, и на нем выгравировано: «Победителю Красносельской офицерской с препятствиями скачки лично из рук Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны — сотнику Енборисову» — эти два приза долго вез с собой.

На восток

На другой день купили лошадей и собрались выехать на восток. В вечеру я заглянул еще раз в управление доброволь-

цев — там уже никого не было, а в ящиках осталось винтовок немного — брали кто хотел, и я взял себе две винтовки, наложил в карманы патронов и пошел через город на квартиру, а в ночь выступили в поход; при мне были: священник Чернавин, Ф.М. Волков, Ширяев, Таубер, Морозов и вся моя семья. Ночь была темная, снега нет, дорога шла по каким-то кучам и по развалинам. Куда шли, никто не знал, наконец, наткнулись на какие-то постройки, откуда пахло какой-то кислятью. Оказалось, это был кожевенный завод, и мы в нем решили ждать рассвета, находясь все время вооруженными, ибо рабочие завода поглядывали на нас недружелюбно. Это было 13 ноября.

Утром 14 ноября поехали дальше, и недалеко от деревни Сыропятко нам пересекали дорогу строевые части — роты, на дистанции полверсты одна от другой. Две роты шли, пересекая нам дорогу, а третья прошла уже сзади нас, слева, то есть с севера на юг, и один из моих добровольцев спросил: «Господа, какая это часть идет?» — ответа не было, это шли обходные колонны красных, все были без погон, шли молча, никого не трогали, ни с кем не разговаривали. Это шли предатели — это шла толпа под командой Иуды — искали русского человека, чтобы убрать его с дороги и распятать Россию...

Шли мы до самого Новониколаевска без происшествий, по дороге мы обгоняли железнодорожные поезда. Были случаи, когда пассажиры выходили из поездов и продолжали путь походным порядком, как и мы. В одной из волостей, где-то около Барабинска, нам пришлось пережить одну тревожную ночь: на нас произведено было нападение, но благодаря нашей готовности встретить таковое, нападавшие потерпели неудачу и разбежались, это было в самой деревне, ночью. По дороге многие ко мне присоединялись.

Новониколаевск

Добрались наконец и до Новониколаевска. В Новониколаевске снова началась толчея. У всех на устах почему-то генерал Пепеляев, особенно усердно носился с ним прославившийся в последнее время генерал Андогский, который очень недавно был обласкан Верховным правителем Колчаком и от которого он скрылся в Харбин. В Новониколаевске же находился Верховный правитель адмирал Колчак и главнокомандующий генерал Сахаров. Сильно за Пепеляева ратовали поручик Н.Н. Васильев, Лембич и их поддужные. А 7 декабря выскочка, 24-летний полковник Ивакин, командир 2-го Барабинского полка, открыто выступил за примирение с большевиками и подчинение всей армии Пепеляеву; намечены планы ареста Верховного, Сахарова и Войцеховского, последнего уже на вокзале барабинцы было захватили, но тут же были арестованы сами, и все зачинщики во главе с Ивакиным были преданы военно-полевому суду и расстреляны.

Верховный и Сахаров из Новониколаевска выехали на восток, начался полный развал — все лезли в начальники, и никто ничего не понимал. В Новониколаевске поручик Васильев, сторонник Ивакина, все еще считая себя моим начальником по крестonosному движению, отдал мне приказ расстрелять поручика Хазова, коего доставил ко мне под охраной, а когда я узнал, что Хазов обвиняется в захвате нескольких винтовок и нескольких ящиков патронов, заготовленных полковником Ивакиным, и доставке их ко мне в отряд, то я вместо расстрела Хазову отдал в приказе благодарность.

К моему вербовочному отделению присоединились почти все находящиеся в Новониколаевске крестonosцы и составили добровольческий отряд, более 100 человек, и все подчинились мне, с ними я двинулся на восток.

В поход на восток

По дороге из Новониколаевска к моему отряду все время присоединялись как одиночные люди, так и группы и даже целые части, и очень крупные, например отряд атамана Анненкова, под командой капитана Померанцева, в 300 человек, 50% коего — офицеры; он вошел составной частью в мой отряд.

Со станции Тайга поручик Васильев выехал в Томск к Пепеляеву, откуда телеграфирует: «Тайга. Полковнику Енборисову. По приказанию главкома Пепеляева Колчак, Сахаров арестованы, главнокомандующим теперь Пепеляев. Вы подчинены ему непосредственно, ждите распоряжений. *Васильев*».

Получив телеграмму, я, конечно, ни на минуту не колебался в своем подчинении Колчаку и подчинения Пепеляеву не заявил, тем более мне известно, что Пепеляев только рекламируется бездарностями, а серьезного и реального за ним ничего быть не может, кроме мальчиков вроде Ивакиных. Мне было известно, что его же личная охрана восстала против него — значит, воспитать солдата он не может, и от него ожидать нечего, и если кто мне, возражая, скажет, что он герой, — может быть, но герой и правитель далеко и очень далеко отстоят друг от друга.

В Новониколаевске к моему отряду присоединились прибывшие из Томска Всеволод Никанорович Иванов и Александр Николаевич Полозов, а в Тайге Иван Иванович Кузнецов, и в составе моего отряда шли на восток, выполняя все возлагаемые на них поручения. А.Н. Полозов хорошо выполнял обязанности старшего квартирьера, В.Н. Иванов должность старшего адъютанта, И.И. Кузнецов — отдельные поручения. Командиром роты был назначен капитан Смыслин. Комендантом отряда — капитан Русин, после некоторое время был поручик Стадник. Отряд был уже окончательно сформирован как строевая часть, и введена строгая дисциплина и порядок.

В Тайге с точностью выяснилось, что Верховного окружают единомышленники Пепеляева и добивают русское дело; начальник штаба Пепеляева полковник Кононов открыто сожалел, что не довели дело до конца, то есть не сбросили Колчака еще в Новониколаевске. Все они все время поддерживали связь с Гайдой. Тогда я, затаив чувства у себя в душе и видя, что ничего больше не остается, как двигаться на восток, преодолевая, если встретятся, всякие препятствия на пути, решил идти до соединения с атаманом Семеновым.

Получаемые различные приказания от различных начальников я исполнял постольку, поскольку они были не вредны общему делу, и шел, сохраняя свой отряд, который с каждым днем все увеличивался.

Подшли к городу Мариинску, но я занял своим отрядом пригород, верстах в семи от города, устроил там дневку, освежил конский состав, выплачивая за купленных лошадей просимую хозяевами цену полностью, получили из интендантства кое-какие вещи, сахар и т.п. Дальше прошли Боготол, где нас предупреждали, что он занят красными войсками, но мы их не видели.

Подшли к Ачинску, где только что перед нами были взорваны вагоны со снарядами и другими взрывчатыми веществами. При входе в Ачинск меня остановил разъезд и спрашивает: кто и куда идет, я ответил: «Кто мы, это вам знать не обязательно, но, во всяком случае, мы не красные». Начальник разъезда покусался было нас задержать, но был сброшен с лошади и мы поехали, а остальные из разъезда поскакали в центр города, откуда явились ко мне навстречу несколько вооруженных всадников, с комендантом во главе, который пытался загородить мне дорогу, но я, проехав один квартал, остановился и попросил этого «коменданта» передать сзади идущему начальнику

4-й Сибирской казачьей дивизии полковнику Катанасву мое направление. «Комендант» откозырял мне, и все всадники вернулись туда, откуда они появились. При выезде из Ачинска, на мосту, снова была застава, и от нас требовали пропуск, но крестonosцы, увидя на них красные нашивки, прогнали их с моста, и этим кончились у нас «ачинские бои». Причем указанное мной «коменданту» направление было ложно, а мы с полковником Катанасевым условились еще на предыдущем ночлеге, где на совещании было решено все действия согласовать с моими распоряжениями, идти мне в авангарде; название этой деревни забыл. После Ачинска ночевали мы в какой-то маленькой бедной деревушке, домики которой разбросаны в беспорядке, и мы шли к ней по каким-то горам, перелесками; подул сильный ветер, превратившийся в снежный буран, и мы пришли на ночлег ночью.

Добрались до деревни Азельдеева, так называемой Семиверстной, и там пришлось задержаться: Красноярск был занят Зеневичем, который всюду рекламировал того же мальчишку Пепеляева, говоря: «Пепеляев всегда шел с народом и умрет с ним, почему и все упование возлагается на него, я тоже с ним... штаб народной армии Зеневич». Было у нас в Азельдеевой совещание, на котором присутствовали: генерал Цюманенко, полковник Герасимов, командир 13-го егерского полка, который шел в составе моего отряда, и целый ряд других начальников частей, было принято решение идти в обход Красноярска — через Есаульскую, севернее Красноярска.

Зеневич, предлагая мир с большевиками, старался не пропускать части армии Колчака. В Красноярске появились части Щетинкина, село Вознесенское тоже было занято, и мы, переночевав в Есаульском и пройдя через Вознесенское, заняли деревню Балай. Пепеляев, потерпев везде неудачу, бросил свои

части и скрылся в чепских эшелонах, объявив себя умершим, и пепеляевцы, Васильев и компания, в Балае отслужили по нему панихиду. В Балае Всеволод Никанорович Иванов доложил мне, что железнодорожная станция занята какими-то латышскими и в вагонах идет пьянство, добиться чего-либо ясного невозможно, хотели было меня и моих ординарцев Огнева и Качина разоружить и арестовать, но мы отстреливались; начальник станции — большевик — грозит, что все равно мы не пройдем в Канск, нас всех кончат. Огнев и Качин хотели было с ним «поговорить», но его латыши куда-то скрыли.

В Балае мы были как раз на первый день Рождества. Священник Чернавин, совершавший весь поход при моем отряде, отслужил празднику Рождества Христова молебен, и мы, поздравив друг друга с праздником, после полудня двинулись дальше. Через несколько переходов заняли мы село Голопупово, в нем пока никого не было, это село было от Канска верстах в двадцати южнее.

Село Голопупово

В.Н. Иванов доложил мне, что ему удалось у старосты села Голопупова отобрать бумажку следующего содержания: «Староста села Голопупова, предписывается вам нарядить и отправить в село Аманап 50 подвод в распоряжение командира отряда революционных войск товарища Пугачева, фуража взять на три дня». Следовательно, слухи о занятии Канска, Аманапа и Тарая подтверждаются. Я приказал полковнику Толкачеву, начальнику юнкерского училища, находящемуся в составе моего отряда, послать разведку на Аманап, что он и сделал. Начальником этого разъезда был подъесаул Оренбургского казачьего войска Смородин, который доложил, что село

Аманаш занято красными, и при подходе к селу его обстреляли, и два юнкера сбиты с лошадей и сейчас остались там.

Явилась необходимость объединить командование в одних руках. Самым крупным по количеству и, безусловно, по дисциплине был мой отряд, ибо он на 30% состоял из крестоносцев. В него входили: добровольцы дружины Святого Креста, остаток добровольцев 13-го полка и 25-го адмирала Колчака под командой полковника Герасимова, штаб и остаток Морской дивизии под командой адмирала Старка, юнкерское училище под командой полковника Толкачева, остаток 1-й кавалерийской дивизии, после генерала Милович, остаток отряда особого назначения под командой полковника Колесникова и др.

Когда поднят был вопрос, кому поручить управление этими силами и кому подчиниться, то сильно настаивали, чтобы я не слагал своих прав и обязанностей и принял командование на себя. Я не считал себя вправе отказываться в такой критический момент от ответственности.

Начальником штаба было предложено два кандидата: поручик Роджерс и начальник штаба Морской дивизии капитан Озолин. Явился ко мне полковник Берен, начальник артиллерии, с орудиями, но без снарядов и замков, и я приказал ему из артиллеристов переделаться в кавалеристов, то есть, бросив всю ненужную тяжесть, сесть на лошадей и идти.

Приглашен я был на совещание к генералу Миловичу, начальнику 1-й кавалерийской дивизии. Он высказывается за то, чтобы идти в Канск сдаваться большевикам. Интересное это было совещание: когда я пришел на совещание, на меня, не зная в лицо, никто не обратил внимания. Имел я седую бороду, одет в черный полушубок, подпоясан ремнем, в папаше и сел у порога на мешок с картошкой; комната была набита офицерами, впереди большой крестьянский стол, на столе разложена

карта, за столом сидит начальник дивизии генерал-лейтенант Милович, в погонах. Милович категорически настаивал идти сдаваться в Канск, а сзади молодые офицеры тихо, возмущаясь, говорили: «Черт знает, почему так долго нейдет полковник Енборисов!» Когда я услышал, что масса-то уже на моей стороне, я, конечно, чувствовал себя смелее и увереннее. «Узнайте, господа, придет полковник Енборисов или нет, скажите, что я его требую», — сказал Милович.

Тогда я встал и заявил, что уже здесь. Публика моментально расступилась и дала мне дорогу к столу, где сидел генерал Милович. «Честь имею явиться, ваше превосходительство», — доложил я. «Вы, полковник, что-то очень долго, ведь решается очень важный вопрос. Мы окружены, и бороться, по-моему, бесполезно, нужно сдаваться», — сказал Милович.

На это я заявил генералу: «Ваше превосходительство, вы уже решили идти сдаваться в Канск — в Канске большевики, значит, сдаваться большевикам. Так о чем же с вами будем совещаться? Наши дороги разошлись, я живой к ним не пойду и постараюсь, соединившись с верными русскими людьми, выйти из этого положения, а вы сдавайтесь, и агитировать за сдачу, за то, что борьба бесполезна, считаю преступным, и оружие, ваше превосходительство, благоволите не уносить — оно русское...»

Когда я ему это говорил, молодежь, заметно, была очень довольна, при этих словах я и ушел, а за мной вышли из дома многие офицеры и проводили меня до квартиры, стараясь каждый мне представиться и чего-нибудь сказать. У ворот квартиры я остановился и всем объявил: «Я вас, господа, вполне понимаю, и прежде всего нужно довериться друг другу. Мы наверняка уйдем от этих каторжан!» И все, радостно настроенные, разошлись.

Придя на квартиру, где ожидали меня офицеры моего отряда, я сообщил им о происшедшем на квартире Миловича; все в один голос одобрили мое поведение.

Явившиеся ночью неожиданно ко мне на квартиру бывший главнокомандующий армиями адмирала Колчака генерал К.П. Сахаров и начальник штаба Верховного генерал Д.А. Лебедев, ехавшие в одной кошевке, эту меру признали тоже правильной.

Я доложил генералу Сахарову обо всем и просил его принять ответственность и объединить нас всех, как старшему; но он категорически отказался. «Вы собрали, вы всеми и управляйте, а я в нужных случаях буду помогать!» — заявил генерал Сахаров.

Здесь не лишним считаю отметить поведение мелких агитаторов: когда ко мне в квартиру входили генералы Сахаров и Лебедев, в комнате, в числе других офицеров, находился поручик П.П. Васильев, который, увидя Сахарова, забрался под кровать — этот «рыцарь» проповедовал «свободу» Пепеляева и арест Верховного и Сахарова на станции Тайга.

Мы с Сахаровым и Лебедевым в эту же ночь побывали на квартире г-на Миловича, который уже спал, разбудили. И когда он увидел меня — я вошел в комнату первый, — он растерялся, а когда увидел Сахарова, оправился, и разговоры у них между собой шли на «ты». Милович пожаловался на меня Сахарову, говоря: «Этот тип хочет меня разоружить!» Сахаров оборвал его, сказав: «Во-первых, это не тип, а начальник объединенных русских отрядов, а во-вторых, если правда, что ты хочешь сдаваться, — он прав». «Хочу идти в Канск — выхода нет!» — заявил Милович. На этом у них разговор и закончился. Сахаров круто повернулся и пошел к выходу, мы за ним, и они, простившись со мной, уехали к себе на квартиру.

Полковник Герасимов наутро было собрался уходить в Монголию, но когда офицеры узнали, что Герасимов выступает сепаратно — без моего приказа и что я нейду, они отказались.

Генерал Сахаров с отрядом полковника Глудкина и Московским училищем прошел через Тарай, разогнав там большевиков, а я со всем своим отрядом пошел южнее, через Подъянду — тайгой. Генерал Вержбицкий и Смолин пытались было пройти через Аманаш, командировав туда 2—3 батальона, а сами остались в Голопупове, ожидая результатов; убито было несколько офицеров, солдат, и остатки вернулись в Голопупово и пошли тоже по южному пути, то есть через Подъянду.

По тайге я прошел благополучно, хотя с большими трудностями, но в походе всегда нелегко. Таким образом, линия Канска была пройдена, и мы уже дальше были не преследуемы, а из отступающих превратились в наступающих. Кругом нас находились чехи, кои загроздили путь эшелонами, и, кроме того, у них с красными состоялось соглашение.

Мы вошли в район восстаний, всевозможных переворотов, попадались нам по волостям бумажки — типа приказов, прокламаций и т.п. — «о формировании народно-революционной армии», «об уничтожении остатков армии врага народа адмирала Колчака», «о прекращении в школах преподавания Закона Божьего» и т.д. Сводка этих сведений составляла предмет занятий Вс.Н. Иванова, который докладывал мне обо всем. Побольше бы таких офицеров, как Вс.Н. Иванов, много было бы наше положение прочнее, а может быть, и не было бы начального обрушения порядка в России.

Мы ведь только кричим: «Мы — военные!» Да где кричим! В тылу мы боялись слово сказать толпе невоенных, мы пасовали перед ней, мы пошли на поводу у комитетов, у Советов и

другой нечисти и сплошь и рядом сдаем свои позиции, сдаемся сами, бежим, прячемся, бросив свои части, которые верили нам, а начальники отказывались вести малую братию, когда было трудно, бросали в пути, а теперь начинают вылезать, но, конечно, пока еще в тылу.

Подходя к селу Ук, мы узнали, что здесь был бой с высланным из Нижнеудинска красным отрядом, от которого остались и ушли только «рожки да ножки», как говорили нам жители.

Нижнеудинск

Пройдя село Ук, мы остановились в одной маленькой деревне, расположенной в лесу, и я приказал в три часа ночи быть готовым к выступлению; в деревне уже, кроме нас, никого не было. Мы шли на Нижнеудинск, ожидая в нем каких-то крупных событий, всю дорогу слышалась стрельба, и звуки ее далеко разносились по тайге. Только что начало светать, мы вошли в Нижнеудинск, где все похоже было на отдых расположенных в мирное время крупных воинских частей: солдаты вели лошадей на водопой, некоторые чистили винтовки, иные седла, амуницию, некоторые грелись у костров, разложенных на улице, ибо в городе было тесно, и я прошел в деревню Рубахино, недалеко от Нижнеудинска.

Здесь у нас был поднят вопрос о Монголии, и надо сказать, что я еще до Ука, в одной деревне, случайно разговорился с хозяином о Монголии, и он мне посоветовал найти в Нижнеудинске некоего А.В. П., который имеет в Монголии свою заимку и часто там бывает. «И он вам все расскажет, дорогу он туда знает, как на печке», — заявил мой собеседник.

Мы с В.Н. Ивановым поехали в Нижнеудинск, разыскивали этого человека, имеющего свой двухэтажный дом, и я вел с ним

разговоры на различные темы: какие изменения произошли после государственного переворота, как теперь живет население, чего они ждут от большевиков, расспросил о Монголии и вообще выяснил всю обстановку. В.Н. Иванов поехал на вокзал тоже с определенным заданием.

А.В. П. мне рассказал все подробно; он большевиков не приветствует, а насчет Монголии предложил к услугам мне даже провожатого до его заимки и предупредил некоторые неудобства возможного нашего путешествия; нужно было о многом позаботиться, до покупки оленей включительно.

Выслушав внимательно г-на П. и сообразив возможные осложнения, я от предлагаемых услуг отказался. Предвидя впереди неизбежные бои, я детей оставил в Нижнеудинске, под чужой фамилией, выдав им соответствующий документ, предупредив не говорить настоящей. Я, разговаривая с г-ном П., тоже своей фамилии не говорил.

Оставляя детей, чтобы не быть им где-нибудь на снегу захваченными в плен, а также для того, чтобы, когда пройдет фронт линию Нижнеудинска, кто-либо из них мог доставить еще одну дочь из Троицка, оставшуюся с матерью, которая уже скончалась, или всем им уехать туда, я поручил их усмотрение старшей дочери Антонины; оставил им толику денег, кои на первый же день по занятии Нижнеудинска красными были аннулированы, оставил много вещей и свои заветные дорогие высочайшие награды, полученные мной лично от государыни императрицы, и двинулся дальше, продолжая свой крестный путь.

В деревне Рубахино мы получили сведения, что станция Зима занята сильными отрядами красных, набранных, видимо, по мобилизации, разных сброд. Я еще в Тайге решил, что по дороге, пока не восстановим связь с атаманом Семеновым, мы

и не отдохнем, и не организуемся, и не сумеем сделать что-либо серьезное, значит, бесцельные бои в мои планы не входили, кроме взаимной поддержки своих, если таковая потребуются, почему я и не пошел на станцию Зима, взял южнее, имея все время связь с колоннами, идущими на Зиму, и рассчитывая, в случае надобности, сделать наступление с юга.

Этим я мог оказать большую поддержку, нежели в общей массе, а тем более что в зимнее время наступать широким фронтом, вследствие глубокого снега, нельзя, а между тем как с фланга, по другим дорогам, совершив обходное движение, можно нанести решительный удар, а если, паче чаяния, красные откроют мое движение — они будут вынуждены выслать против меня часть своих сил на ликвидацию обхода, чем ослабят фронт. Словом, так или иначе, я в походе не был простым зрителем, бегущим при чужой части в одиночку.

Бабагава, Зима, Иркутск

Подходя к линии Зима — Голыметь — Некда, пришлось натолкнуться на самый сильный заслон красных: в деревне Бабагава меня встречает квартирьер, и он же начальник разведки, И.И. Готальский и докладывает мне, что далее идти нельзя и что он, впредь до моего распоряжения, отвел квартиры в этой деревне, а село Голыметь на линии Зимы, предназначенное мной для расквартирования отряда, занято красными, причем ему удалось выяснить, что красные, расположенные в Голымети, осведомлены о движении нашего отряда в подробностях, опрошенные им люди говорят: «Идут крестоносцы, много пулеметов, орудий, и начальником их какой-то старый казак, отряд очень дисциплинированный, боеспособный». Не сказав об этом ни слова, я приказал и Готальскому молчать, дабы не вол-

новать людей, и остановился в этом селе, а капитану Смыслину приказал оцепить это село — всех выпускать (невооруженных) и никого не выпускать, во избежание передачи сведений о нашем занятии этого села; а отряд предупредить, чтобы не разбирать повозки, ибо, ввиду сделанного сегодня малого перехода, мы должны завтра пройти не менее 50 верст, а значит, выступить не позднее 12— часу ночи, а пока произвести очередной осмотр винтовок, пулеметов, патронов и доложить мне.

Сам я позвал к себе добровольца Огнева, Вайнберга и, кажется, Качина и дал им секретное приказание: взять по своему усмотрению по 5 человек каждому и у старосты лошадей и ехать каждой группе в назначенную мною деревню, предложить старосте отвести квартиры для 2000 крестноносцев, для пулеметных команд (60 пулеметов), для артиллерии, причем делать это в открытую, по исполнении поручений немедленно вернуться обратно, сдав лошадей тому, у кого взяли. Деревни, куда посланы были эти квартирьеры, расположены юго-восточнее деревни Бабагава, по направлению к тайге: Непа, Некда и др., как раз на одной линии станций Зима, Голыметь, Непа, Некда. Готальского я послал севернее Бабагавы, чтобы он пригласил ко мне старосту села Петухово.

В это время капитану Смыслину я приказал занять двумя пулеметами и несколькими стрелками здание, находящееся на площади села, где сходятся дороги с Голымети, Непы и др., и предложил пойти в этот наряд В.Н. Иванову и А.Н. Полозову, кои охотно это выполнили. К 12 часам ночи квартирьеры все вернулись, и, по опросе старосты села Петухово, я двинулся в это село, куда и прибыл на рассвете. Оцепление села Бабагава было снято через два часа.

В 10 часов утра мы получили сведения от задержанных крестьян, едущих с мельницы из Голымети, что отряды красных

утром из Голымети двинулись в тайгу, на Непу, пока ее не заняли крестоносцы, кои потом их не впустят; следовательно, посылка мной групп квартирьеров достигла желаемых результатов, и в свою очередь, я тоже поспешил пройти село Голыметь, послав вперед 20 всадников. Мне это удалось — красные очистили Голыметь, и я продвинулся без боев на восток.

Прошли мы 15 верст через эту линию — свечерело, и пришлось заночевать в одной маленькой деревушке, название не помню, где мне Готальский доложил, что верстах в девяти от этой деревни есть небольшой хутор и в нем находится Совдеп, который и управляет всеми этими операциями красных, и что эти сведения им проверены через расспрос жителя этого хутора, который сейчас при нем здесь. Конечно, я убедился в этом и сам лично, предупредив этого крестьянина, что за неправильные показания он будет наказан, и оставил его пока при своей квартире.

Допуская возможность передачи Совдепом сведений о нас в свои отряды, кои могут по дорогам, через деревни южнее меня, предпринять обходные движения и снова преградить нам путь, что при таком глубоком снеге легко, я вызвал охотников, в которых недостатка никогда не было, и командировал их (15 человек), на этот хутор с заданием арестовать этот Совдеп, захватить всю их переписку и распусть слух, что с западу на Непу и Некду еще идут сильные строевые части белых, чтобы красные там задержались для встречи этих частей, это, во-первых, а во-вторых, разгромить этот гнойник. Они увидят, что силы армии Колчака заняли уже весь этот район и борьба с ними невозможна. Задача этим разездом была выполнена блестяще; это все производилось ночью. Отпустив задержанного с хутора крестьянина, утром я выступил дальше, и следующие остановки были спокойнее.

Перед станцией Иннокентьевская поручик Васильев, капитан Смыслин и еще несколько человек упросили меня изменить маршрут — выйти на линию железной дороги и пойти по пути следования всей колонны. Я уступил и неудачно: выходя на линию, мы были обстреляны, и невдалеке рвались оружейные снаряды, части остановились, получился затор, ни вправо, ни влево и ни назад. Я приказал разобрать 2—3 стенки дворов, и свернул снова на юг, и прошел потом на деревню Благовещенское, направляясь в обход Иркутска. Мы здесь получили сведения, что в Иркутске был начальником гарнизона Сычев, который, бросив всех, на автомобиле скрылся, а кто такой Сычев, мы тогда не знали.

Услышали мы и об аресте Верховного правителя. Из Максимовщины на Иркутск из отряда я командировал капитана Русина, он вернулся ко мне и доложил, что армия проходит правее Иркутска и боя, по соображениям нашего командования, за Иркутск не будет, я направился тогда на станцию Михалево.

Описывать все переживания и трудности этого исторического похода я, пожалуй, и не сумею, коротко скажу: стрельба, мороз, трупы, умирающие раненые, больные — и это все русские люди, уничтожаемые по команде интернационального сброда.

Но, слава богу, у меня в отряде болел только один подпрапорщик Перов, и тот оправился благодаря энергии добровольца Д.В. Огнева.

Михалево было забито отрядами, и я, едва пробравшись по улице верхом, отряду приказал обойти ее по околицам, разгораживая некоторые заборы, и, отдохнув немного около костров, мы двинулись дальше через Ангару, считая, что линия Иркутск-2, Красноярск, Канск, Зима пройдена, идем на Байкал вдоль реки Ангары, иногда выходили и на лед реки.

Байкал

Прийдя в Лиственичную, мы уже были на берегу озера Байкал, виден был противоположный берег с его сопками, видно было Забайкалье, где нас ждет атаман Семенов, и казалось, что оно находится в 2—3 верстах вместо 50—60 действительных. В.Н. Иванов и А.Н. Полозов съездили на железнодорожную станцию Байкал и там с аппарата узнали, что со станции Слюдянка выступил отряд красных в 1000 человек в неизвестном направлении. А в тылу у нас по горам уже рыскали мелкие разезды красных. Чтобы попасть в Забайкалье, нужно переходить Байкал, но на середине озера, 2—3 дня тому назад, виден был пар, признак незамерзнувшей воды, следовательно, попасть на тот берег из Лиственичной нельзя, а тем более исток из озера реки Ангары еще совершенно не замерз. Тогда решено было идти по берегу Байкала на село Голоустное, и благодаря тому, что берег горист, каменист и местами нет снега, ехали большей частью около берега по льду и к вечеру добрались до села.

Мой отряд шел в арьергарде, и все жилые и нежилые помещения были уже заняты, и мы провели ночь на кладбище между могилами. Еще раз оговорюсь, что описать это очень трудно, особенно мне, «неписучему» человеку, и я передаю только факты, и еще труднее описать панорамные красоты Священного Байкала. Мне думается, мы, русские, заблуждались, увлекаясь «заграницей», и Швейцарией, и т.п. видами, и сломя голову летели туда проживать русское золото, а может быть, благодаря тому же, что не сумели или не хотели описывать и ценить своего родного. Я помню: в 1904 году я ехал из Киева к себе в Верхнеуральск и, переваливая Урал у станции Уржумка, где стоит столб с надписью с одной сто-

роны «Европа», а с другой — «Азия», слышал, как ехавшая со мной в одном купе в Японию сестра милосердия, побывавшая и в Швейцарии и в Скандинавии, воскликнула: «Вот где Швейцария-то!» И она долго любовалась на уходившие от нас окрестности. «Не умеем мы ценить своего родного...» — добавили она, вздыхая.

Ночью слышались раскаты необыкновенного грома, какого-то воя, шума, точно подземные взрывы, — это садился лед на Байкале, и если бы сзади появились красные и с гор открыли орудийную и пулеметную стрельбу — неизбежная катастрофа, взять их в горах нельзя и уходить некуда, все бросились бы на Байкал, и лед, безусловно, не выдержал бы.

Наутро армия лентой потянулась через Байкал на станцию Мысовую, и если бы мне ждать очереди, то пришлось бы выступить только вечером, почему я решил идти не на Мысовую, а на Посольскую, параллельно армии, и помимо этого, я хотел избежать большого скопления тяжести на льду в одном месте. Забрали с собой две подводы досок, веревок, лопат, пилу, ведра, топоры и нашли отдельного провожатого, с которым и выступили на Посольскую. Пройдя верст пять от берега, наткнулись на полынью (щель во льду) шириной около аршина — остановились передние, а остальные никто не смел двигаться, таков был мой приказ, остановился и весь отряд, поднесли доски, перебросили несколько штук через полынью, облили водой, подсыпали немного снега для сцепления досок со льдом и по одной повозке переправлялись. Работами руководил провожатый, как человек много раз устраивавший подобного рода переправы. Верст через 10—12 я увидел, что в колонне на Мысовую образовалась между идущим частями большая дистанция, которая постепенно все увеличивалась, и я воспользовался этим и вошел в эту дистанцию.

Много лошадей было брошено по дороге через Байкал — одни бросали вследствие изнурения, другие не могли идти вследствие того, что не были подкованы, а лед как стекло, и, таким образом, непредусмотрительность начальников и самих хозяев, заставила быть пешими; мой отряд по конскому составу оказался лучше других: лошади не так были изнурены, все почти на подковах, ибо я еще заранее приказывал лошадей на стоянках по возможности перековывать, а кто не успел, то ночью в Голоустной шла перековка в 4-х кузницах, и во многих побывал я сам.

Забайкалье

Около шести часов вечера явились мы на станцию Мысовую и рады были все, что с качающейся почвы вырвались на твердую землю, и еще более, что увидели союзников-японцев.

Наутро видим совсем другое царство: всюду порядок, есть милиция, постовые, отдавание чести, приказы атамана Семенова.

«Приказ главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины.

Г. Чита. № 160, 14 февраля 1920 г.:

Доблестные офицеры и солдаты армии Восточного фронта! Вы, очутившиеся среди неподдающейся описанию общей кошмарной обстановки, окруженные со всех сторон озверевшими станами красных, не поддались общей панике, не пали духом и нашли в себе веру в Святое дело возрождения Родины, с которой только и можно было совершить тот великий исторический подвиг, который совершили вы. Я и войска Дальнего Востока с радостью встречаем вас, братьев-героев, доказавших нашим врагам и всему миру, что не умер еще русский богатырь, что мы крепко верим в нашу победу. Я при-

казал, чтобы к вашему приходу было приготовлено все, в чем вы нуждаетесь.

Генерал-лейтенант атаман *Семенов*».

Атаман, приветствуя нас, производит всех офицеров в следующий чин, а сведения о нашем движении привезли в польских эшелонах.

На том берегу озера безвластие и произвол, а здесь государственность, а отделяет это только озеро Байкал, в общем, там Россия и здесь Россия, но только там закабаленная Россия, а здесь пока свободная Россия — Старая Россия. Все почувствовали, что они в безопасности, не нужно выставлять сторожевое охранение, не нужно назначать ни пароля, ни пропуска; багаж разобрали, винтовки разряжены — отдых; это тот отдых, о котором я сказал в Тайге...

Целью нашего движения на восток является соединение с атаманом Семеновым, откуда, отдохнувши, снова продолжать начатое освобождение Святой Руси от каторжан, следовательно, поход наш не оканчивается станцией Мысовой, и через две ночи армия направляется в столицу атамана Читу. Я двинулся опять особняком на деревню Исток, и на первом же переходе снова бой, кончившийся только ранением лошади у Готальского. Оказывается, нельзя сказать, что в Забайкалье все спокойно, по деревням к нам относились недружелюбно, более приветствовали «свободу»; об атамане Семенове отзывались нелестно, а некоторые говорили о нем как о разбойнике, конечно от нас втихомолку, и, во всяком случае, распропагандированные «товарищами», а благомыслящая-то часть населения к этому относилась сдержанно. И паки охранение, но уже все-таки не так, как на стороне Иркутска.

Подшли к Верхнеудинску, там был генерал Сахаров, объявивший себя командармом-3. Я с отрядом остановился

в рабочем предместье и, как начальник части, и такой солидной, как добровольческий отряд крестоносцев, считал долгом явиться к командарму, где неожиданно встретился с дежурным генералом этой армии полковником Купленниковым. Интересная встреча! Он меня спрашивает: «У вас не учились дети в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе? Коля и Вася». «Да», — говорю. «Я их воспитатель Купленников!» Поцеловались. Этого воспитателя я знаю с тех пор, как ему доставил лошадь из Челябинска в завод Преображенский, произведя расходу не менее 450 золотых рублей, ибо пришлось нанимать особых проводников — киргиз — и это ему делалось как бывшему воспитателю, а он в это время был земским начальником.

Генерал Сахаров меня любезно принял и при встрече напомнил: «Помните, я вам в Голопупове являлся?» — «Помню, ваше превосходительство, времена меняются, особенно моменты, — теперь я являюсь».

В Верхнеудинске доложили мне, что Пепеляев жив и находится на вокзале в вагоне у японцев. Я доложил генералу Сахарову, немедленно отдано было распоряжение его арестовать; взяли мы с полковником Купленниковым 30 конных добровольцев и быстро на вокзал, но японцы при нем объявили, что, если Пепеляев добровольно согласится идти за нами, мы ничего не имеем, а если нет, насилий в нашем вагоне быть не должно.

Получил я приказание арестовать поручика Васильева, который мне телеграфировал из Томска в Тайгу об аресте Верховного и Сахарова и о подчинении меня Пепеляеву.

Верхнеудинск ничем не отличается от других городов Сибири. Люди немного отдохнули, помылись в бане, обзавелись бельем и т.п. Из Верхнеудинска я уже шел со своим отрядом

в составе 3-й армии в подчинении генерала Сахарова, который почему-то в Голопупове не захотел возглавить движение.

Шли спокойно, были мелкие стычки, и кончались они мелкими результатами, но верстах в 15—17 от Петровского завода, на хуторе Тарасове 27 февраля 1920 года было, пожалуй, крупное событие: в лесу на нас была устроена засада, и шагах в 200 от нас открыта по нам стрельба из винтовок и пулеметов. А надо сказать, как раз накануне этого командармом был отдан приказ о подчинении мне всех отдельных отрядов и команд, и, на случай боя, чинов штарма. Это неожиданное нападение переполошило людей, и все бросились уходить, получилась паника, давка, крик; отряд Ярцева первый бросился бежать, за ним капитан Стахович со школой, генерал Тарнопольский... Пошла неразбериха. Очень больших усилий мне стоило восстановить порядок, и я, уже сидя верхом на лошади, с револьвером в руке, заворачивал бегущих, главным образом начальников. Взял я с собой 9 оренбургских казаков, и они нагайками воротили всех, не разбирая ни чина, ни положения, и при полной выдержке и спокойствии моих крестоносцев, кои приняли на себя этот бой, оставшись сзади. Удалось предотвратить катастрофу и восстановить порядок.

В Петровском заводе командарм приказал полковнику Бикмееву произвести дознание, и оказавшееся было очень некрасиво — все бежали. Решено было это не оглашать, и с соответствующей резолюцией передано мне, а я награжден орденом Святого Владимира с мечами и бантом.

Из завода Петровского 6 марта командарм, штамм и крестоносцы были погружены в поезд, с назначением меня комендантом этого поезда, и отправлены в Читу. По дороге был взорван мост, но немного раньше подхода нашего поезда, и нам пришлось переждать, пока наведут вторую линию в месте взрыва.

Параллельно железнодорожной линии шли другие части походным порядком, шли, я видел, наши казачки-оренбуржцы, к сожалению, почти все без винтовок — вел их полковник В. Панов.

Чита

А вот и Чита — столица Забайкалья и резиденция атамана Семенова, того Семенова, к которому мы спешили и который нас встретил в Мысовой, через своих представителей. Хорошо припоминаю первого встретившегося в Чите генерала: когда я вел свой отряд с вокзала, то из дверей дома атамана Семенова вышел генерал с золотыми погонами, я, конечно, отдал ему, как генералу, подобающую честь — это оказался генерал Рудаков, наш оренбуржец, успевший уже примазаться и здесь, но я подумал: «Здесь тебе в шапку денег не положат, как в Оренбурге», но ошибся, как увидите ниже.

Встречающиеся офицеры-забайкальцы одеты были с иголочки, пуговицы светлые, кокарды блестят и на нас уже смотрят как-то с высоты птичьего полета. А разве мы виноваты, что многотысячная походная, да еще с боями, жизнь нас потрепала, — мы делали большое русское дело, мы, изнемогая от трудностей и лишений, умирая в мучениях, не захотели преклонить своей главы перед каторжанами, мы шли, храня в душе своей заветы своих предков, мы показали миру пример русского воина, мы несли не только спасение России, мы несли предупреждение человечеству о грозящей опасности, но, видимо, нас не поняли. Поймут, но с опозданием.

Поручика Васильева из-под ареста атаман Семенов приказал освободить, и ему было поручено ведение газеты «Восточная окраина», а Пепеляеву разрешено было набирать добровольческий отряд.

Отряд мой расположился в казармах 1-го Забайкальского казачьего полка, лошади в конюшнях, и, конечно, уже превратились в строевую часть мирного времени; отдан был приказ, чтобы все прибывающие мелкие воинские части, одиночные лица являлись в мое распоряжение, были расклеены объявления о записи добровольцами в «отряд полковника Енборисова», а нужно сказать, что крестоносцы еще в пути пожелали, чтобы наш отряд именовался «отрядом полковника Енборисова», с этим названием мы и шли весь поход, оно осталось в Чите и шло по всем приказам, и шефство мое подтверждено и приказами главкома Российской Восточной окраины, а также и приказами командарма и комкора; установлен был бланк и печать: «Добровольческий отряд полковника Енборисова».

Атаманом был произведен смотр всем войскам, пришедшим с запада, и начальников крупных частей, не ниже командира бригады, после смотра пригласил на банкет в гостиницу «Эрмитаж». На этом банкете пришлось познакомиться с высшей администрацией Читы: генерал Афанасьев был помощник атамана по военной части, по гражданской — Таскин, много было генералов забайкальцев и каппелевцев, как их называли. Я, старик, был польщен тем, что удостоился сидеть, только через одного человека, от главнокомандующего, а против него генерал Войцеховский и далес генералитет, и это сидение недалеко от главкома мне «даром не прошло».

Появился в Чите и «всесильный» омский деятель Иванов-Ринов, который скрылся от казаков еще в Сибири и 23 марта вместе с полковником Кулленниковым выехал в Харбин. 22 марта я назначен дежурным генералом 3-го отдельного корпуса, с оставлением начальником «отряда полковника Енборисова», а бывший дегенкор полковник Кулленников, уезжая, оставил мне письмо следующего содержания:

«Начальнику добровольческого отряда полковника Енборисова.

Милостивый государь Гавриил Васильевич!

Расставаясь сего числа с управлением дегенкора, считаю своим нравственным долгом принести особую благодарность за вашу работу не за страх, а за совесть. Только благодаря вашим исключительной энергии и старанию мне удалось в течение месяца наладить все хозяйство в новом корпусе, только благодаря вашему умению подойти к солдату и офицеру, глубокому пониманию вами того и другого и вашей огромной беспрестанной работе удалось завести в течение месяца полный порядок в строевых частях штаба молодого корпуса.

Дегенкор полковник *Купленников*.

23 марта 20 года. № 180. Чита».

Состав управления дежурного генерала был очень приличный и весь состоял из оренбуржцев: старший инспектор хозяйственной части П.С. Архипов, мужик очень основательный, на ком этот отдел и ехал, по строевой части полковник Барабанов и др.

Того же числа я и вступил в исполнение обязанностей дежурного генерала, отдав приказ о вступлении во временное командование моим отрядом полковника Смыслина (приказ № 83).

Выписка из приказа по 3-му Отдельному стрелковому корпусу от 21 марта с.г. за № 158: «Начальник отряда, ныне дежурный генерал штаба 3-го Отдельного стрелкового корпуса, полковник Енборисов за мужество и храбрость, проявленные в бою, награждается орденом Св. Анны 2-й степени с мечами, для ношения на шее».

Приказ по 3-му Отдельному стрелковому корпусу от 4 апреля 1920 года за № 9, г. Чита, пункт 8: «Из всех частей, состоя-

щих при штабе корпуса, отряда полковника Енборисова и конвойной сотни сформировать добровольческий егерский отряд в составе: а) двух стрелковых рот; б) пулеметной команды и в) отдельной конвойной сотни. Отряду именоваться: “Добровольческий егерский отряд штаба 3-го Отдельного стрелкового корпуса”.

Начальником Добровольческого егерского отряда, с правами начальника отдельной бригады во всех отношениях, назначается полковник Енборисов.

Комкор генерал-майор *Молчанов*.

Выписка из приказа добровольческому отряду полковника Енборисова, пункт 3: «Приказом по корпусу от 4 апреля № 9 я назначен начальником Добровольческого егерского отряда штаба 3-го Отдельного стрелкового корпуса, с правами начальника отдельной бригады во всех отношениях, в каковой отряд входит и мой отряд то есть «отряд полковника Енборисова», конвойная сотня, пулеметные команды, партизанский отряд и все части, состоящие при штабе, почему от сего числа на бумагах ставить бланк и печать: “Добровольческий егерский отряд штаба 3-го Отдельного стрелкового корпуса”»; пункт 4: «И.д. заведующего хозяйством озаботиться заказать новую печать и бланк отряда».

Выписка из приказа по корпусу от 7 апреля № 173: «Начальник добровольческого егерского отряда полковник Енборисов за мужество и храбрость, проявленные в боях с неприятелем, награждается орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, каковую перемену занести в его послужной список».

На Страстной неделе, 8 апреля, 3-й корпус, под командой генерала Молчанова, был экстренно командирован в села Шакша и Беклемишево, где, по разведке, засели отряды красных и, группируясь, собираются на Читу. Мой отряд был в

составе корпуса, и я пошел сам лично — к Беклемишеву подошли мы неожиданно утром. Подойдя версты на две, из-за леса мы начали бить из орудий, началась суматоха, но все-таки красные встретили нас подобающе: открыли усиленную стрельбу из винтовок, из пулеметов, пули сыпались, как дождь, но ввиду того что мы выходили из-за горки, то пули летели выше — по вершинам леса, откуда беспрерывно сыпались сосновые шишки. Мой отряд пока был в резерве, я находился в группе: генерал Войцеховский, Молчанов; Барышников, начальник штаба, наблюдал за боем, сидя за пнем около двух аршинов толщины — полная гарантия безопасности и не меньшая гарантия того, что Барышников ни одного солдата из тех, за которыми наблюдал, и не видел. Подошел ко мне генерал Войцеховский, поздоровался, взглянул на Барышникова и... его улыбку я понял.

Я получил приказание готовиться к атаке и только что подсккал к отряду, чтобы лично вести его в атаку, и, подав команду «за мной», двинулся, как красные прекратили стрельбу и начали отступать, а потом обратились в бегство, а наши пулеметы помогали им бежать. Они бежали через озеро, при котором расположено село Беклемишево. Слева подошли японцы, появление их ускорило развязку, и они приняли горячее участие в атаке. Много было пленных и убитых — до 500 человек, брошены были пулеметы, винтовки, и немало было взято военного имущества... Трудно было разобрать, кто мирный житель, кто красноармеец, кои, сбросив форменную одежду и надев крестьянскую, занялись работой по хозяйству.

Нельзя не сказать несколько слов о генерале Войцеховском, который не постеснялся за неисполнение приказаний и трусость пристрелить командира корпуса генерала Гривина, чем и исправил положение. Кстати сказать, его некоторые ге-

нералы недолюбливают, он и здесь держал себя как на параде — не прятался, мне скажут: какой это бой — два часа, но спрятаться и двух часов вполне достаточно, как показывает опыт, а я повторяю, пули сыпались «як дождь». На другой день вернулись в Читу.

Приказ по 3-му Отдельному стрелковому корпусу от 11 апреля 1920 года: «Христос Воскресе! Поздравляю войска корпуса с праздником Святой Пасхи, желаю провести этот Великий праздник в полном благополучии и веселии».

Приказ добровольческому егерскому отряду от 11 апреля 20 года № 102, пункт 3: «Христос Воскресе! Поздравляю вас, боевые орлы-добровольцы отряда полковника Енборисова, партизаны и станичники-оренбуржцы конвойной сотни.

От души желаю провести Вам эти Светлые дни весело, несмотря на то что вы заброшены волею судьбы на многие тысячи верст от своих родных гнезд. Не задумывайтесь, поистине герои, что оторваны от своих семей: вы совершили подвиг, доселе небывалый в истории человечества, вы совершили тяжелейший Великий Сибирский поход, в смертельной опасности вы победили непобедимое, совершая крестный путь. Верьте, братья, что воскреснет временно потухшая слава Святой Руси, так, как воскресла Слава Христа. Верьте, что те светлые дни, проведенные вдали от родного семейства, надолго останутся памятны, особенно если мы их проведем дружно родной семьей, как дети, вскормленные одной матерью-старушкой Святой Русью.

Начальник отряда полковник *Енборисов*».

Много было мной произведено солдат в унтер-офицеры, а казаков в урядники.

Перед самым выходом на фронт, 8 апреля, штабс-капитаны Стадник и Кандауров подали рапорта о болезни и освобожде-

нии их от боевого похода, и нужно добавить, что последнее время мне докладывали о Стаднике как о человеке неблагонадежном и трусоватом; я приказом № 106 назначил комиссию для освидетельствования здоровья Стадника, попутно уже и Кандаурова. Стадник действительно оказался симулянтом, и, не желая его предавать суду за уклонение от службы, я арестовал его на 7 суток на гарнизонной гауптвахте с 18 апреля.

В ночь с 19 на 20 апреля Стадник явился в канцелярию отряда и высказывался: «Вот мы покажем вам скоро, как арестовывать меня, жена была у Молчанова, вот увидите».

Я за появление Стадника ночью в канцелярии отряда, да еще пьяным, и за неуместные угрозы после отбытия им первого ареста арестовываю его еще раз на 7 суток, а состоящему при мне штаб-офицеру для поручений подполковнику Панфилову приказал выяснить, каким образом Стадник оказался на свободе. Дознанием выяснено: действительно, Стадника освободила из-под ареста его жена, побывавшая в предшествующую ночь у генерала Молчанова и начальника гарнизона.

Офицеры Добровольческого егерского отряда, возмущенные поведением Стадника, как неблагонадежного и часто отыгрывающегося от служебных обязанностей через свою жену, доложили мне их постановление следующего содержания: «Мы, нижеподписавшиеся, гг. офицеры Добровольческого егерского отряда штаба 3-го Отдельного стрелкового корпуса, обсуждали поведение штабс-капитана Стадника, одного с нами отряда. 1) Штабс-капитан Стадник сторонится всех гг. офицеров и старается тем или иным способом уклониться от очередных нарядов. 2) Поднимает всегда ссоры, кляузы, с недопустимыми выражениями, роняющими достоинство офицера, не стесняясь посторонних и даже толпы. 3) Создает рознь между офицерами и солдатами, подстрекая к неповиновению. 4) Во

время боев держит себя весьма сомнительно, проявляет склонность к переходу, по меньшей мере к нейтралитету и больше.

5) Прикидывается больным, только на время боя или командировки, были случаи добывания свидетельства от фельдшера.

6) Штабс-капитан Стадник допускает в служебные дела вмешательство жены, с угрозами причинить вред тому или иному лицу, или всем офицерам. И наконец 7) Не имея возможности передать всего на бумаге, что позволяет себе Стадник, пришли к заключению, что подобные лица нетерпимы и недопустимы, особенно в такое тревожное время, не только в среде офицеров, а вообще в воинской части как вредный, ненадежный и опасный элемент.

На основании изложенного просим уважаемого нами начальника отряда войти с ходатайством о немедленном исключении и удалении штабс-капитана Стадника из отряда».

Меня интересует не Стадник, каковы отбросы ныне бывают нередки, а родона начальники их, как командир корпуса г-н Молчанов — большой человек. Начальник его штаба, да еще Генерального штаба, генерал Барышников, а также и начальник гарнизона, тоже генерал, не знали, а может быть, и сейчас не знают статью 58 книги 23 С.В.П. 1869 года, а если это так, то наше дело — военное дело — и в будущем не пойдет далеко.

Кроме сего, мой помощник полковник Смыслин и штаб-офицер для поручений подполковник Панфилов донесли мне на Стадника рапортами, где они его считают еще в пути агента красных, особенно его жену, которая, говорят, еще в селе Голопулове агитировала за переход к красным, но тогда не было об этом известно.

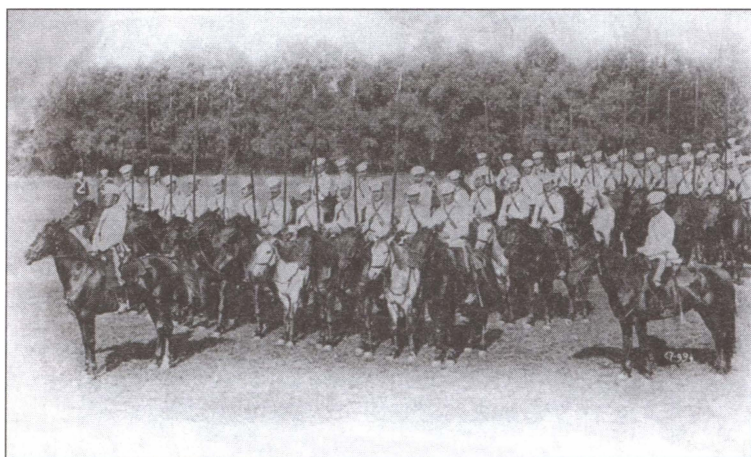
Я доложил комкору обо всем, и, конечно, в категорической форме, просил его поступать по закону. Особенно подчеркивал ему на вмешательство баб.

Г.В. Енборисов

Оренбургские казаки с верблюдами. Конец XIX – начало XX в.

1-й Оренбургский казачий полк. Начало XX в.

А.Ф. Керенский

В.И. Ленин

Вид на г. Троицк. Начало XX в.

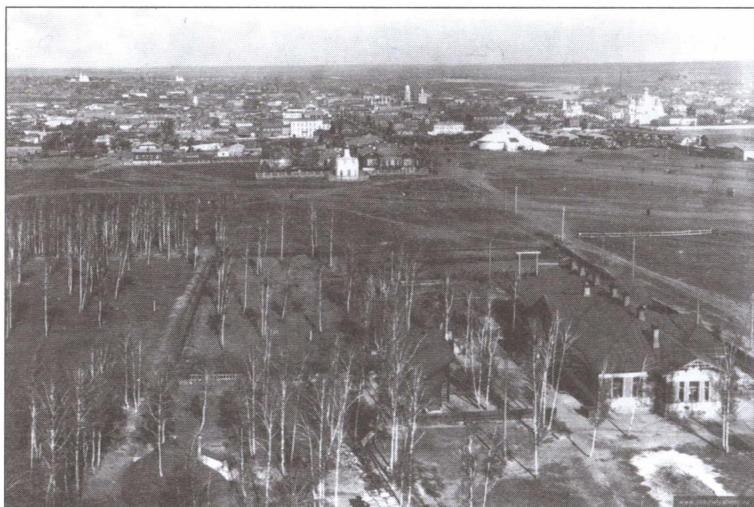

Городская управа в г. Троицке. Начало XX в.

Азиатская улица в г. Челябинске. Начало XX в.

Вид на г. Челябинск. Начало XX в.

А.В. Колчак

М.К. Дитерихс

Вид на г. Новониколаевск. Начало XX в.

Николаевский проспект в г. Новониколаевске. Начало XX в.

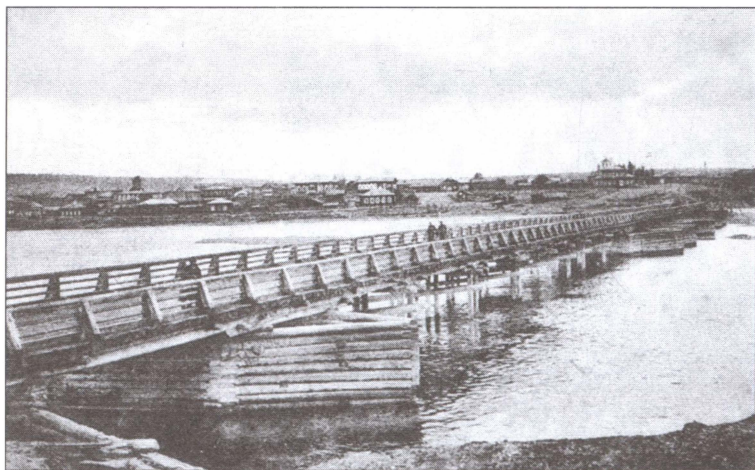
В.О. Капель

Р.Ф. Унгерн

Паром в г. Нижнеудинске. Начало XX в.

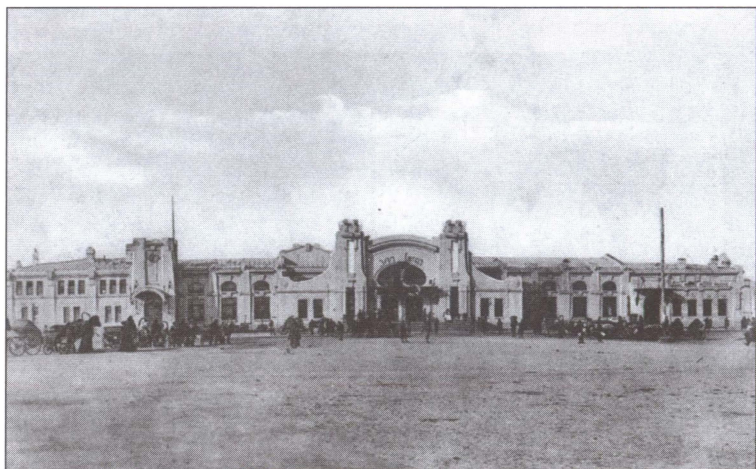

Вид на мост через р. Уда в г. Нижнеудинске. Начало XX в.

Г.М. Семенов

Вокзал в г. Харбине. КВЖД. Начало XX в.

Вход в Хинганский тоннель. КВЖД. Начало XX в.

Б.В. Остроумов

Управление КВЖД в г. Харбине. Начало XX в.

Д.Л. Хорват. Художник К.А. Хорват

А.И. Дутов

Иркутск в начале XX в.

Центральная улица Харбина. Начало XX в.

Генерал Молчанов рассвирепел на меня, особенно когда ему еще подмогнул его собутыльник Душенкевич — по недоразумению в Маньчжурии атаманом Семеновым произведенный в генералы, этот тип и в войске всегда болтался на задворках. Душенкевич говорил Молчанову: «Енборисова бойся, он человек властный и тебя заберет в руки, поскорее его обеззараживай — ликвидируй».

По пьяной-то лавочке они и напугались, и начали против меня поход. 21 апреля, приказом по корпусу № 15, повелено было Добровольческий егерский отряд расформировать. В этот же день я назначил комиссию по ликвидации имущества, хозяйства, денежных сумм и составления отчетности: полковника Смыслина, адъютанта поручика Шимордова, начальника хозяйственной части поручика Мякотина, поручика Комиссарова и делопроизводителя по хозяйственной части титулярного советника Борцова.

Конвойную сотню, под командой полковника Сокорева, командировал в распоряжение начбрига оренбургских казаков, полковника Русина — в Ижевскую дивизию, с батальоном пехоты, а офицеров по их желанию в разные строевые части, по штабам, в охрану главкома и т.д.

Выписка из приказа Добровольческому егерскому отряду от 22 апреля № 113, пункт 8: «К вам, боевые орлы отряда полковника Енборисова, обращаюсь не со словом “прощайте”, а только “до свидания”, ибо я уверен, что мы нужны для общего дела и еще встретимся, а тем более наша задача выполнена только наполовину... Вас, сыны Волги, Урала, Камы, Западной Сибири, никто ко мне не посылал, никто меня к вам не назначал, мы познали друг друга и, как истинные добровольцы, волею судьбы собрались и, дабы не попасть в одиночку в руки убийц России, стремились уйти за Байкал к атаману Семенову, а там

нас встретят не с пулеметами, а по-братски, и мы не ошиблись. Вспомните, братья-крестоносцы, наш тернистый путь, тяжелый путь. Великий исторический путь, про него наши потомки песенку-былину споют. Но этот идейный, далекий и физически невыносимый путь нам показался нравственно не тяжелым, а легким, ибо мы в надежде на великое будущее, светлое будущее, шли охотно, преодолевая и разрушая все, что встречалось нам в пути препятствием.

Мы вышли безоружными, слабыми — пришли с пулеметами, патронами, винтовками и сильные. Мы вначале не были боевой единицей, но мы сделали таковой. Мы стремились к атаману Семенову, к нему мы шли — в этом заключалась первая половина нашей задачи; нас здесь пригласил атаман и приютил. Здесь мы увидели атамана — с доблестными союзниками японцами. Русское спасибо тебе, атаман, — теперь мы отдохнули!

Теперь, боевые орлы-добровольцы, мы должны выполнить вторую половину нашей задачи — это вернуться обратно и не дать окончательно погибнуть нашей матери Святой Руси, над которой предательская рука блудных сынов уже поднята и даже удары нанесены...

Бедная старушка, наша мать Святая Русь-Богоносица, Русь-Страдалица! Сколько ты на своей груди вскормила врагов себе. Не смущайтесь, братья-добровольцы, что мы, как сильная духом и физически отдельная часть, от сего дня не существуем, но мы каждый отдельно существуем и опять сойдемся на поле брани за Русь Святую. Мы опять сумеем быть полезными, а не дармоедами, наш отряд не из большого стал малым, а из ничего стал большим. Мы не теряли людей по дороге, а собирали их и опять не будем одинокими. Не наше дело — рассуждать, почему это так случилось, что нас разединили, мы только солдаты, мы только воины, а не полити-

ки и на приказ о расформировании ответим: “Слушаемся”, и, выполнив, будем честно, скромно, добросовестно выполнять приказания своих вождей, во главе с доблестным уважаемым нашим атаманом Семеновым.

До свидания, истинные сыны Великой России.

Начальник отряда полковник *Енборисов*.

Адъютант поручик *Шимордов*».

Вот так у нас и проваливались хорошие начинания. Встретил я в Чите полковника Кручинина, нашего оренбуржца, куда он явился, оказывается, сироткой: командовал бригадой и где-то по дороге потерял ее, или бригада его потеряла, только с ним не было ни одного казака, да оно и понятно: человек, коего почти вся служба протекала в заведовании музыкантами, разве может справиться с частью в такое смутное время? Ведь воспитание и заведование музыкантами далеко не походит на воспитание, а тем более командование строевой частью, и в последнее время еще нужно не только командовать, но и управлять — создавать известную атмосферу, — оберегать свою часть от разложения, уметь внушить и разъяснить сущность идеи, за что мы боремся, заслужить доверие части, на всякий вопрос давать исчерпывающий ответ, не пасовать при всяких осложнениях и быть примером для людей части, а в минуту опасности не теряться и не освобождать себя от ответственности за подчиненных: где — хорошо, где — плохо, все брать на себя, тогда и часть тебя не выдаст.

Потом видел я его в одном учреждении в роли писца, хотя он был в форме уже строевого генерала и в погонах.

Генерал Зайцев, начальник штаба атамана Дутова, тоже, получив «толику» от атамана Семенова для каких-то организаций Дутова, укатил за границу, а потом и в СССР. Был и личный адъютант Дутова В.С. Новокрещенов вместе с «гене-

ралом» Чорбой, пожилы у меня с недельку, ходили за чем-то к атаману Семенову и тоже уехали в Харбин. Странно как-то: генерал Вагин и генерал Зайцев именуют себя начальниками штаба командарма атамана Дутова, а В.С. Новокрещенов личным адъютантом его, и все трое в Харбине. Командарм Дутов в Монголии и убит. Как были далеко от него эти «близкие» люди.

Явился в Читу и генерал Милович, сдавшийся в Канске, метил быть инспектором кавалерии, но генералу Джунковскому было поручено произвести расследование по делу сдачи его большевикам — подтвердилось и Милович «смотался». Был несколько деньков в Чите и Иванов-Ринов, и после визита к атаману вместе с полковником Кулленниковым выехал в Харбин.

13 апреля, рано утром, красные повели наступление на Читу со стороны поселка Каштак, но были отброшены с огромными потерями. Я был в бою на японской позиции и лично видел результаты этой атаки: люди на бегу падали и по инерции кувыркались, наложены были большие кучи... Жаль этих русских людей, сбитых с толку каторжанами; они пошли брат на брата, сын на отца и т.д. На мою долю выпало преследование убегающих, и я со своим отрядом гнал их через Каштак на Верх-Читу.

Много было подобрано агитационной литературы, и, между прочим, приказ комбрига красных. Третий его пункт говорит: «По занятии г. Читы всем товарищам красноармейцам собраться в двух пунктах: части под командованием товарища В-а у сада Жуковского, а под командой К-ли на площади у вокзала, и ждать приказаний, где комиссарами товарищами В. и И. будут указаны пунктов обедов и квартиры, а после сего комсоставу явиться в общественное собрание...»

Из этого приказа видно, что красные были уверены в победе и уже предвкушали вкусный обед в общественном собрании, где побежденные будут их угощать. Угощение было дано, но кисловатое...

Не помню, какого числа, красный аэроплан сбросил в городе сильную бомбу: к счастью, обошлось без жертв, ибо это было рано утром и на улицах еще никого не было, но в соседних домах от сотрясения воздуха повывлетали стекла из окон, и некоторые осколки бомбы углубились в стены. Брошена была бомба и на станции Сохондо; по этому поводу японское командование выпустило обращение к Красной армии следующего содержания:

«В последнее время, после опубликования декларации командующего японской армии, японские войска хотя имели право оставлять за собой свободу действий, но в силу своей честности дальше на запад не продвигались и никаких активных действий не предпринимали, между тем 17 мая сего года аэроплан Красной армии, или так называемой “революционной армии”, стреляя из пулеметов, сбрасывал прокламации и бомбы в расположении наших войск на станции Сохондо, где, кроме того, находится много мирного населения.

Такие вызывающие действия заставляют японскую армию в целях самозащиты принять самые решительные меры к изгнанию противника из пределов расположения японских войск.

Командующий японской армии».

После этого обращения красные присмирели и прижались. Был в Чите и г-н Анисимов, добившийся от атамана Семенова 100 тысяч золотых рублей, в чем горячее участие принимали и Шмотин с Нестеренко, как Бобчинский и Добчинский, а потом, не принимая никакого участия в строю или какой-либо работе на общее дело, скрылись в Харбин.

После расформирования моего отряда я приказом главнокомандующего атамана Семенова назначен был в его распоряжение и временно прикомандирован к его личной охране помощником начальника таковой, ездил с атаманом в Маньчжурию, в качестве коменданта его поезда провожал делегацию в Японию, с ней поехал личным ординарцем, подъесаул Похитонов — адъютант Иванова-Ринова. В Маньчжурии китайцы устроили торжественную встречу: оркестр духовой музыки, начальствующие лица, публика заняла не только перрон и пути, и на крышах зданий места не хватало, у даоиня был дан банкет.

Познакомился я у генерала Акцинова с бароном Унгерном — грозой Читы. Когда он явился в Читу, к нему явились все «высшие чины Читы», а он был только начальником Азиатской конной дивизии и, кстати сказать, неустрашимый воин.

5 июня 1920 года было созвано краевое народное совещание, служил молебен епископ Мелетий, атаман Семенов читал декларацию, весь генералитет во главе с шикарно одетым Лохвицким, много говорили, читали, а по окончании торжественной части остались только представители...

15 июня 1920 года на общем собрании офицеров и чиновников личной охраны, пулеметных команд, личного конвоя и личной канцелярии главнокомандующего по единогласному решению присутствующих мне пришлось председательствовать; секретарем был штабс-капитан Смирнов. После решения об организации офицерского собрания при ставке главнокомандующего я был избран председателем распорядительного комитета названного собрания, членами: штабс-капитан Смирнов, штабс-ротмистр Бронников, капитан Москалев и др.

В Чите поговаривали, что в Харбине существует какая-то американская организация, под названием «Лига свободы

и прав человека», и во главе стоит американец, некто г-н Завойко; лига эта проводит идеи разделения России на штаты, наподобие САСШ. Атаман Семенов этим заинтересовался, и к этому же времени приехал в Читу, вместе с В.С. Новокрещеновым, как я сказал выше, самозванец «генерал» Чорба, пробравшийся на Дальний Восток при моем же отряде. Он мне про эту организацию наговорил очень много, и, кроме этого, получил я письмо из Харбина от полковника Кулленникова, где он меня приглашает в эту организацию, находя мое присутствие очень полезным для русского дела.

Узнав об этом, атаман Семенов предложил мне, если я желаю, поехать в Харбин и узнать, что собой представляет эта организация и сам г-н Завойко, а также его интересовал и наш г-н Сукин. Потом я был спрошен, не сумею ли я что-либо предпринять по ликвидации во Владивостоке организации генерала Болдырева. Конечно, я великолепно понимал свою «командировку» — согласился; выдали мне из штаба главнокомандующего удостоверение о том, что я уволен на два месяца в отпуск, и кое-какие специальные документы. Взяв с собой трех офицеров: подъясаула Смородина, начальника к.-р. Готальского и хорунжего Нестерова, бывшего начальника Оренбургского почтово-телеграфного округа, 31 июля 1920 г. я выехал в Харбин.

Проезжая через станцию Даурия, мы предполагали с бароном Унгерном и генералом Ж. заключить триумвират и идти в обход Байкала и Иркутска с юга на Нижнеудинск, причем барон только строевой начальник, а административное управление, комендатура и другие отделы в моих руках, снабжение в руках Ж., и все вопросы, касающиеся армии, должны решаться обоюдно, с согласия всех троих, но в экстренных случаях, не терпящих отлагательства, — отражением налетов, набегов и т.п.

со стороны неприятеля, военные операции он может предпринимать самолично; наказания на чинов армии смертью без суда не производить. Вообще я настаивал на полной закономерности, и уже весьма много направлялось со мной добровольцев. Я должен был по исполнении атамановского поручения явиться в Даурию.

Харбин

По приезде в Харбин на вокзале меня встретил подпоручик Дисковский, далее Широкоштанов, а на другой день генерал Серов и много других. Первые двое настроены были очень игриво, по-праздничному. Дисковский говорил, что он очень хорошо торгует квасом, а Широкоштанов удачно выступает на сцене собраний и театров и «свистит в кулак» — имитирует музыку, что ли, я даже и не знаю, как это называется.

Оба вместе состоят в Союзе офицеров, кои промышляют себе хлеб насущный такими же путями и усиленно предлагают вступать и мне, а я, конечно, в категорической форме предлагаю им немедленно ехать в Забайкалье, в армию, где идет бой за нашу Родину — Россию.

Возникновение Офицерского союза в Харбине, в глубоком тылу, в то время, когда армия дерется на фронте за участь России, а значит, и за участь забравшихся в тыл, я не приветствовал и жестоко осуждал.

В Харбине я в течение трех дней все узнал: сходил по указанию полковника Купленникова к доктору Краевскому, секретарю «Лиги свободы и прав человека», вошел туда членом, и меня Краевский посвятил в кое-какие подробности, выдал мне устав, подписанный им, и я расспросил и узнал про г-на Завойко.

Узнал, что собой здесь представляет и генерал Сукин. На Японской улице есть дом номер 9, принадлежавший некоему Жигалову, а управляющим домом был полковник Купленников. Проходя однажды по этой улице, я услышал голос: «Господин полковник, зайдите». Я поднял голову, ибо кричали с балкона, и вижу — это генерал Сукин. Ах, как кстати, думаю. Оказывается, в этом доме несколько комнат занимал инженер Корнилий Владимирович Покровский, бывший член II Государственной думы, подписавший знаменитое Выборгское воззвание. Пообедали здесь и досыта, что называется, договорились с г-ном Сукиным, и на его предложение ехать к Брусилову на службу я ответил: «Слушаюсь!» (так было надо — моя задача).

Сукин должен был ехать во Владивосток к генералу Болдыреву, поговорить с Москвой и привезти решение, и тогда мы уже кругосветно поведем по назначению.

Правда, Сукин съездил к Болдыреву, привез директивы, но выезд я под разными предлогами откладывал. Собрав сведения, кто такой Завойко и кто Сукин, обо всем этом я послал с нарочным атаману Семенову подробный доклад. Атаман, получив это, их обоих принял к себе на службу, да еще на какую: Сукина — начальником своего штаба, а Завойко — начальником личной канцелярии; результатом был Хадабулак — всем известный.

Я просил атамана, чтобы он освободил меня от службы в Забайкалье, и я уйду с Азиатской дивизией и возьму своих добровольцев, он же мне приказал ждать распоряжения, которое последует в ближайшее время, и ждал я впроголодь. Спасибо Унгерну — он мне прислал 300 золотых рублей и сообщение, где я могу получить автомобиль для себя и грузовики для добровольцев, а сам он-де уходит в Акшу. Пока я ждал атамановского распоряжения, Унгерн ушел уже далеко...

Вскоре атаман Семенов проехал через Харбин на юг, а за ним начали появляться люди с «золотишком», с большими тысячами и даже с миллионами; появились общества взаимопомощи, мастерские и даже в Модягоу (предместье Харбина) кинематограф «Ампир», и довольно приличный. Он, правда, вскоре был сожжен, и все это было обставлено глубокой тайной. Появлялся некий генерал Бырдин, с целым возом, пудов в 40 золота, были и «начальники снабжения». Золото — рекой!..

Пошли поезда с воинскими чинами, некоторые оставались в Харбине, многие ехали в Приморье, а потом зашевелились создатели нового государственного образования. Следовательно, Забайкальское царство рухнуло, и мне возвратиться в Читу не пришлось, так я и засел в Харбине — ни денег, ни хлеба, ни службы...

Имел сведения, что мой станичник генерал Бурлин уехал из Харбина с приличными «прогонами» и 300 тысячами золотых рублей для покупки румынских патронов, в компании с генералом Филатьевым, и атаман Семенов ни денег, ни патронов, ни отчетности не получил. Отсюда понятна та травля, которую ведут против атамана Семенова «золотые люди»...

Господа, Родина требует отчета! И она его рано или поздно получит...

Встречался я здесь и с безработным атаманом генералом Ивановым-Риновым, жил он на Гренадерской, 4, в Старом Харбине.

Познакомился я через протоиерея Русецкого, главного военного священника, с князем Куракиным, кои устроили меня с семьей на бесплатные обеды в Русский Красный Крест: они же мне помогли поступить на службу курьером в Пенсионный отдел КВЖД, на 30 долларов в месяц.

Немного раньше я узнал, что генерал Кручинин, в том же доме на Японской, 9, открыл какую-то контору. Оказывается, при эвакуации из Читы ему тоже «подвезло»: он, получив от атамана Семенова около 100 тысяч золотых рублей на чинов штаба главкома и чинов охраны, явился в Харбин уже жизнерадостный — не сиротка и пожил «по-генеральски»: хорошая квартира, хорошая контора, штат служащих, отдельные кабинеты, кожевенный завод в Маньчжурии, заведующий Шмотин, а позднее заимка в Джалайноре, и все ушло «по уставу», как он заявляет хозяевам этого золота. Он тоже агитирует против атамана Семенова, который имел благое намерение поддерживать чинов армии... Это дело похоронили, а сейчас Кручинин служит заведующим похоронного бюро у протоиерея Филологова и это «соответствует действительности».

6 февраля 1921 года в Монголии был убит наш Войсковой атаман А.И. Дутов. А 1 марта того же года по инициативе полковника Енборисова были созваны все оренбургские казаки и их представители: депутаты Войсковых кругов, Окружных съездов всех округов, в помещении Союза городов, где, вспомнив своего атамана и всю его жизнь и помолившись Богу, собрание избрало президиум из председателя полковника Енборисова, двух товарищей и секретаря П.С. Архипова. Принимая во внимание, что из представителей войсковой власти никого у нас не осталось и все-таки чтобы кто-то был их представителем, собрание уполномочило временно выбрать Войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска генерала Анисимова, и главным образом потому, что на его руках находились средства, полученные им при усиленной беготне Шмотина и Нестеренко от атамана Семенова, — 100 тысяч золотых рублей для поддержки казаков. Помимо этого поручено ему потребовать от уполномоченного Романова во Владивостоке отчета и

войсковых денег. Причем это собрание приняло на себя функции Войскового круга и просило атамана Семенова как главнокомандующего и походного атамана утвердить это избрание. Генерал Н.С.Анисимов был утвержден.

Позднее, после крушения приморской государственности, президиум, получив сведения, что Анисимов, ведя беспутную жизнь, промотал все войсковые капиталы, не оказав помощи ни одному казаку, созвал 23 ноября 1922 года собрание в помещении Международного клуба казаков в доме инженера П.И. Джибелло, результатом чего явилась ревизионная комиссия под председательством П.С. Архипова и в составе членов: Бушуева, Скобелкина, Федотова, Кузнецова и др. 10 февраля 1923 года ревизионная комиссия постановила учетный акт и доложила президиуму.

А 16 февраля в пленарном заседании президиумов всех созывов и ревизионной комиссии, убедившись в хищениях и преступной деятельности Анисимова, его лишили полномочий, и выразили ему порицание и недоверие, избрав заместителем Войскового атамана генерального штаба генерала И.Г. Акулинина.

Главным сотрудником Анисимова в Приморье был А.С. Пономарев.

О возникновении постоянного президиума оренбургских казаков и избрании Акулинина президиум уведомил: Совет послов, Объединенный совет Дона, Кубани и Терека, атамана Астраханского казачьего войска, Начальника штаба главнокомандующей Русской армии, председателя Русского парламентского комитета, Сопровождение русских послов в Париже, Национальный комитет там же и др.

2 августа 1923 года я получил письмо, подписанное казаками, следующего содержания:

«Глубокоуважаемый Гавриил Васильевич!

Приветствуя в лице вашем президиум организационных собраний оренбургских казаков, мы, представители групп и казаки всех округов Оренбургского казачьего войска, ничем другим, кроме искренней благодарности, вознаградить не можем, которую мы просим принять и засвидетельствовать всему составу президиума.

Признавая вполне ваш личный беспристрастный, бескорыстный и тяжелый труд, мы не могли не заметить и умолчать и о членах президиума: благодарим ближайших ваших сотрудников, члена президиума, принявшего на себя и труд бесплатного секретаря президиума, надворного советника П.С. Архипова; члена президиума, не покидавшего нас до последней минуты и теперь взявшего на себя обязанности разделять труды президиума полковника М.Ф. Воротовова; члена президиума, бывшего всегда при нас и нам известного Я.М. Кузнецова; члена президиума, принявшего на себя не только права и звание, но и путем переписки, как нам известно, оказывающего поддержку нам, казакам, Н.А. Щелокова.

Глубокоуважаемый Гавриил Васильевич! Разрешите подчеркнуть нашу искреннюю признательность вам и всему президиуму и оттенить мотивы, кои подсказали нам это сделать: президиум под вашим руководством первый за все революционные годы взял на себя смелость и мужество открыто выступить и заявить о всех ненормальностях в среде наших руководителей, о их небрежном, даже больше, отношении к порученному и называть их собственными именами, указать им должное место, ликвидировав все недоразумения, и устранить их в будущем, взяв контроль в руки коллектива.

Вы могли ждать противодействий, могли ждать неприятностей, могли ждать большего, и ничего не смутило президи-

ум, и он завершил свое доброе бескорыстное дело Великим делом, лишив возможности распоряжаться нашим благосостоянием и нами людей недостойных, вручив судьбу нашу достойному и всем известному и уважаемому Генерального штаба генералу Акулинину, дав ему и достойного помощника М.Ф. Воротовова.

Не смущайтесь, дедушка, скажите вашим сотрудникам, президиуму, что никакая инсинуация и клевета и другие козни против вас и президиума не изменят нашего взгляда на президиум, а покажут лиц, не желающих нам добра и более спокойной жизни и помощи, и они будут не приняты нами и осуждены.

Много было работников на общественной ниве и немало руководителей нами, но они имели солидные авансы и хорошие суточные и другие приложения, а президиум, состоящий из старших нищих, имеет мужество поделиться с нами и из этого и хотя бы иногда поддержать морально, в ту минуту, когда люди с авансами не смотрят на нас, а президиум взял заботу о нас тогда, когда мы, брошенные среди поля и улиц, бесприютные, обездоленные и без куска хлеба.

Русское вам спасибо и просьба не покидать нас, меньших братий, и не допускать в среду свою людей, вносящих рознь и могущих развалить созданное вами, а на это охотники найдутся. Помогите нам Бог (подписи)».

О действиях Анисимова по трате денег было всем известно, это было в то время, когда казаки, находящиеся в Монголии, умирали с голода, о чем имеется телеграмма Бакича, где он точно указывает, что в корпусе есть случаи голодной смерти. После бегства атамана 2-го округа Захарова в СССР также и голодный Бакич погиб, а человек 150 прошли в Гучен и оттуда прислали письмо, где дословно говорится: «Четвертый год, как

перешли границу и скитаемся по Синьдзянской провинции и по Монголии, единственная отрада — это все ждем откуда-то помощи... Тяжелое время пережили: подьесаул Кочуров умер голодной смертью, а также и Василий Сысуев-Краснинский. Волковы отец и сын померли голодом...»

А генерал Карноухов пишет: «...Дорога от Гучена до Кобдо была усеяна трупами умерших от голода станичников, которых немецкие и большевистские пули не сразили, а царь-голод положил их...» Это в то время, когда Анисимов и его нахлебники, «Добчинский» и «Бобчинский», кутили и проживали десятки тысяч рублей на прихоти, весело справляя именины, и без фруктов и шампанского за стол не садились.

Дабы показать окружающим, что они кормят людей, Анисимов переводит через банк Дутову и Бакичу деньги, получает соответствующий переводной документ, а на другой же день каким-то образом сумел деньги вернуть, а в отчете они значатся переведенными. Конечно, Анисимову Москва, куда он уехал, это засчитает в заслугу, что он умертвил Бакича и тысячи станичников...

Когда собрание казаков 23 ноября 1922 года избрало постоянный президиум под моим председательством и поручило ему, как высшему органу, заменяющему Войсковое правительство, заняться расследованием этого преступления и, не слагая полномочий, по возможности доложить казакам, и главным образом — Войсковому кругу, если Бог благословит вернуться на Родину, то и Шмотин с Нестеренко выступили с «разоблачениями», а до сего, зная все это и сотрудничая, несколько лет молчали. А Анисимов, лишившись возможности шантажировать, не привык жить своим трудом, ушел в СССР из Шанхая и увез с собой несколько казаков, передав красным и пароход «Монгугай».

Есть сведения, что Анисимов главной заслугой ставит перед СССР борьбу со мной («со старым волком»), начиная с 1-го Войскового круга и кончая Харбином, где он давал сведения обо мне и моих организациях агентам СССР и все протоколы, подписанные мной, захватил с собой. Его законные помощники Шмотин и Нестеренко явились на Дальний Восток, не испытав того, что испытала Русская армия и в особенности оренбургские казаки: Шмотин приехал в салон-вагоне с Анисимовым, а Нестеренко, где-то бросив Войсковое правительство и отрекшись от него, шел при разных частях, а в Чите уже «оформился».

Я думаю, совершенно было бы излишним уделять так много времени, места и внимания и говорить о такой мелочи, но эта мелочь не перестает до сих пор вредить сплочению казаков, провоцируя людей, могущих принести пользу общему делу, и используя моменты для разложения той или иной организации. Создавать они не способны, всегда примазываются к готовому, и, используя обстановку для себя лично, уходят или их изгоняют, посему разговор о них является как предупреждение для тех, кто их не знает, и для памяти, а следовательно, и лишним его считать, пожалуй, и не приходится, а тем более моя о них информация не является газетной диффамацией, а это памятка, конспект возможного доклада Войсковому кругу и всем казакам, почему я и даю маленькую справочку:

В 1907 году мне было приказано приступить к формированию 15-го Оренбургского полка для службы в помощь гражданским властям, и я, приехав в Верхнеуральск, заняв гостиницу П.Е. Куликова, приступил к формированию. Ко мне в комнату, как сейчас помню, вваливается здоровеннейший толстяк хорунжий, пьяный, в сюртуке, без пашки, и, едва выговаривая: «Честь имею явиться в ваше распоряжение хорунжий Шмо-

тин», он садится. Я с первого слова попросил его в таком виде меня не беспокоить и не забывать, что мы состоим на военной службе.

По формировании нами почти всего полка приехал из Оренбурга полковник Угличинин (Ипполит), и я, сдав ему всю полковую работу, получил назначение командиром 5-й сотни. К несчастью, Шмотин попал ко мне в сотню, а также и его собутыльник хорунжий Алексеев. Видя их ежедневно пьяными, я категорически заявил командиру полка о невозможности служить с такими типами, и их из моей сотни выбросили и назначили в 4-ю сотню, а когда поступило распоряжение 4-ю сотню послать в отдельную командировку и непременно командиром ее должен быть я (приказ из Оренбурга), то я в заводе Миасс, принял эту сотню, а Шмотина и Алексеева попросил, как людей не годных для службы, а тем более в отдельной командировке, убрать. Алексеев допился до белой горячки и скончался, а Шмотину еще удалось покутить на войсковые деньги и на Дальнем Востоке с Анисимовым.

Приказ по Оренбургскому казачьему войску

г. Харбин 6 мая 1923 года

1. При сем объявляется по войску для сведения протоколы организационного собрания оренбургских казаков от 23 ноября 1922 года, от 16 февраля 1923 года и акт ревизионной комиссии от 10 февраля 1923 года.

2. Горе, великое горе, станичники, испытываем мы в течение последних пяти лет. Предатели изуверы-большевики растерзали нашу дорогую Отчизну, и пять лет, как оставили мы родные станицы и выступили на смертный бой с разрушителями жизни наших станиц и родины. Все как один мы встали на защиту прав и справедливости. Наш покойный Войсковой атаман А.И. Ду-

тов вел нас к Великой цели — освобождению Русской земли и Войска от тиранов-коммунистов. Он только видел эту цель, все отдавая на достижение ее и ставя ее превыше всего.

В тяжелой борьбе растерзаны и мы. Немного осталось нас, разрозненных в тяжелых кровавых условиях, блуждающих по иноземным городам.

В 1921 году, 6 февраля, предательски убит был в Суйдуне наш Войсковой атаман А.И. Дутов. Осиротели казаки, находящиеся в Западном Китае. Одинаково восприняли горечь и казаки на Дальнем Востоке.

В Харбине в то время находился представитель Оренбургского казачьего войска генерал Анисимов, который еще осенью 1920 года получил от Атамана Семенова 100 000 золотых рублей на поддержание оренбургских казаков в Западном Китае (отряды атамана Дутова и генерала Бакича). Организационное собрание оренбургских казаков в Харбине, протоколом от 1 марта 1921 года, уполномочило г-на Анисимова принять на себя обязанности заместителя Войскового атамана и вести трудную работу по объединению на далеких окраинах оренбургских казаков, нести всю заботу о благополучном существовании их. Просило атамана Семенова утвердить его на этом посту и способствовать его работе.

Строевые части оренбургских казаков в Приморье приняли генерала Анисимова как заместителя Войскового атамана, признавали необходимость объединения казаков и надеялись увидеть свои чаяния в генерала Анисимове.

В ведение г-на Анисимова поступили и войсковые средства, бывшие в товарах у уполномоченного войска по закупкам на Дальнем Востоке Романова, на сумму около 50 000 рублей, были и еще поступления, как видно из акта ревизионной комиссии.

Полтора года пробыл на посту заместителя Войскового атамана генерал Анисимов, и когда разразилась катастрофа последней русской государственности на Дальнем Востоке — Приморской, как оренбуржцы опять стали перед лицом невзгод, лишений и страданий. Из акта ревизионной комиссии видно, что из 100 000 рублей для казаков Западного Китая переведено только 43 000, а 57 000 исчезли в веселых местах... А также канули в бездну и средства, взятые у уполномоченного Романова.

Преступный помощник Анисимова и распорядитель средств, начальник военного отдела есаул А.С. Пономарев, был достоин его.

Когда казаки встали перед лицом ужасной бесприютной жизни, когда выяснилась катастрофа нашего благосостояния, президиум организационного собрания оренбургских казаков, который 1 марта 1921 года уполномочил Анисимова и который по смыслу протокола 1 марта 1921 года являлся постоянным, он в ноябре 1922 года, в силу своих полномочий, занялся исследованием причин отсутствия средств у казаков, результатом чего 23 ноября 1922 года явилась ревизионная комиссия и ее акт от 10 февраля 1923 года. Организационное собрание оренбургских казаков протоколом от 16 февраля 1923 года постановило — генерала Анисимова лишить полномочий заместителя Войскового атамана и избрать Войсковым атаманом зарубежных оренбургских казаков Генерального штаба генерала Ивана Григорьевича Акулинина, находящегося в Западной Европе и с которым восстанавливается связь...

По определению организационного собрания оренбургских казаков я вошел в состав президиума как последний из строевых начальников, вышедших с казаками из Гирина в лагерь в Юшусянь.

Президиум организационного собрания на меня возложил впредь до распоряжения генерала Акулинина обязанности врид заместителя Войскового атамана Оренбургского казачьего войска на Дальнем Востоке и Китае.

Тяжела и безотрадна наша доля, дорогие станичники!

Сегодня день нашего войскового праздника, день наших воспоминаний, день скорби нашей и печали, когда мы оплакиваем судьбу нашей несчастной Родины и войска. В этот день я поздравляю всех оренбуржцев с нашим дорогим праздником и во имя пепелищ наших в войске взываю к объединению, к дружной взаимной поддержке, и увидим силу в этом, и крепость нашу и найдем Веру неугасимую в правду борьбы нашей, в воскресение наше, нашего войска и дорогой Отчизны.

3. В отмену приказа по войску № 24 начальником отряда имени атамана Дутова (г. Суйдун) назначается полковник Ткачев.

Основание: сношение представителя отряда имени атамана Дутова Н.А. Щелокова и постановление президиума Оренбургского казачьего войска от 4 мая 1923 года.

Врид заместителя Войскового атамана Оренбургского казачьего войска полковник *Воротовов*.

(3 марта 1925 года, № 11, полковник Воротовов на мое имя как председателя президиума организационных собраний оренбургских казаков сообщил, что он «за неимением абсолютно никаких материальных средств» обязанности ври [должность временно исполняющего] заместителя Войскового атамана с себя слагает. Работать без денег для казаков не хотят.)

Несмотря на провокацию, мне все-таки удалось очень многих устроить в казарму Госпитального городка, выпрашивать у Красного Креста для общежития казаков дров, хлеба, обедов, платить за квартиру в Нахаловкс (предместье Харбина):

Королевская, 52, добывать им керосин, многим подписывать поручительства для получения паспортов, рекомендации на службу, давать поручительства для поступления в охранную стражу КВЖД, давал сибирским казакам и очень много амурским, и записки ко мне генерала Белова сохранились и доселе. Конечно, я в заслугу себе это не ставлю, а ставлю в обязанность: никаких членских взносов мы ни с кого не брали, как практиковалось и практикуется в данное время многое, и на эти членские взносы кое-кому и живется хорошо, особенно председателям...

Будем надеяться, что оренбургские казаки, придя домой в войско, а это не за горами, все вспомнят, и если Бог благословит дожить до этого времени, то в силу той же обязанности, возложенной на меня и на президиум станичниками, сделаю доклад родному хозяину земли области оренбургских казаков — Войсковому кругу и громко, радостно произнесу: «Ныне отпускаеши раба Твоего...»

В 1921 году во Владивостоке были созваны представители несоциалистических организаций, «Несосъезд», я был избран тоже. Но будучи вполне уверен, если на сцене появятся те же лица: Молчанов, Смолин, Вержбицкий, Васильев и им подобные, то ничего не может получиться серьезного, поэтому не поехал.

Выбрали правительство, во главе с братьями Меркуловыми, Спиридоном и Николаем Дионисовичами, занялись разговором, создали все министерства, с премьером Василием Федоровичем Ивановым, кстати сказать, хорошим оратором. Но ведь говорить на определенную тему на сцене и вызывать аплодисменты еще далеко от того, что я уже и могу управлять, да еще чем, кем — министрами, государством. Значит, помимо говорильного аппарата, человек должен иметь и соответствующий

распорядительный аппарат, то есть голову, хотя, правда, территория этого государства граничила пределами одного уезда, некогда управляемого одним уездным исправником и вместо министров — участковыми приставами.

Атамана Семенова «Несосъезд» не только не принял, а даже посодействовал недопущению его высадиться с парохода на Русскую землю, чем и раскололи общее дело, а генерал Смолин составил план бойни и уничтожения не только Семенова, а всех русских людей, идущих с Семеновым, — предать еще меньшую братию, за спиной коей Смолин благодушествует.

19 июня 1921 года Смолин вел разговор с большевиками по прямому проводу, и этот документ один из делегатов «Несосъезда» передал президиуму такового.

Вот этот разговор Смолина с большевиками:

— У аппарата дежурный офицер штарма. Что угодно?

— У аппарата генерал Смолин. Я просил командарма. Скоро ли будет?

— Я штарм — дежурный офицер. Генерал Вержбицкий болен — не может. Наштарм поручил мне принять информацию. Прошу передавать, ваше превосходительство, — я слушаю.

— Дело в следующем: телеграммы и разговоры прямым проводом, гродековских групп все представляются мне, общий вывод из этого таков, что атаман Семенов решил активно выступить против нас и правительства, со своей стороны мною приняты строжайшие меры недопущения каких бы то ни было выступлений. С другой стороны, мне известно: войска ДВР предполагают занять Никольск, под видом присоединения к нам, для совместной работы. Местное японское командование по этому вопросу заявило свое невмешательство в наши дела.

Сегодня у меня была делегация из Анучино, передала мне постановление комсостава следующего содержания: «Обсу-

див вопрос всесторонне, письменное предложение генерала Смолина о мирном слиянии войск ДВР с войсками каппеллевской армии, и принимая во внимание русско-японское соглашение: в районе, занятом японцами, войска ДВР не имеют права входить в города, железнодорожные станции и другие пункты, без предварительного соглашения, постановило: предложение генерала Смолина приветствовать, настоятельно просить Временное правительство дополнительно через генерала Смолина:

- 1) о полной ликвидации атамана Семенова и его войск;
- 2) требовать скорейшей эвакуации японовойск из Приморья;
- 3) предоставить войскам ДВР вполне оборудованные казармы в Н.-Уссурийске, Раздольном, Спасске, Владивостоке, Второй и Первой речке;
- 4) предоставить независимую телеграфную связь для сношения всеми войсками ДВР, до Читы включительно;
- 5) просить для однообразия снять погоны и знаки военного отличия;
- 6) восстановить флаг ДВР;
- 7) не допустить работу Несоциалистических организаций;
- 8) восстановить Народное собрание.

Подписали: председатель Кукушкин, секретарь Григорьев».

Кроме того, лично делегацией заявлено мне, что ликвидация семеновских войск желательна совместно с ними.

— У аппарата генерал Вержбицкий. Здравия желаю, ваше превосходительство, извиняюсь, очень нездоровится, предупреждаю вас, что такие... могут быть известны только нам, просил бы другим лицам в следующий раз не доверять. Прошу продолжать дальше, я у аппарата.

— Я генерал Смолин, какое последнее слово, повторите.

— Я штабс-... совместно с ними.

— Я штадив... совместно с ними, полагая при этом пропуск войск Семенова через мост Уссури, в сторону Имана, где одновременно предполагают отрезать путь отступления, тем временем воспользуется гарнизон Иманского района и поведет решительное наступление во фланг и тыловые части Семенова, под давлением наших частей они должны будут сдаться, после чего можно ожидать с уверенностью присоединения к нам войск ДВР... Вот вкратце все.

— Я генерал Вержбицкий. На эту махинацию решиться нельзя без согласия правительства, нужно воздержаться, имея в виду японские войска, всецело стоящие на стороне Семенова. Моя просьба такова: послать еще делегацию в Анучино из трех вполне развитых, заслуживающих особого внимания офицеров с тем, чтобы им была предоставлена гарантия неприкосновенности на время посещения Анучина, кроме этого, желательно было бы поручить этой делегации проехать инкогнито вместе с ними в Хабаровск для выяснения положения дел, стараясь при этом установить телеграфную связь с Хабаровском, причем необходимо быть готовыми ко всяким случайностям. Ближайшие дни ожидается выступление Семенова, вопрос этот дебатруется правительством вот уже целую неделю. Есть много разногласий в связи с действиями японцев. Правительством неофициально делалось сношение о необходимости эвакуации японских войск, но все безрезультатно. Вот так обстоит дело. Возможно предполагать с уверенностью, что японское командование поддержит Семенова. Вот и все, но скажите еще что-либо — я слушаю.

— Я генерал Смолин. Я бы хотел вам передать относительно Иркутского: генерал Осипов старается восстановить против меня, распространяет общественное мнение, противное моим действиям, я считаю это для меня недопустимым.

Прошу ваше превосходительство убрать из Никольска помощника уполномоченного Куржанского, который открыто подрывает мой авторитет среди населения, вследствие чего образовалось довольно влиятельное течение в пользу атамана Семенова. Я лично надеюсь все предотвратить, безусловно вашим содействием.

— Я генерал Вержбицкий. Помните, ваше превосходительство, все, что от меня будет зависеть, сделаю, зная вас как осторожного генерала и надеюсь, что не попадете в грязную историю с этими соглашениями. Памятуя то, что настал момент решительный и пока для нас благоприятный, руководствуйтесь в точности и неотступно телеграммой моей № 3—256, дальше идти нет надобности. «Несосъезд», по всему видно, настроен за активное выступление. Обратите внимание всех начальствующих лиц, что в шторм поступают заявления, чины вашего гарнизона стараются захватить мелкие торговли в свои руки и в то же время замещают вакантные должности в милиции и других предприятиях, такая ненормальность и недопустимость в данное время отражается на вашем авторитете. Вот все.

— У аппарата генерал Смолин. Ваше превосходительство, постараюсь выполнить ваше приказание в точности. Честь имею кланяться.

Смолин сговаривается с красными — пропустить Семенова через мост на Уссури, а там красные обойдут фланг и тыл, и русские белые должны будут сдать, а далее — уничтожение тысяч людей. Вот вам вожди, с кем шли мученики-воины тысячи верст для того, чтобы погибнуть здесь, в диких степях Забайкалья, от предателей генералов, коих они защищали!..

Приблизительно через год или немного более во Владивостоке созван был другой съезд, но уже назвали его Земским со-

бором. Я тоже был избран монархической партией представителем на Земский собор, на котором председателем правительства был избран И.Л. Гондатти, но он отказался, и вместо него избрали генерала Дитерихса. Тут я уже и мысли не допускал, чтобы что-нибудь получилось доброе, и не только не поехал, но уже совершенно считал русское дело провалившимся.

Это тот Дитерихс, который в конце августа 1917 года явился из Салоник и в роли начальника штаба генерала Крымова шел на Петроград ликвидировать керенщину — неудача. Крымов стреляется, Корнилов арестовывается, Дитерихс же молча возвращается в Могилевскую ставку и занимает у того же Керенского должность генкварма. В октябре 1917 года Керенский бежит. Крыленко убивает честного героя Духонина — главноверха. Дитерихс опять в сторонке.

В 1918 году Дитерихс — начальник штаба Чешской армии и весной пришедших офицеров от генерала Хорвата с КВЖД разоружает, носит форму чехов без погон. В 1919 году снова в форме русского генерал-лейтенанта, в роли главнокомандующего армиями, заводит компанию с Пепеляевым, эвакуирует все его части в тыл, грозит оттуда бунтом, и 31 июля разыгрываются бои под Челябинском, и наш главнокомандующий бежит с фронта, а благородный Колчак почему-то не применил к нему статью 245 книги 22 С.В.П. 1969 года, часть 1. И когда адмирал Колчак ради поддержания порядка и спасения России, брошенный всеми «героями», согласился призвать Дитерихса, он требует удаления Верховного правителя за границу (стенографический отчет о передачи власти, станция Иркутск, январь 1920 года, доклад Жанена) — этот чех даже и в России не хочет дать место Колчаку. В той России, за которую он мучился и старался о ее спасении, в той России, которую непрерывно Дитерихс старается продавать.

Появлялся он и в Чите — председателем военного совета и удрал в Харбин сапоги шить.

В 1921 году снова появляется на Русском Дальнем Востоке во главе земской рати — воевода. И тоже до 50% русских людей убыло, а он благополучно скрывается. И вообще Дитерихс всегда получал готовое, организованное и, развалив, уходил и никогда своего не создавал, а пугает какими-то планами, которых никогда никто не видал.

Появился «воевода земской рати», как назвал Дитерихс себя и армию, Земская дума, и секретарем тот же пепелявец П.П. Васильев. После отставки эмигрировал в Харбин и предсовмин В.Ф. Иванов. Представителем «воеводы» Дитерихса в Харбин прибыл генерал Лохвицкий... Тот Лохвицкий, который спровоцировал Семенова своей телеграммой о неподчинении ему армии... Лохвицкий бывал в Железнодорожном собрании и хорошо танцевал, даже в полной парадной форме и при орденах...

И Приморье снова нерусское — его заняли красные, а Харбин наполнился русскими беженцами, но «воевода», Молчанов, Смолин, Вержбицкий уехали в лучшие места, а в Харбин явились большей частью рядовая братия, больные, слабые и т.п. Хотя были и «командиры», например, явился генерал Зуев, оренбуржец, бросив свою дружину в Хунчуне, и, захватив, что «полагается» генералу, скрылся. В Харбине меня с ним познакомил полковник Воротовов, и первое же наше знакомство показало нам разные дороги: он со всех сил защищал Анисимова и считал его единственным и достойным представителем оренбургских казаков, а я Анисимова считал только Иудой, предателем. Казаки, коих бросил Зуев в Хунчуне, сильно бедствовали, шли пешком, подвод было нанять не на что, голодные, холодные, а полученные деньги на сей предмет, как я сказал

выше, Зуев захватил. В Харбине Зуев купил за наличный расчет легковую машину и двух лошадей, а когда казаки доползли до Харбина, обратились к нему за помощью, хотя бы в смысле поручительства или рекомендации, ибо их здесь пока никто не знал, он, отказавшись от всего, советовал им ехать в СССР, говоря: «Ни у кого ничего нет — езжайте лучше в СССР». Практично: иначе они будут надоедать, лучше сплавить.

Началась эксплуатация и провокация казаков. Зуев приятель Анисимова, советует ехать казакам в СССР.

В начале 1922 года некто Польшин предложил правителю дел гну Вуичу произвести реорганизацию службы курьеров, представляя чисто теоретические соображения, не считаясь с невозможностью выполнения его предложений, например, он предлагает заменить взрослых курьеров мальчиками, коих можно найти по уменьшенной цене: вместо 60 рублей в месяц взрослому, мальчику можно — только 25 рублей и не давать никакой квартиры. Но Польшин упустил из виду, что мальчики не могут выполнить того, что возлагается на взрослых, а потом и то, что мальчик ведь растет, и он тоже будет взрослый и за 25 рублей служить не будет, а если его менять через каждые 2—3 года — не в интересах дороги, это первое.

Далее он предлагает разноску корреспонденции производить на автомобилях и велосипедах, тоже не менее странно: нужно доставить пакеты в депо, в Нахаловку, мастерские и т.д., где не только на машинах, а даже пешком по рельсам спотыкаться или в грязи не вылезешь, тогда нужно велосипед тащить на себе или нанимать караульщика к нему, а об автомобилях и говорить смешно — это второе.

А в-третьих, г-н Польшин, если даже и допустить на минутку, что сказанные неудобства можно устранить, проектируя реорганизацию, кладет в основание экономические соображе-

ния, а сам навязывает колоссальные расходы: покупку автомобилей, наем шоферов, гаражей, покупку велосипедов, подбор курьеров, умеющих ездить на таковых, или устраивать курсы езды и т.д.

Много таких несуразностей было написано, и я допускал: если от кого это зависело, принять или не принять этот проект, тоже теоретик, не имеющий представлений о службе курьера, то может быть это принято, и тогда многим нам — курьерам, в том числе и мне, грозит увольнение. Тогда я решил представить свои соображения об организации новой службы, то есть нового отдела при управлении КВЖД — «Центральной экспедиции», как ее называли проектологи, — имея в виду, что меня наверняка пригласят проводить в жизнь свои проекты, если они будут приняты, а также и все мои коллеги останутся на службе, ибо я, критикуя проект Польниина, оставлял на службе всех курьеров. Комиссия, рассмотрев все представленные проекты, более соответствующим нашла принять мои соображения и в конце февраля новая служба «Центральная экспедиция» начала функционировать, и я был назначен сортировщиком, и служба довольно-таки интересная в смысле осведомленности.

Дали мне казенную квартиру со всеми приложениями.

В 1921 году по инициативе инженера Куприянова в Харбине организовался «Союз беспартийных», учредители: инженер Куприянов, я, г-н Хлюстов, К.А. Воротеляк, В.А. Голов, А.А. Тихобразов и после много других. Работа шла неплохо, была своя газета «Наша заря». Первые организационные совещания производились на квартире Куприянова, бывали в Желсобе, в комнате ориенталистов, а когда союз получил утверждение и казенное помещение, то работа союза пошла регулярно, во главе союза был Центральный совет, членами коего были все вышеназванные лица, председателем был

В.А. Голов. Я был председателем культурно-просветительного отдела, в роли коего руководил группой по удалении из гимназии имени Д.Л. Хорвата коммунистов, с их пагубными последствиями. Удалили Ласса, директора гимназии, и его фактического, по разложению учащихся, помощника Яковлева-Дунина. А также, будучи председателем родительского комитета, содействовал передаче этого учебного заведения в руки учебного отдела.

Был я председателем главной ревизионной комиссии «Союза беспартийных», работы, что называется, у меня было по горло. На одном из заседаний кооптированным членом совета, неким Роменским, сделано было предложение совету вступить в переговоры с «Доркомом» и начать «братание»; я в резкой форме запротестовал, и меня совет в целом понял и поддержал, за исключением Долгонюка, который всегда держался в затылок Роменскому. Года через 2—3 союз начал хиреть, благодаря просачиванию в Центральный совет людей «свободо-мыслящих».

Появилась масс лекторов типа Н.Н. Горчакова, который, будучи в Приморье, предлагал переименовать «Несосъезд», то есть Несоциалистический съезд, в Антикоммунистический. Мотивы очень понятны: дабы дать возможность проникнуть в «Несосъезд» всякой социалистической нечисти. Собрание его провалило.

К похоронам союза успел войти в него (не с сошкой, а с ложкой) и претендент на все государственные должности А.И. Коробов.

27 сентября 1921 года в помещении столовой Союза городов по инициативе протоиерея Русецкого было созвано собрание беженцев. Председателем избран я, секретарем Г.А. Родзевич. Это собрание постановило — организовать беженский

приход, избрав инициативную группу в числе 5 человек, которой поручить к следующему собранию, в спешном порядке, выработать форму объединения беженцев и собрать общее собрание их и доложить последнему. В инициативную группу закрытым голосованием избраны: священник Русецкий, Енборисов, Горчаков, Елачич и Карышев, кандидатами Тихонов и Островцев.

9 октября в помещении «Казино» было созвано собрание, и очень многочисленное. Протокол собрания:

«1) Председателем собрания единогласно был избран Г.В. Енборисов, секретарем Г.А. Родзевич.

2) Общее собрание обсуждало вопрос об открытии беженского прихода и, после обмена мнений, единогласно постановило: открыть беженский приход в Харбине с постройкой храма во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, празднуемого 1 октября старого стиля, и для исходатайствования на это права избрать из среды своей комитет уполномоченных в составе 7 человек и двух запасных кандидатов, коему предложить обратиться с этим ходатайством к подлежащим духовным и светским властям, руководствуясь определением Священного собора Православной Церкви о православном приходе и других узаконений.

Помимо этого уполномочиваем названный комитет обращаться к управляющему КВЖД г-ну Остроумову и начальнику Земельного отдела Н.Л. Гондатти с просьбой об отводе земельного участка под постройку храма, помещений для приюта, школы, столовой, больницы и участков для образования беженского поселка. Мы, беженцы, покинувшие пределы Родины не по своему желанию, а вследствие общей государственной катастрофы, находимся в крайне тяжелом и бедственном положении.

3) По окончании этих ходатайств созвать общее собрание беженцев и доложить о результатах работ комитета, и, в утвердительном случае, это собрание будет первым приходским собранием.

4) В комитет избраны: протоиерей отец Алексей Русецкий, Г.В. Енборисов, В.М. Имшенецкий, В.Н. Карышев, Н.В. Островцев, И.Д. Кузнецов и П.В. Скосырев и кандидатами Г.А. Некрасов и Т.А. Вдовин».

Будучи избран председателем этого комитета, я обратился с этим ходатайством прежде всего к правящему епископу, таковым тогда был епископ Михаил Владивостокский, так как на основании статьи 3 общего положения определения Священного собора от 7 апреля 1918 года открытие нового прихода совершается с разрешения Высшего церковного управления, или по просьбе населения, или по определению епархиальной власти.

Когда епископ Михаил был в Харбине, я лично просил его о скорейшем ответе, доложив ему и о статье 15 положения о приходе, принятого и Сибирским церковным совещанием 11, 12, 13, 14 ноября 1913 года, которая говорит, что «для скорейшей организации приходов отправлять имеющихся в распоряжении Епархиальной власти опытных руководителей...» то есть высшая церковная власть поощряет организацию новых приходов, и елико возможно скорее, а что касается светской власти, то я ему доложил, что по получении благословения епископа мы будем иметь более шансов на ее сочувствие. Епископ мне пообещал, но сослался на статью 4 того же общего положения, где говорится, что епархиальная власть должна прислушиваться к голосу причтов и приходов, в пределах коих вводится изменение... А надо сказать, что я был у священника поселка Модягоу отца Петра (ныне умершего) и он отнесся к моим начинани-

160

ям неблагожелательно, даже хуже, заявив: «На что вам новый храм — и эта церковь пустует». И показывая на свою церковь: «Вам епископ не разрешит, да и ни один из священников вас не поддержит. Нам жить нечем, а вы новый затеваете». Конечно, я пожалел, что священник имеет такой взгляд на церковь и не умеет ее наполнить прихожанами, и это сожаление я ему высказал вслух.

В январе 1923 года ко мне в экспедицию КВЖД, пришел человек, коего я прежде не знал, — это был генерал Сычев. Конечно, я принял соответствующую позу, видя перед собой генерала, и доложил: «Ваше превосходительство, я вас слушаю». Он на это мне сказал: «Я знаю, что вы здесь старейший из казаков и представитель оренбуржцев, и я хотел бы с вами поговорить об общем казачьем деле». — «Я очень рад, ваше превосходительство, что еще не у всех угас огонек заботы о казаках и далее о Родине. Если можно, то я просил бы вас зайти ко мне на квартиру или назначить место нашей встречи, ибо у меня сейчас срочная служебная работа». На следующий день мы встретились у меня на дежурстве, где и решили приступить к объединению казаков, которое у меня уже было спроектировано раньше и написан проект устава.

28 января состоялось у нас первое организационное собрание, доложил я проект устава, который и был принят. Постановлено: создать объединяющий орган под названием «Восточный казачий союз», возглавляемый советом, в который входят представители войсковых правительств, президиумов и приглашенные отдельные лица: от оренбургских казаков 3 человека, от сибирских — 3 человека, от амурских — 3 человека, от енисейских — 2 человека, а другие войска, как не приславшие своих представителей, вследствие неполучения ими извещения на собрание, входят своими представителями

в совет по обоюдному соглашению с правлением, имеющим быть избранным в следующем заседании совета 2 февраля сего года.

2 февраля явились: от оренбуржцев — полковник Енборисов, надворный советник Архипов, от сибирцев — генерал Белов, полковник Березовский, от амурцев — генерал Сычев, генерал Вертопрахов, доктор Коренев и Нижегородцев, от енисейцев — статский советник Кузнецов. От амурцев явились четыре человека, потому что Сычев называет себя атаманом, а атаманы уже по своему званию входят в совет.

Произведены были выборы в правление и избранными единогласно оказались: председатель правления и совета полковник Енборисов, товарищами председателя — доктор Коренев и полковник Березовский и секретарь статский советник Кузнецов, вместо коего на первом же заседании был избран надворный советник Архипов.

В следующем заседании был поднят вопрос о пополнении представителей от каждого войска и от сибирского был принят член Войскового правительства есаул Грибановский, а когда кто-то назвал фамилии Шмотина и Нестеренко, то полковник Березовский заявил: «Если оренбуржцы введут в совет Шмотина или Нестеренко, то я выйду из него». Его поддержал Сычев, а затем и остальные, говоря: «Мы все откажемся, если войдут эти люди». Успокоившись, пригласили генерального штаба генерала Косьмина, который был избран управляющим делами совета и правления (генерал Косьмин состоит казаком по станице Арсинской); представителем своим на западе совет назначил атамана оренбургских казаков генерала Акулинина, через которого был сделан доклад великому князю Н.Н. и на который от великого князя председатель совета Восточного казачьего союза почетный мировой судья полковник Енбори-

сов, через своего представителя генерала Акулинина получил от Е.И.В. великого князя Н.Н. письмо:

«14 декабря 1923 года. Шато-Шуаньи-Сантени. Почтотелеграмма.

Прошу вас передать мою искреннюю благодарность казакам Восточного казачьего союза, за выраженные мне приветствия и доверие ко мне. Объединение казаков на Дальнем Востоке я особенно ценю, так как их работа по восстановлению окраин Русского государства будет необходима, а объединенными усилиями вернее достигается поставленная себе цель.

Единый залог плодотворной работы к спасению Отечества и восстановления в нем законности и порядка я вижу в широком объединении русских людей, обреченных пока пребывать за пределами России.

Уральских, оренбургских, сибирских, забайкальских, амурских и енисейских казаков я помню в Великую войну, как Верховный главнокомандующий, я знаю их высокую воинскую доблесть в боях с неприятелем и от души желаю им скорейшего освобождения их родных станиц и возможности по освобождении вернуться в них, но для успеха необходима полная подготовленность и единовременность действий всех русских.

Когда обстоятельства укажут и окончательно определится, что меня призывают и ждут в России, я не промедлю ни часа и с помощью Божией исполню священный долг перед Отечеством, отдав ему все мои силы и самую жизнь. Тогда я призову вас освободить нашу Родину и восстановить ее.

Николай».

Также было сообщено о возникновении Восточного казачьего союза всем организациям, учреждениям и отдельным лицам, имеющим отношение к белой идее освобождения Святой Руси, указанным выше, коим сообщал Президиум орен-

бургских казаков. Цель организации союза — объединить всех казаков для лучшей взаимной поддержки и взаимопомощи. В конце 1923 года, по случаю появления на свет союза, я, как председатель его, получил из Болгарии (София) приветствие от Объединенного совета Дона, Кубани и Терека следующего содержания:

«При всех самых неблагоприятных условиях эмигрантского существования казачество находит в себе силы все же и в этих условиях, верное своим вековым традициям, спланиваться для действия “сообща”, и в то время, когда вполне законное стремление казаков, очутившихся за рубежом России, к объединению, встретило со стороны части русских кругов резко враждебное отношение, здесь, на Западе, и орган казачьего объединения “Объединенный совет Дона, Кубани и Терека” в течение трех лет своего существования подвергается систематической травле, там, на Дальнем Востоке, казаки восточных войск, оказавшись выброшенными, после крушения сибирского фронта, в степи Маньчжурии и Китая, организуют восточный казачий союз, с выделением верховного органа — Совета Союза.

Не увидят ли и там в этом стремления к пресловутому казачьему “сепаратизму” и не начнется ли и там русскими кругами, претендующими на монополию патриотизма, травля этого казачьего стремления к собиранию разрозненных эмигрантских сил? (Здесь, на Дальнем Востоке, травлю начали сами же казачьи бездарности и провокаторы, приносящие и приносящие большой вред казачеству и всему общему русскому делу.)

Задачи, которые ставит себе Восточный казачий союз, выходят далеко из рамок личных интересов, ибо основной задачей стоит организация казачества для дальнейшей борьбы с

большевиками и освобождения от них России. Но союз казаков на Востоке, как и объединенное казачество здесь, на Западе, не склонно отдавать себя безоговорочно в распоряжение руководителей могущего возникнуть вновь противобольшевистского движения, считая, что оно не только вправе, но и обязано знать: во имя чего и как будет осуществляться это движение. И когда Восточный казачий союз ставит себе задачей в числе основных положений: “Выработку основных положений на которых должна воссоздаться Россия, и определение в ней места и роли казачества” — это не пустые слова. К этому обязывают казачество принесенные им жертвы и выводы, сделанные им из опыта пятилетней борьбы.

Мы с особым чувством радости приветствуем новый казачий союз и не потому только, что он родственно близок нам и по духу и по происхождению, а еще и потому, что в этом новом казачьем объединении, выходящем не из кабинетов политических дельцов, а из недр казачьей массы, мы усматриваем начало будущего единения здоровых национальных русских сил, так необходимого для спасения Родины — России».

Приветствует и Париж в полученном мной, как председателем совета, «Казачьем слове»: «До сих пор восточное казачество пребывало в разрозненном состоянии, но в настоящее время казаки, находящиеся в Китае, организовались в Восточный казачий союз с выделением верховного органа управления — Совета Союза, председателем коего состоит старый оренбургский казак, почетный мировой судья полковник Енборисов. В числе членов совета значатся: от Сибирского войска — генерал-майор Белов и есаул Грибановский, от Амурского генерал-лейтенант Сычев — бывшие офицеры лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка. Горячо приветствуем братский Восточный казачий союз, ставший на единственно правильный

путь самоорганизации — объединение и создание единого казачьего фронта — в этом залог спасения и Родины, и нашего, при этом условии можно быть уверенным в возможности возвращения домой.

В то время как зарубежная Русь, забыв свой долг перед Родиной, путается во всякого рода политических бреднях и партийных дрязгах, казачество идет прямой дорогой к спасению России».

Немного позднее получил я от Совета Дона, Кубани и Терека «Основные положения казачьей платформы» следующего содержания:

«Основные положения казачьей платформы (Объединенного совета Дона, Кубани и Терека).

1. Борьба с коммунизмом и свержение диктатуры коммунистической партии в лице советской власти на территории России.

2. Воссоздание государственного единства России на началах свободного соглашения с национальными и территориальными государственными образованиями, возникшими во время революции на территории России.

3. Установление российской общегосударственной, а также краевых властей на началах народоправства. Свободное волеизъявление народа путем созыва представительных народных собраний.

4. Исключительное право самого народа разрешить вопрос о форме правления в России. Недопустимость насильственного установления ее внутри или извне России.

5. Децентрализация внутреннего устройства и управления России. Широкое местное самоуправление в соответствии с национальными и бытовыми особенностями отдельных территорий и групп населения.

6. Установление первоначальной временной Российской общегосударственной власти путем соглашения территориальных единиц России.

7. Впредь до образования всенародно признанной российской общегосударственной власти существование Дона, Кубани и Терека как самостоятельных государственных образований на основании их основных законов и сохранение за ними и в дальнейшем права на землю и недра, на самостоятельность внутреннего устройства и Управления.

8. Временно, впредь до образования Российской общегосударственной власти, Дон, Кубань и Терек, сохраняя неприкосновенными свои конституции, по вопросам внешних сношений, военным, финансово-экономическим и общеполитическим, действуют объединенно.

9. Установление гражданского равноправия и гражданских свобод.

10. Признание православия духовной основой русской национальности, создавшей на протяжении тысячелетий Великую Россию.

11. Независимый суд и контроль.

12. Восстановление народного хозяйства и подъем производительных сил страны на началах частной собственности и частнохозяйственной инициативы. Поощрение кооперации.

13. Привлечение иностранного капитала и кредита в формах и размерах, обеспечивающих сохранность национального достояния.

14. Государственная и профессиональная охрана труда рабочих. Невмешательство профессиональных рабочих организаций в управление предприятиями.

15. Преобладающее внимание к вопросам профессионального народного просвещения, государственного призрения, на-

родного здоровья и особенно экономического восстановления России. Учреждение общегосударственного и краевых экономических выборных органов.

16. Признание перехода земли к земледельческому классу. Юридическое закрепление этого перехода на правах личной или общественной собственности. Установления форм землевладения и землепользования и предельных норм владения в соответствии с историческими и бытовыми особенностями отдельных районов России.

17. Широкое использование свободных земель сельскохозяйственного значения для массового производства продуктов сельскохозяйственной промышленности в интересах общегосударственных и краевых».

Прочтя вышеизложенное, я не мог согласиться с ними — не по духу они мне, я русский казак, признающий власть единую — всероссийскую, почему я для просмотра этих положений назначил комиссию: полковника Березовского, генерала Сычева и статского советника Архипова, и эта комиссия, за исключением Архипова, не только согласилась с Доном, Кубанью и Тереком, а даже еще прибавила этого «народоправства».

И в совете я эти положения, по разъяснении, отклонил и предложил следующую резолюцию:

«Резолюция Совета Восточного казачьего союза.

Ознакомившись и обсудив Основные положения казачьей платформы (Объединенного совета Дона, Кубани и Терека), Совет Восточного казачьего союза признает, что:

1. На Дону, Кубани и Тереке в процессе борьбы с советской коммунистической властью исторически возникла необходимость перехода этих казачьих войск на положение особых государственных образований с присвоением им временно, впредь

до восстановления законной общероссийской государственной власти, государственного суверенитета.

2. Такая необходимость объявить государственную самостоятельность на Дону, Кубани и Тереке освящена борьбой этих казачьих войск за национально-государственные начала исторической жизни русского народа, за его веру и экономический уклад жизни, основанный на праве частной собственности и свободе частнохозяйственной инициативы.

3. Остальные казачьи войска в процессе революции вынуждены были объединиться в Восточный союз для борьбы с теми же врагами Родины и казачества, с которыми боролись на Западе Донское, Кубанское и Терское казачьи войска. Но по ходу исторических событий и в обстановке действий казачьи войска Сибири и востока Европейской России не имели нужды в обособлении казаков в виде государственных образований, подобных тем, какие были установлены в процессе революции и борьбы на Дону, Кубани и Тереке.

4. Все казачьи войска и казаки внутренне объединены в общей борьбе за сохранение исторически возникшего уклада казачьей жизни и образа его служения родной стране. Залогом их экономического благосостояния и обеспечения возможности выполнять казачье служение являются войсковые и общественные земли с их недрами, закрепленные за казачьими войсками грамотами законной государственной власти на вечные времена.

Такое единение в борьбе за общие для казаков цели Совет чувствует и исповедует и теперь.

5. Все казачьи войска и Запада и Востока одинаково одушевлены верностью и преданностью общей Родине — матери России, засвидетельствованными жертвенностью, не раз доказанной в борьбе против внешних врагов страны и нынешних ее поработителей — коммунистов.

Эта борьба не прекратилась и теперь, но она приняла другие формы, и казачество верит, что придет час и оно вместе со всем русским народом вновь отдаст все, чтобы восстановить единую, великую и свободную Россию.

Верит оно, что и в новой России казачеству будет дана возможность устроить свою жизнь по своему желанию, чтобы и впредь казачество могло служить родной стране верно и преданно, как встарь.

Постановлено: изложенные суждения сообщить Объединенному совету Дона, Кубани и Терека и заверить его, что казацкие войска Восточного союза готовы идти рука об руку вместе со своими братьями к единой цели: к свержению советской власти и восстановлению разрушенной коммунистами российской государственности и казачества».

После сего разногласия моя политика «народоправцам»-то не нравилась, и они как-то держались в позиции «подкарауливания».

23 июля 1923 года совет в заседании своем постановил: «Принести благодарность Японскому императорскому правительству, через японского генерал-губернатора в Корее, за заботы и помощь русским беженцам, из коих большинство казаков». Это постановление было вынесено по случаю доклада совету статского советника П.И. Ходакова, прибывшего из Гензана в Харбин для ходатайства перед подлежащими властями о содействии перехода сюда остатков приморских беженцев из Гензана.

Немного позднее, по ложному доносу агентов СССР, компрометирующему 23 сибирских казаков в каких-то неблагоприятных поступках, эти люди уже с юга направлялись через Харбин в Маньчжурию для высылки на 86-й разъезд, то есть в СССР, что было равносильно смертной казни. Я, считая себя

обязанным, как возглавляющий казачье объединение, принять посильное участие в судьбе этих смертников и, при благосклонном содействии И.Т. Щелокова, выступил перед властью с рядом доказательств о их непричастности, а тем более участия в каких бы то ни было политических или уголовных деяниях; они были уже отправлены на Маньчжурию, откуда, по телеграфному распоряжению, были освобождены.

Работа совета, вернее сказать правления, была очень многогранна и полезна, результаты которой и сейчас имеют ценные плоды.

Поступил ко мне как председателю правления и совета, протест амурских казаков против генерала Сычева с некрасивыми указаниями, причем точно указывалось на незаконное принятие на себя звания атамана как не избранного казаками и исключение его двумя Войсковыми кругами из войскового сословия. Лишен был полномочий полковник Березовский, начались пререкания между енисейцами. Уральцы тоже взялись за грязню: Коновалов, Толкачев, Мартынов, и грязь лилась даже на страницах газет... и все это показывало то, что мы не способны объединиться, и, наконец, замечено было, что полковник Березовский скучает о председательском месте и эти «народоправцы» Березовский, Сычев взялись за революцию и заскучали уже о переворотах; я на время отошел, отошли и оренбуржцы, кои были учредителями этого симпатичного и необходимого объединения, и я слышал, что Березовский над остатками принял звание председателя и, кажется, уже охотно принял в совет и оренбургских «представителей»: Нестеренко, Шмотина, Кручинина, против коих он протестовал беспощадно и безоговорочно, и этот союз теперь с «представителями», но без казаков, а может быть, совсем уже похоронен, что-то незаметно. Входил туда, было генерал Бакшеев, председатель

Забайкальского войскового правительства, и тоже, присмотревшись, вышел.

Жаль, что у нас не только не стремятся к объединению, а даже готовое-то разваливают, и все тщеславие, погоня за «впереди идущими». В июле 1923 года был организован Харбинский комитет беженского объединения, и по вопросу о беженцах Г.Г. Сатовский-Ржевский, И.Т. Щелоков и я являлись к г-ну главноначальствующему Чжу-Цин-Лаку, который, спасибо ему, отнесся и к нам, и к порученному нам делу благосклонно. В первый президиум этого комитета были избраны: председатель И.Т. Щелоков, вице-председатель Г.В. Енборисов, но на одном из заседаний комитета, по соображениям чисто практическим и видя направление его уклоняющимся от намеченных целей, вышли из состава комитета: профессор Миролюбов, Г.Г. Сатовский-Ржевский, Г.В. Енборисов, г-н Лихойдов, г-н Кишинский, и через некоторое время ушел с поста председателя и И.Т. Щелоков. Это тот И.Т. Щелоков, который, будучи ратником ополчения в 1917 году, после государственного переворота не захотел украсить грудь своей серой шинели красным бантом, а носил Русский национальный трехцветный флаг и который за это начальником гарнизона генералом Перверзевым был строго наказан с предупреждением о предании суду. И.Т. Щелоков в 1920 году дал возможность следователю по важнейшим делам Соколову спасти следственное производство об убийстве царской семьи, вручив ему золотой слиток, который по реализации дал 3000 иен и на эти деньги Соколов выехал в Европу. И.Т. Щелоков первый выступил перед российским консулом в Харбине Поповым с предложением о подыскании средств офицерам и юнкерам, являющимся из России в полосу отчуждения КВЖД. Было много собрано денег и передано им консулу Попову. Много поручений ему делалось

и начальником штаба Российских войск в полосе отчуждений, кои выполнялись этим русским человеком выше ожиданий.

Вообще этот незаметный труженик много сделал ценного для русских людей, заброшенных в далекий Китай. Он немалую услугу оказывал и в формировании атаманом Семеновым так называемого 1-го Маньчжурского отряда и т.д. Почти все организации последнего времени находились под его кровлей...

Я у него видел целую кучу различных удостоверений, полномочий, поручений, доверенностей, благодарственных писем и т.п. от различных учреждений, начальствующих лиц и проч., свидетельствующих о большом доверии И.Т. Щелокову. Всего не опишешь.

В начале сентября я и П.С. Архипов приступили к организации трудовой артели под названием «Оренбургская колония», и 20 сентября был подписан нотариальный договор. Правление этой колонии состоит из семи человек: председатель правления полковник Енборисов, товарищи председателя — полковники Кишинский и Воротовов, казначей — генерал Печенкин, секретарь — П.С. Архипов и два члена правления — Кузнецов и Слищенко. Конечно и эта организация немало в свое время принесла пользы рядовой массе.

В это время мне удалось устроить бесплатный проезд из Маньчжурии семейству полковника Купленникова — 4—5 человек, а это удовольствие ему встало бы немало, тем более 2-м классом.

Состоя во главе всех этих организаций, я справлялся и со службой на КВЖД и в 1924 году был переведен в канцелярию управления для заведывания личными делами служащих и рабочих дороги и просмотра приказов и резолюций по сему отделу администрации дороги. Работы много (служащих и рабочих в то время было около 19 000 человек), вел я и очередные

списки вновь поступающих на службу дороги. Служба шла, и работа моя для постороннего была незаметна, а насколько она была велика, видно из того, что мы в то время ее выполняли в составе четырех лиц, сейчас на ней сидят 15 человек, а функции те же.

3 октября 1924 года, в три часа дня, в управление КВЖД явилась китайская полиция и арестовала управляющего Остроумова, начальника Земельного отдела Н.Л. Гондатти, заведующего экономическим бюро И.А. Михайлова, главного бухгалтера Степунина и их заменили большевиками: вместо Остроумова — коммунист Иванов, безграмотный атеист, вместо Гондатти — Гордеев, вместо Михайлова — Дикий, вместо Степунина — Пекарский и вместо Вуича (правителя дел) — чекист Яцунский.

Все пошло уже по-новому.

Я, занимая пока ту же должность, постарался обратить внимание на состав поступающих новых служащих, тем более что все прошения и заявления шли через меня. Читая эти бумаги, я положительно приходил в ужас и думал: неужели это не сон, неужели это действительность — каторга, каторга и каторга! И вся эта компания представляла в виде стажа документы, удостоверяющие каторжное или ссыльное и тюремное прошлое, и каждый из них старался в этом отношении перешеголять один другого. Я бы сразу ушел со службы, да медлил, стараясь заручиться кос-чем.

Были представляемы такие документы, не как раньше, например: «Предъявитель сего (такой-то) под судом и следствием не состоял и не состоит — благонадежный». Боже сохрани! Такого человека Иванов и Яцунский прогнали бы, а тут нужны были и представлялись вот какие документы. Некто Павлюковский-Кукуижко к прошению приложил обвинитель-

ный акт на 109 листах большого формата, печатанных в типографии. Этот Кукуижко по приговору Одесского суда отбывал каторгу за нападение на железнодорожный поезд, произведенное крушение и ограбление его (конечно, с «политической» целью). Он амнистирован и Яцунским принят на службу (кажется, весовщиком в Старый Харбин). Гражданин Иван Кириллович Александров мотивирует свою преданность СССР тем, что он, «служа начальником службы сборов и коммерческой части на Амурской железной дороге, израсходовал большую сумму денег на организацию партизанских отрядов по уничтожению семеновских офицеров и особенно японских и было их очень много выведено в расход в районе Алексеевка и Бочкарево, а когда открыли эту растрату, я ее симулировал неудачной игрой в карты, за что и доселе не освобожден от обвинений и суда. Но из моих партизан в живых не осталось ни одного человека...». А Петр Наумов очень откровенно заявляет о целях СССР на КВЖД. Он говорит в своем заявлении: «С переходом КВЖД в наше распоряжение и в связи с чисткой на таковой личного состава будут необходимы коммунистические силы», просит принять его на должность начальника участка, и он служит на Юго-Западной железной дороге начальником участка службы связи. По тем же мотивам просится А.К. Пильго. Очень интересное заявление В.В. Фомичева, кажется, члена Комитета беженцев в Чань-Чуне, он просит Яцунского принять его лично, и он доложит ему о «некоторых служащих на дороге, которые делали и продолжают делать зло советской власти — это не пустой донос — нет, это только моя безраздельная преданность советской власти». Красный стаж и гражданина Ровенского, юбилей коего был отмечен в газете «Новости жизни» в январе 1929 года, — тоже ссылка, тюрьма, аресты и т.п. И таких типов свыше 1000 человек.

Далее идет ряд лиц, предлагающих услуги по военной специальности: вот некто Борис Александрович Угаренко, близкий друг Яцунского, который сознается, что в СССР жить нельзя — можно умереть с голода. Он перечисляет свои должности: начальник охраны города Костромы, чрезвычайный комиссар комвойск по ликвидации восстания в Ветлуге... доброволец Красной армии, комполка, начштаб, комбриг 22-й стрелковой, начштаба войск Приуралья, начдив 24-й стрелковой, комвойск Туркестана, комвойск охраны западной границы РСФСР, а также специалист по всевозможным комиссиям, редакций газет, Чеки, прочих прелестей.

Просился и сотрудник Ник. Ник. Корбанье — профбилет № 1133, рекомендует зампреда льпромбюро В.А. Масленников. В 1919 году красноармейская вечеха, комотряда, обслуживал Томскую губчека, а затем Новониколаевскую губчека. В 1921 году по распоряжению Сибревкома командирован с начдивом Лапиным в ДВР, старшим адъютантом главкома Лапина, а потом Блюхера, судья в Хабаровске, в 1922 году нарсудья Николаевска-на-Амуре, а сейчас «безработный». Об этом Корбанье вице-консул СССР Дяткович 18 ноября 24 года писал Яцунскому записку, в которой просил выяснить «возможность использования его на дороге», конечно, по его «специальности».

Соблазнился компанией каторжан и генерального штаба генерал-лейтенант Мандрыка; и он тоже, низко кланяясь, высказывает свою преданность, и которого рекомендует консул СССР. Просился и наш генерал Серов, тоже «лоялен с 1918 года». Яцунский приказал внести в кандидатский список.

Видя, что дорога все-таки подпадает под полное влияние СССР, я съездил в Чань-Чунь посмотреть, нельзя ли где пристроиться, уволившись с дороги. Когда я явился на службу в

управление, меня Яцунский вызвал к себе в кабинет и спрашивает: «Хорошо вас приняли в Чань-Чуне?» Я ему ответил: «Спасибо, беженцы в лице председателя комитета встретили на вокзале и выразили сердечное приветствие. Посмотрел я на их бедную жизнь, считаю долгом во что бы то ни стало помочь». Яцунский, не дослушав мои слова, заявил: «Вам придется со службы дороги уволиться, вас уже расшифровали». — «Слушаюсь, — ответил я ему, — я давно бы вас уволил, а вы меня еще держали!» Он предложил мне подписать заготовленное им заявление об увольнении меня от службы, в котором не было указано причин увольнения, и когда я ему заметил, что я бы хотел указать причины, то он добавил: «Если вы уходите без протестов и недоразумений — согласен».

Предложил он мне другое, где была указана причина — болезнь, и я подписал.

Не имея ни гроша в кармане, я вспомнил все свои призы, кои я промотал в Омске, и те два высочайше пожалованных приза, которые я оставил у детей в Нижнеудинске, и дочь моя свезла их в Юзовку, передала на хранение семье Сухаревских, матери А.С. Сегала, Софье Соломоновне Сухаревской, которая и «сохранила» их: через месяц после отъезда дочери из Юзовки продала их, а на деньги купила себе дачу в Крыму и живут себе припеваючи, а иначе бы передохли, как собаки, с голода — это было во время голодовки в 1922—1923 годах. А я победитель царских, великокняжеских, международных и общих пробегов, победитель Всероссийского стипль-чеза, в присутствии их величеств, первоклассный ездок в русской кавалерии, как было отмечено великим князем Николаем Николаевичем в приказе по кавалерии, хозяин всех этих трофеев, с тяжелым трудом полученных, сижу без крова и полуголодный. Жаль! Первый приз, полученный из рук импера-

трицы, — золотой, около 9 фунтов весом, кубок с короной, и на нем же золотой герб России, который от кубка отделялся, гордость моя!

Чань-Чунь

Оставив службу на КВЖД, я на следующий же день покинул Харбин и со всей семьей уехал в Чань-Чунь, где короткая моя жизнь тоже оставила след. Бывал я каждый праздник в церкви, и особенно в Сретенской, где приходским священником был отец Мустафин. Церковь была в маленькой комнате, снимаемой у японцев на их концессии. Выступал я с проповедями на евангельские темы, посещаемость прихожан увеличилась. Надо сказать, что в Чан-Чуне была еще одна церковь, при гимназии, там служил священник Извольский, получавший ежемесячно субсидию от госпожи Литвиновой и еще кое-откуда, и официально-то числился приходским священником Извольский и в Сретенской церкви. Видя, что прихожане начали наполнять Сретенскую церковь, Извольский на 28 мая собрал приходское собрание, где и предложил вопрос о закрытии Сретенской церкви. На это предложение выступил полковник Енборисов и категорически запротестовал, говоря:

— Отец настоятель, кому хотите подражать? Закрывают церкви только безбожники в СССР. И если там воспрепятствуют молиться, но народ все-таки церкви содержит, а здесь хозяева японцы, ничего [против] не имеют, даже поощряют, так мы сами закроем, да еще по предложению священника? Тогда СССР укажет на нас как на пример: значит, церковь не нужна! И т.д.

Я предложил вопрос о закрытии совершенно снять с обсуждения, как «антихристианский, антирелигиозный». Собрание единогласно согласилось с доводами моими и постановило об-

ложить всех русских эмигрантов с каждого работоспособного по 10 копеек в месяц на содержание церкви и причта. И тут же избрали церковно-приходское попечительство, во главе с полковником Енборисовом как вице-председателем, ибо председателем должен быть приходской священник.

Первый месяц, помимо 10-копеечных взносов было собрано добровольных пожертвований 56 рублей 55 копеек. Узнав, что беженский комитет имеет возможность помочь церкви, я попросил его это сделать. Когда комитет получил сведения, что попечительство намерено беспокоить его заботами о церкви, — насторожился и категорически заявил о неимении средств. Имея точные данные о том, что комитет должен иметь возможность материально поддержать церковь, по инициативе вице-председателя попечительства на 28 июня было созвано общее собрание эмигрантов, где и был поднят вопрос о помощи комитета церкви.

Временный председатель комитета генерал Эпов, видя настойчивость мою, поддержанную всем собранием, начал грозить собранию закрытием, а помочь церкви комитет-де средств не имеет. Енборисов (то есть я) предлагает собранию избрать комиссию, которая и выяснит, имеет комитет средства или нет. Тогда зампреда Эпов, члены комитета Мордовский, Новиков, Куржанский, не желая допустить избрания комиссии и ревизии их, сильно начали возражать, а Новиков, чтобы собрать выборы комиссии, начал неприлично выражаться, как уличный «товарищ», и даже нарушал порядок, из чего можно было заключить, что ревизия их, а особенно Новикова, может поставить их в некрасивое положение... «Громко и неприлично кричать еще не доказательство правоты, — сказал я Новикову. А лучше избрать комиссию, и тогда будет видно и можно будет покричать, кому это нравится и кто к этому привык!»

Собрание к этому присоединилось, и с разъяснением выступили г-н Панков и г-н Батанов.

Г-н Панков доказывает, что благодаря нежеланию комитета в течение трех лет дать отчет — вам никто уже не доверяет, даже церкви не хотят помочь, вследствие чего она должна закрыться.

Г-н Батанов категорически заявляет, что «пока комитет будет себя держать бесконтрольно и с жертвователями и их взносами обращаться слишком развязно, то ниоткуда ни копейки не получим. Мы просим помочь церкви, а г-н Эпов грозит нам полицией — это позор! Мне известно, что на душе комитета и сейчас есть 120 рублей и еще кое-чего. Я поражаюсь, почему комитет боится гласности, если он чист, и почему он тормозит дело сборов на нужды беженцев и церкви. Комитету и без того уже никто не доверяет».

Казначей попечительства А.Г. Георгиу, обличая комитет в его некрасивом поведении, добавил, что он старожил Чань-Чуня, тесно связан с людьми различных национальностей, «всюду слышал нелестные отзывы о беженском комитете и абсолютный отказ от жертв, ибо комитету ничего доверять нельзя. Я сам лично вручал председателю комитета к Рождеству Христову подарки для больных, находящихся в беженской больнице, но по поверке оказалось, что ни один больной этого не получил... дальше этого уже идти некуда... позор, даже у больных-нищих отнимают и понятным становится боязнь гласности и ревизии...»

Собрание великолепно поняло, что значит комитет с его вечерами и торговлей на них... Что с них возьмешь... И слушать крики Новиковых мало удовольствия. «Правда на небо взята и лестница снята». И, понурия голову, разошлись и через некоторое время порешили отказаться от этого комитета и

уполномочить кого-либо из отдельных лиц, вполне заслуживающих доверия и уважения, и выписали полномочие следующего содержания:

«Милостивый государь Гавриил Васильевич! Мы, нижеподписавшиеся беженцы Чань-Чуня, за неимением здесь какой-либо организации, которая проявляла бы заботу о нас или на которую можно было положиться, настоящей доверенностью уполномочиваем вас быть нашим представителем по всем вопросам и вывести нас из создавшегося положения, обратившись с ходатайством от нашего имени в Шанхае, Тяньцзине и др. к иностранным консулам, правительственным и общественным организациям и учреждениям, фирмам и т.п. об устройстве нас на службу, работу и пр., и что по сему законно учините — спорить и прекословить не будем. Полномочие это принадлежит полковнику Гавриилу Васильевичу Енборисову (подписи)».

Тяньцзин

В начале июля я выехал в Тяньцзин. Там меня на вокзале встретил представитель инспектора итальянской полиции, некто Самсов. Он поместил меня в одной из первоклассных гостиниц, но я на другой же день перебрался на частную квартирку, при содействии того же инспектора.

Жизнь моя была, в частности, самой обыкновенной, беженской. Встретился я там со своими оренбуржцами. Генерал Карнаухов Николай Петрович живет по-беженски, состоит атаманом станицы, казаки его уважают, и я его великолепно знаю с хорошей стороны. Был я с ним вместе в 1-м Войсковом круге Оренбургского казачьего войска в Оренбурге — он был товарищем председателя в главной ревизионной комиссии, а я был председателем таковой, знаю я его и по командо-

ванию строевыми частями, вполне приемлем и благонадежен всюду. Видел г-на Лосева — служит в английской полиции, и много казаков. Встречал и генерала Вержбицкого, бывшего командарма в Приморье, покровителя г-на Смолина, — имеет дамскую шляпную мастерскую, много мастериц и живет уже не по-беженски, а «много лучше», ходит и сам в шляпе. Часто встречался с всесильным, в Омский период, генералом Ивановым-Риновым — атаманом Сибирского казачьего войска, но об нем скажу ниже.

Бывал по праздникам в церкви, где служит отец Виктор, пользующийся там популярностью, церковь находится на концессии Великой России.

Бывал на Русской концессии, в церковном саду, перед которым, через улицу, и тоже в прекраснейшем саду, находится эсэсэсэровское консульство, а на нем треплется красная тряпка. Я часто задумывался: зачем это нам нужно было давать концессии французам и другим «союзникам», а самим потерять? Бедная старушка наша мать Святая Русь! Как ты была велика и широка, куда ни взгляни — везде ты, везде твое величие, твоя мощная рука! Твоя сила и слава, а теперь красные тряпки, купленные на твои средства, нажитые веками... Церковь Православная, хотя и много у тебя молящихся, но нет у тебя авторитетного, сильного верховного земного покровителя — русского царя и ты пока, защищаемая свыше, стоишь сиротой... Тяжело на душе и слезы на глазах. До чего дошли русские люди — одумайтесь!

Поживя некоторое время и познакомившись кое с кем и с обстановкой, я пошел по представителям наших «союзников» с просьбой об устройстве братии беженцев куда-либо. Сначала наклеывалась возможность устроить в итальянскую охранную полицию человек 60—70, и уже я переговорил с

инспектором ее, но это затянулось, а потом обстановка изменилась.

Интересно отметить мои ухаживания за иностранцами: побывал я у председателя английского муниципалитета г-на Петерса, жена его — русская дама, довольно приличная особа. Подаю звонок, визитную карточку, просят пожаловать... Приемная комната, поражающая обстановка, достойная на киноленту, канарейки, попугаи, комфорт, шикарно разодетая прислуга, фрукты, вино, сигары и т.п. лакомства — словом, мне оказан был прием паче всяких ожиданий.

Разговор свой я начал так: «Простите меня за причиняемое беспокойство, и я надеюсь, что моя соотечественница отнесется ко мне снисходительно и меня поймет, если где я не сумею перед вами нарисовать картину действительности, которая меня привела сюда, и именно к вам, а не к кому другому. Я являюсь представителем многих русских несчастных беженцев, и от имени их вас беспокою...» Изложил ей вкратце свою просьбу об устройстве нескольких человек куда-либо, а тем более ее муж, г-н Петерс, играет огромную роль не только в городских делах, а и в пароходстве, на ипподроме и других предприятиях, где несомненно люди нужны; и их имение, вернее замок, находится около ипподрома, окружен огромным садом — парком и хозяйственными постройками... Разговор наш кончился ее обещаниями и предложением заглянуть к ней дней через 6—7.

Покидая замок, я осмотрел его кругом, и невольно вспоминалась Великая Россия...

Через недельку я пошел снова в имение Петерсов, и в назначенный час предстал перед своей соотечественницей. После принятых приветствий она начала разговор со мной на сей раз первая и, как будто бы произведенное на нее впечатление моим

первым визитом и моей просьбой забыто, я снова постарался восстановить в ее памяти наше катастрофическое положение и что российская катастрофа одних унизила, обездолила, сделала несчастными, других вознесла — временно, но очень скоро снова каждый встанет на свое место, но по заслугам — и моя соотечественница немного размякла и отложила недельки на две — подождать, и она постарается уладить...

Время идет, и когда я явился в третий раз, то уже все изменилось, и она меня уже разочаровала. Личная моя просьба о себе тоже была отклонена, с мотивами: «Ваше положение в обществе в прошлом в настоящее время лишает меня возможности, вернее права, предоставлять вам службу, компрометирующую вас, а почетной, солидной службы пока нет». Я усиленно стал добиваться назвать эту «непочетную» службу, и очень долго она ее не называла и как-то, якобы невольно, произнесла: «У нас скоро уходит привратник». А мне известно — он имсет готовую квартиру: три комнаты, ванную, бесплатно от одной коровы молоко и 50 серебряных долларов в месяц жалованья. Обязанность его: присмотреть за садом, за птицей, вовремя закрыть ворота в сад, к дворцу — словом, служба чистая и приличная. Несмотря на мои доводы, она колебалась и как бы не допускала совмещение чина полковника с должностью его привратника; я, наконец, предложил ей называть меня не привратником, а «министром двора».

Сожалея все это, я ей еще нарисовал одно положение — что я бы мог от нее скрыть свое звание, но получилось бы одно и то же, если не хуже: я зашел бы с черного хода, с кухни доложили бы вам, вы приказали бы прислуге спросить, кто такой пришел, вам доложили бы: «Беженец какой-то желает вас видеть». Вы снова прикажете узнать, что ему нужно, и я поневоле должен был сказать: «Службу или работу». Ваш ответ наверняка:

«Скажите ему, Даша, что ничего нет», да еще, пожалуй, добавили бы: «Пусть уходит», и я не только бы ничего не получил, а даже не удостоился бы видеть своей прелестной счастливой соотечественницы — и, простившись, ушел.

Был я еще у других «союзников», и после почти таких же разговоров мне один из благодетелей-«союзников» преподнес еще почище. Конечно, принял он меня тоже прилично, но когда моя настойчивость и, во всяком случае, основательные доводы, что помощь, которую я прошу для своих людей, совершенно лишали его моральной возможности мне доказывать, что просимого мной у него нет, и что он не должен мне этого давать, то он мне как-то с заминкой, но все-таки решился заявить: «Знаете ли, костюм ваш не очень презентабелен, его здесь не любят». Я был в новенькой чесучовой рубаше, подпоясан ремнем, шаровары в сапоги, фуражка военного образца с кокардой — как раз в том костюме, которому начиная с 1914 года эти «союзники» кричали «ура» и перед ним роблепно трепетали...

Я ему сказал: «Вы говорите, что костюм этот здесь не любят — мне это не важно, что его здесь не любят, а мне очень интересно, как вы лично на него смотрите». Оказывается, он тоже присоединяется к этому взгляду. Тогда я еще, с его разрешения, предложил ему вопрос: а с какого времени установился этот «симпатичный» его взгляд? И после этого я встал и с достоинством русского воина, давшего возможность своим «союзникам» сохранить свой престиж и эти концессии, заявил: «Почему вы нам кричали “ура”, когда правительство ваше под натиском германцев должно было эвакуироваться из столицы в Бордо, почему этот ненавистный костюм вы любили тогда, когда Верден трещал по всем швам, почему вы умоляли русского царя послать этот ненавистный костюм к вам на родину — спа-

сти ее, почему вы устраивали этому костюму торжественные встречи, почему тогда этот костюм не только любили ваши “рыцари”, а даже прелестные дамы, дамы света и высшего салона, встречали его с нескрываемой радостью и выражали эту радость “ласками” этому костюму? Не этот ли костюм дал возможность вам быть в положении якобы благодетеля к нему? Вас бы Вильгельм сбросил в море и со счетов истории не только как великую державу, а, пожалуй, вообще как державу... Ну, времена меняются, костюм я свой не сменяю ни на что, он — русский, чистый, незапятнанный...»

С этими словами я, простившись, и ушел... К вечеру заходил я в магазин Киселевского, кто он, я и сейчас не знаю, но у него бывает генерал Хорват, где я с ним и встречался много раз, и это ничтожество, то есть Киселевский, тоже не любит наш костюм. Я ему ответил коротенько: «Что вам костюм — ведь Иосиф был не в этом костюме, однако братья его продали, Христос тоже был в костюме — в каком и Иуда, однако, тоже продан вами, а о продаже нас и говорить не приходится — это ваша профессия!»

Однажды я сидел в английском парке, и ко мне неожиданно подошел офицер Канадских войск г-н Х., с которым я еще знаком с Омска и который часто бывает в Харбине, где мы и доселе встречаемся, и, между прочим, сообщил мне, что завтра, на американской концессии, в 8 часов утра, начнутся двухсторонние маневры американских охранных войск и что он пойдет посмотреть и предлагает мне. Я, конечно, с особой радостью принял это приглашение, и в 7 часов утра я уже был на указанном месте, а в половине восьмого явился и г-н Х. Это было в сентябре, числа точно не упомню.

Местность, где это происходило, была громадная площадь, огороженная рвом и разделенная посредине улицей, — не-

сколько незастроенных кварталов, подступами на которую служили перекрещивающиеся улицы и рвы.

Прислушиваясь к отдаваемым распоряжениям командующего этими маневрами, я, не зная английского языка, конечно, понять не мог, но жесты и размахи обнаженной шашкой мне, как военному человеку, были понятны и дали представление о предстоящих задачах, и мои догадки подтвердил стоящий около меня г-н Х.

Командующий был высокий ростом, стройный, одет с иголочки, держал себя гордо, как подобает серьезному начальнику и особенно при таком серьезном деле, как репетиция к экзамену на звание верного защитника интересов своего государства; сидел он верхом на стройном коне рыжей масти. Перед ним стояла группа офицеров с закинутыми немного вверх и слегка в сторону головами и, слушая его приказания, по временам делала салют шашкой, похожий скорее на жест джентльмена, чем на жест боевого офицера.

Солдаты стояли вольно и курили хорошие сигары, а некоторые папиросы, вид имели праздничный, одеты не по-походному, обмундирование новенькое, пуговицы светлые, подбор солдат прекрасный: высокие ростом, на длинных ногах, со слегка выставленными вперед голеньями и впалой грудью, чисто выбритые, на вид молодцы — гвардия, и я подумал: говорят, что Америка хочет воевать с Японией? Куда с такими молодцами японскому солдату!..

Но вот начались маневры, конечно, начало их обычное и для военного человека очень понятное: обороняющийся занимает позицию, но не скажу, чтобы она отвечала тактическим соображениям, а скорее только лишь удовлетворяла удобствам личного желания. Через 2—3 часа замечаются признаки появления противника, уставные приемы те же, что и в

русском уставе: дозоры, перебежка, перестрелка, подготовка атаки и пр., но выполнение этих приемов мне показалось немножечко не соответствующим духу военных задач. Правда, оно не лишено было некоторой изящности и красоты, если рассматривать это с точки зрения какой-то предупредительности на паркетe, а уже никак не на военном плацу. Например, по команде «вперед бегом» солдаты бегут с гордо откинутой назад головой, и если бы это было не на ровной площади, а на местности пересеченной, то неминуема катастрофа. Говорю, катастрофа, потому что после падения таких солидных фигур восстановление прежнего положения и порядка не так безболезненно.

Вот часть добежала до намеченного пункта, по команде начальника цепи (команда была подана) солдат должен немедленно упасть на землю, скорее скрыться от взоров противника, избегая опасности быть пристреленным, и в ту же секунду открывать стрельбу, прикрывая следующую бегущую часть. Этого солдаты не делали, а каждый сначала осмотрится, где ему прилечь удобнее, но не в смысле безопасности, а в смысле личного удобства: где погуще трава, посуше местечко и удобнее держать повыше голову, и стрельба начинается нескоро...

Перебежка производится парадным темпом — высокий и редкий шаг, около 120 шагов в минуту, а по команде «встать, бегом» солдаты не соскакивают, как это делается при боевой обстановке, а медленно встают и, прежде чем скорее бежать на новую позицию, предварительно осматривают свой костюм, стряхивают его от пыли, расправляют морщинки, приводят в порядок весь свой туалет и тогда только сдвигаются с места; так что есть такой момент, когда вся наступающая часть занята сама собой и представляет хорошую мишень для противника,

особенно на близком расстоянии. Еще раз повторю — это генеральная репетиция войны, это экзамен.

Отношение воинских чинов к задаче было несерьезное, и само выполнение таковой скомкано, наспех, только, видимо, выполнялось расписание, а не задача.

Ну, это их дело!

По окончании маневров командующий ими сел в шикарный автомобиль и уехал.

Наблюдая внимательно за этими маневрами, я сильно волновался, вспоминая о былой славе и мощи своей Родины — Великой России. Чудо-богатырь, который всегда справлялся с внешним врагом на внешних фронтах и, не заботясь о личных удобствах, создал колоссальнейшее и могущественнейшее в мире государство, пал перед провокацией членов Государственной думы и врагом-паразитом, присосавшимся внутри страны, покровительствуемым «Великими».

На улице Таку-Род Английской концессии ко мне подошел какой-то капитан Захаров, как он назвал себя, и предложил мне службу от имени очень солидного учреждения и с очень хорошим окладом жалованья. Я сразу смекнул, что здесь я имею дело с провокатором, и сказал ему, что посреди улицы такие вопросы не решаются и, помимо того, очень интересно знать, кто это принял на себя заботу о моей судьбе, и мне нужны документальные данные, уполномочивающие его на переговоры со мной. Тогда он сослался на то, что ему поручено только как-нибудь со мной заговорить и получить согласие на переговоры, «которые поведут с вами специальные лица»; я ему тут же предложил пригласить это специальное лицо завтра в 7 часов утра в английский парк.

В указанном месте и в назначенный час Захаров представил мне какого-то представителя Пекинского эсэсэсэровско-

го посольства, некоего Катюшина, который мне предъявил удостоверение в этом, выданное консулом СССР в Тяньцзине. На вид он был лет 28—30, рябоватый, худенький, рыжий, среднего роста, в сером костюме... Вопрос сводился к тому, не соглашусь ли я взять на себя труд организации добровольцев в строевые части СССР, «ибо за вами люди пойдут», как он выразился, и в утвердительном случае просит меня поехать в Пекин, за счет его, в посольство. Я ему пообещал решение свое сообщить после.

А пока я решил заняться с одним из атаманов.

В Тяньцзине был тогда атаман Сибирского войска Иванов-Ринов, очень часто посещавший некоего Николая Николаевича Кареева, жившего со мной по соседству. Я, встречаясь с ним и разговаривая на разные темы, подметил, что он крепится налево, но человек он хитрый и умеет себя держать вне подозрений. Я доложил об этом кой-кому, также генералу Хорвату.

Много нужно было терпения при моей несдержанности и ненависти к большевикам, чтобы не выдать этого моему коллеге — казаку Ринову, когда разговор шел об СССР...

Буду краток. После многих бесед он мне говорит:

— Знаете, Гавриил Васильевич, я только сейчас начинаю понимать СССР, с его строительством... Представьте себе громадное здание, которому нужен генеральный ремонт, а в некоторых местах даже заново перестроить, начнут разбирать это здание — везде будут разбросаны кирпичи, обломки, щепы и даже целые негодные бревна — получится полный беспорядок, и все это неизбежно, и в конце концов получается прекраснейшее здание новейшей архитектуры — вот эта перестройка происходит теперь в СССР, неизбежный беспорядок, старое удаляют, ломают, бросают, и недалеко то время, когда весь мир

увидит построенное новое, красивейшее в мире здание под именем Советская Россия...

Я молчал, волнуясь, киваю ему и со вздохом говорю:

— Да-а!

На другой день он пошел в более решительную атаку, видя во мне человека, на которого он произвел впечатление, и, встретив меня, поцеловал.

— Знаете что, Гавриил Васильевич, я решил уехать в глубь Китая, все мне очертело, бездарная белая головка ничего уже сделать не может, и эта мразь занимается только грызней и де-лежом первых мест. Уезжаю...

— Какой вы счастливец, имея возможность чем-нибудь заняться!

Я ему позавидовал.

— Возможности широкие, и люди очень нужны, — добавляет он.

— А какие там нужны люди? Такие вот нужны? — показываю на себя пальцем.

— О, — воскликнул он, — такие люди дороже золота!

— Павел Павлович, — говорю ему я, — давайте будем откровенны. Мы чего-то скрываем друг от друга, мы боимся один другого. Я беру на себя смелость заявить, что вы мне много говорили об СССР и ничего нового мне не сказали. Я все это знаю и всему этому верю, но я пока не нащупал почву, где больше я могу принести пользы своей Родине, своему народу и с чего мне начинать, и чем скорее, тем лучше...

Он обрадовался, схватил меня за руку и взволнованно заговорил:

— Гавриил Васильевич, если это так, то дорога вам открыта, и я уже служу своей Родине в роли помощника генерала Гущина, который командует красными частями!

В это время его отзывает жена, но он нейдет: «Не мешай!» Она стала настаивать на своем, и все-таки он не пошел и продолжает: «В Китае, а он сейчас в Лояне, русских там несколько тысяч человек, и я сегодня еду в штаб, и вернусь через 3—4 дня, и с вашего разрешения доложу о вас Гуцину — он вас знает по моим описаниям, и, вероятно, ему говорили Блюхер и Каширин».

Опять они!

Через недельку Ринов опять приехал в Тяньцзин, где жила его семья на Итальянской концессии... Привез мне привет от Гуцина и других офицеров, коим он рассказал о своем «приобретении», и на мои вопросы, в чем будет заключаться работа вообще и моя в частности, он разворачивает план, берет карандаш и наносит приблизительно пункты, по которым намечается вести наступление на северо-восток. Я попросил его посвятить меня на случай неудачи, куда мы должны отходить, это самое главное в военном деле, иметь обеспеченный тыл, и он мне все пояснил и отметил с карты на бумагу, причем добавил, что неудачу здесь и допускать нельзя: «Вы представить не можете, сказал он, — какой грандиозный план разработан Гуциным и Тонких, совместно с Фын Ю-сяном, в этом движении участвует весь юг, который уже заранее определяет и план движения, и план управления... И мы уже перестанем быть эмигрантами» и т.д., и т.д.

Он сегодня же опять едет в Лоян и предлагает поехать и мне, но я ему заявил, что предложение принимаю, а к выполнению приступлю, только когда получу «писаку» — по-китайски документ; на том и остановились.

Дня через 4—5 получил я от него эту «писаку», содержание коей, по соображениям, указанным ниже, не помещаю, а также и письмо, написанное им Карееву.

Мукден

Получив эти письма, я сообщил об этом двум генералам-единомышленникам и одному сослуживцу, предупредив их пока об этом молчать.

Зная планы красных, я побоялся быть захваченным в Тяньцзине и 19 октября в час ночи выехал в Мукден, где на следующий же день доложил обо всем генералам Хорвату и Клерже, показав им и подлинные письма Иванова-Ринова, каллиграфия коего им очень знакома. Сняв копии с писем и засвидетельствовав их, я передал генералу Клерже для доклада по принадлежности.

Через два дня и копии с писем Ринова, и мое открытое письмо ему, и весь материал, по совету тех же генералов, послал заказным письмом редактору газеты «Заря» Шипкову, и спустя около месяца, видя, что Шипков не помещает этот злободневный и тогда необходимый материал, я попросил его личным письмом поторопиться, он ответил дерзостью и не поместил, ссылаясь: «Неизвестно еще куда повернет счастье!» Вот вам пресса: она не предшествует, не предупреждает, а тащится сзади — смотрит, где выгоднее. Второй экземпляр этих копий я лично передал г-ну Востротину, бывшему тогда в Мукдене, и он обещал переслать их в «Русский голос» с предложением напечатать, но штаб его редакции монархистов не «уважает» — тоже не поместил. Тогда я спустя более двух месяцев послал третий экземпляр в газету «Копейка», которая и поместила в № 796. Редактор ее Чиликин, сразу оценил момент. В присланном мне письме, г. Чиликин сообщил, что письма Ринова и некоторые острые места моего письма не пропущены, почему и я ограничусь, только тем, что разрешено. Вот что пишет «Копейка»: «Иванов-Ринов — организатор

отряда Красной армии в Китае. Убийственные разоблачения полковника Енборисова. Иванов-Ринов платит по 5 долларов за “голову” казака.

Знаменитый семеновский деятель, казачий атаман и генерал Иванов-Ринов в настоящее время по примеру других “сменил вехи” и перекинулся к большевикам.

Он получил “прощение грехов”, титул “отслужившего красноармейца” и “почетное назначение”: вербовать казаков в отряд особого назначения. “Работа” Иванова-Ринова шла гладко до тех пор, пока он не столкнулся с полковником Енборисовым, которого стал уговаривать перейти к большевикам и заняться набором в красную армию. За каждого завербованного солдата Иванов-Ринов обещал Енборисову по 5 долларов...

Последний же, получив от Иванова-Ринова письмо, прислал его нам в редакцию, вместе со своим ответом. Это письмо полковника Енборисова мы приводим полностью:

“Ваше превосходительство, многоуважаемый Павел Павлович!

Извиняюсь, что называю вас ваше превосходительство, зная, что в Красной армии генералов не существует, и я, вероятно, вас этим компрометирую, но что поделаешь — привык к дисциплине и старику “переворачиваться” уже не к лицу.

Получив ваше любезное письмо с приглашением меня на службу, я нашел единственно возможным ответить вам на это открыто.

Павел Павлович! Долго вы около меня крутились с вашими желаниями завербовать меня в ряды Красной армии, в которой вы теперь “имеете честь состоять”. Я своевременно сообщил своим единомышленникам, надежным и верным идее двум генералам и одному сослуживцу из офицеров, кои предупреждали меня, говоря: “Смотрите, он вас обделает, человек он

хитрый — интриган”, но я верил, что “Бог не выдаст, свинья не съест” и решил не прерывать пока с вами связи.

После долгой вашей отлучки, вы снова появились в Тяньцзине и через г-на Каресва пригласили меня к себе и еще раз в часовой речи попытались доказывать мне “райскую жизнь в СССР”, подчеркивая следующие слова: “Когда приехал я в Красную армию, меня встретили радушно, и я сразу почувствовал, что я в своей семье, что я на своем месте... работа там кипит... идет перестройка... я послал телеграмму Троцкому и Фрунзе... с выражением своей верности и вступлении в ряды доблестной Красной армии и получил за это привет и благодарность...”

“Интересно, занесете ли вы это “благоволение” в свой по-служной список?” — подумал я. И из вашей пространной речи заключил, что верного и несомненного в ней лишь только одно — что вы действительно попали в свою семью.

Молчаливо выслушивая ваши дифирамбы, я желал заручиться вашим письменным приглашением и, главное, кос-какими сведениями, что и получил, а теперь пусть читатели судят нас.

Людьми я не торговал, никого не предавал, не воровал, ничем себя не запятнал, говорю это смело, будучи всегда верен заветам отцов своих. Я от этого пути никогда не отходил.

Следовательно, предложение ваше не по адресу, я вам не попутчик!

Вы думали, что и я могу быть Иудой и пойду на это дело. Нет! Вы жестоко ошиблись. Вашу совесть заглушили сребреники, должность помощника “генерала” Гущина и патент на звание “отслужившего красноармейца” (пункт 4 условия).

Да, это заманчиво! Но, ваше превосходительство, г-н атаман! А где же ваши казачки-скитальцы, голову коих вы оцени-

ваете в 5 долларов? Голову тех, чистая душа коих вам доверилась, от имени коих вы получили авансы и благодупствовали. Не подумайте, что правые группы пожалеют вас. Нет, это не потеря для нас, меньше прогнивших организмов в здоровой среде.

Председатель президиума оренбургских казаков полковник *Енборисов*».

На 6 декабря я был приглашен г-ном Блонским на организационное собрание «Русского объединительного общества». Собравшись идти, я предварительно зашел к генералу Хорвату и генералу Клерже, где в то время были генерал Слижигов и полковник Кудлаенко и посоветовали мне держаться от этой К° подальше: как Блонский, так и его секретарь Спув нам ничего дать не могут и организация их нам едва ли по пути. На собрании мнение генералов подтвердилось: когда читал Спув устав, в пункте 2 говорится: «Членами общества могут быть все граждане бывшей России», я предложил добавить: «За исключением большевиков и евреев». Тогда Спув горячо запротестовал и разными бессмысленными фразами старался избежать внесения этого дополнения, а когда увидели, что 90% собрания соглашается со мной, Блонский, как председатель собрания, отказался ставить вопрос на голосование, и я, поздравив Блонского и Спува с новой «русской» организацией, членами коей будут верноподданные СССР и Палестины, ушел. Теперь, кажется, президиум этот — старшина мукденской эмиграции.

В одном из комиссионных магазинов я познакомился с одним евреем — Натаном Осиповичем Пенкинским, который хорошо знаком с атаманом Семеновым и другими генералами. Разговаривая с ним на разные темы, мы коснулись Библии, а значит, и еврейского народа, Святого Евангелия, а значит,

и Святой Православной Церкви. Продолжая эти разговоры в течение нескольких месяцев, он очень часто заходил ко мне, и мне удалось его убедить, что Святая Православная Церковь есть светильник и путеводитель в жизни человека, и что Христос есть тот Мессия, о Котором писали Пророки, и что евреи заблуждались, и сейчас они не могут понять того Величия Христа, которое есть — Свет. Пенкинский, глубоко продумав, попросил меня помочь ему войти в Православие и 4 апреля 1926 года в чань-чуньской Сретенской церкви крестился. Восприемники — я и жена священника Мустафина. При святом крещении он наречен Анатолием и по крестному отцу — Гавриловичем Гавриловым. Анатолия Гаврилова очень часто видят в церкви, он молится Богу, носит на себе святой крест и живет трудом, зарабатывает кусок хлеба, несмотря на то что отец его — богатый человек — гоям помогать не желает.

10 марта 1926 года мне пришлось посмотреть на японские маневры охранных войск, конечно, уже много солиднее, чем американские, кои я видел в Тяньцзине; тут были со стороны обороняющегося пущены в ход орудия и с обеих сторон пулеметы и даже примерные удушливые газы (густая волна дыма), я обратил главное внимание не на обстановочную разницу сравнительно с американскими маневрами и не на солидность строевых частей и размер площади, где были маневры, а на поведение командного состава, солдат и вообще всех экзаменующихся.

Здесь оказалось совсем другое, наблюдал за маневрами барон Кигуни. Командующий маневрами отдавал приказания не так, как американский генерал, слова которого, кстати сказать, я тоже не понимал, но мне, что успевали, переводили Като и Ховдо: эти приказания были решительны, жесты его и размахи шашкой производили впечатление не как дирижерская палочка

ка, а приказ, и офицеры, слушая его, стояли, что называется, в струнку, не «по-товарищески», и «жадно ели глазами начальника», и не откидывали голов назад или в сторону, салют пашкой выражал полную, сознательную дисциплину и подчиненность, солдаты одеты были по-походному, с полным боевым व्यюком, ростом маленькие, все точно выточенные по одному образцу, жизнерадостны и, видимо, весьма довольны своим положением: когда офицеры получали приказания, они стояли вольно и даже некоторые курили (было разрешено), но при взгляде на них кого-либо из офицеров старались встать смирно и прятать папироску в рукав.

Получив приказание, офицеры, как по электричеству, сделав салют пашкой, повернулись лицом к солдатам, которые, по непонятной для меня команде одного из старших офицеров, все замерли на месте (наверное, команда была «смирно»), по второй команде расчет, а по третьей, как один человек, сдвинулись с места, и офицеры начали разводить всякий свою часть куда надлежит.

Через несколько часов появляются дозоры наступающих частей, а потом и цепи, началась редкая перестрелка, по временам и орудийные выстрелы. Обороняющийся, в отличие от установленной формы японской армии, на околышах фуражек имел белые ленты, так что наступающий был с красными околышами, а обороняющийся с белыми. При появлении перебегающих частей была стрельба из пулеметов, и, в свою очередь, наступающий, под прикрытием усиленной стрельбы засевших, уже перебежавших пулеметов, весьма удачно переменил позиции и перетаскивал пулеметы и быстро открывал стрельбу. Перебегающие цепи, не заботясь о личных удобствах и туалете, по соответствующей команде своего начальника быстро соскакивали и бежали не меньше 200 шагов в ми-

нута и также незаметно пропадали с глаз противника, падая на землю, как «комки», дабы избежать опасности быть убитыми или ранеными. Наступающие при перемене позиций незаметно для простого, невоенного человека быстро появлялись на флангах обороняющихся, но также бдительно охраняли свои позиции и последние, своевременно ликвидируя возможный обход орудиями и пулеметами, и эти маленькие на вид люди были велики и грозны в своем боевом порыве и увлечении и, во всяком случае, для каких бы то ни было республиканских войск непобедимы.

Видел я и проследил медицинский персонал: доктора, санитары и сестры милосердия, и их примерная работа не была похожа на маневры, а носила характер серьезный, сознательный, что это не игра, а экзамен, являющийся фундаментом защиты от наскоков возможных «союзников». Одна из сестер милосердия, пожилая, с седыми волосами, имея на груди много наград еще за Русско-японскую войну, несмотря на свои годы, энергично отдавала должные указания своим коллегам. Переноска раненых и уход за ними были настолько основательны, что, глядя на лица сестер милосердия, не видно ни шутки, ни улыбки, а видна была забота и сострадание к больному, они старались держаться укрыто от выстрелов противника.

Цепи идут, огневой бой усиливается, заметно стало, что наступающий готовится к атаке, с обеих сторон внимание и напряжение, винтовки и пулеметы слились в один концерт, и, наконец, появляется в нескольких местах густая волна дыма, под прикрытием которого наступающие части пошли уже непрерывно, и в дыму крик «банзай», из которого быстро вылетают атакующие, обороняющиеся в свою очередь дружно и быстро выбросились из закрытий и по всему фронту приняли атаку — красота: быстрота, энергия, отчетливость...

Опять у меня целый рой воспоминаний о своей Родине, о ее мощи и славе, и за Японию я порадовался, что есть еще в мире одна императорская армия, которая сумеет постоять за свой порядок и установленный государственный строй и не допустить в свою страну «соединения пролетариев всех стран».

Сравнивая эти маневры с американскими, приходится искренне и с уверенностью сказать, что японскому солдату воевать с американским не так-то уж страшно...

Много раз бывал я в церкви, небольшая церковочка и вокруг нее каменная ограда и кладбище с братскими могилами, где покоится вечным сном много нашей братии военных — русских с Русско-японской войны. Сидя подолгу среди этих могил, где, как гласят надписи, «Здесь лежат Русские солдаты», «Здесь лежат оренбургские казаки» и т.д., я размышлял: зачем вы, братья, сюда пришли, зачем вы сюда легли герои-братья, вы защищали престиж Великой России, вы расширяли ее влияние, так далеко от сердца ее — Москвы, вы стремились создавать для своего потомства наследство, будучи уверены, что ваши наследники достойны своих отцов; вы шли за Веру, Царя и Отечество, вы завещали это и нам, вы исторические безмолвные памятники былой славы и мощи Святой Руси, действительно оставили нам колоссальнейшее наследство, величайшее в мире государство и венец нашей гордости, Святую Православную Церковь, вы оставили нам мировую славу; про вас песенку поют «Спите боевые орлы»...

Но мы все это позорно промотали и своим детям оставляем пустыню и сплошное пожарище и кладбище, и наше потомство будет избегать называть наши имена — оно нас проклянет, но все это заслуженно. То, за что бились и умирали вы, то есть за Веру, Царя и Отечество, мы все уничтожили: Веру Православную с Ея Святой Церковью мы поругали, церкви оскверни-

ли... Изобразили из них дома увеселений, иконы повыбросали. Святой крест свергли... Царя мы убили и даже со всей семьей и тела их сожгли, дабы скорее забыть, сваливая с себя вину, яко Пилат, но совесть, эх ты, совесть!.. Отечество превратили в жилище интернационального сброда и общественного отброса, и там теперь дьявол царствует, а не Помазанник Божий... тяжелые думы передумал там я.

На крестах этих могилوک имеются разные надписи и весьма скромные, но по смыслу очень сильные, например на одном, высоко вздымающемся над другими кресте — очень короткая и вполне приличествующая русскому православному воину: «Да будет воля Твоя! Правда Твоя, Господи, воля, так спаси же, Господи, нашу страждущую Родину!»

Заветы отцов своих мы хранили до того момента, пока предатели Родзянко, Рузский, Алексеев, Гучков и др. «Великие», кои коленопреклоненно молили царя отказаться от нас, не предали его, оставив нас сиротами.

С японцами я жил очень прилично, как офицер Императорской Российской армии, с таковыми же Императорской японской армии. Ходил в их собрание «Кокайдо» по пригласительным билетам, кои они присылали нам обоим с женой.

Харбин

6 апреля 1926 года я снова явился в Харбин и получил у Б.В. Остроумова подряд по укладке пути Хухайской железной дороги, балластировки ее и подъемке, организовал рабочую артель и 16 июня положил первую шпалу и первый рельс, то есть я совершил закладку Хухайской железной дороги, и я думаю, что историю этой дороги, имена строителей и подрядчиков все-таки стоит отметить, особенно открывших первую ее закладку.

Балластировку 1-го участка всю произвел я и свои обязательства выполнил до конца, что ни один из подрядчиков не сделал, и работы их отбирались и передавались другим.

В 1923 году мной было организовано объединение легковых автомобилей под названием «Общество автовладельцев в Харбине». Выработан устав, представлен на утверждение Главного полицейского управления, которое принципиально ничего против не имело, и было избрано правление общества. Председателем был избран я, товарищем председателя — г-н Дохлов, кассиром намечен г-н Воротеяк, ревизором движения — г-н Бронников и члены правления г-да Нагурский, Рябинский и Перацкий. Но и здесь без провокации дело не обошлось: забаллотированный на выборах Дисковский начал грязную кампанию и ложь, и к тому же некто Сафарьянц, сговорившись с двумя-тремя китайцами, это дело перехватили и, будучи неопытными в организации, блестяще провалили, в чем усердно помогал тот же Дисковский, рассчитывая там быть избранным в члены правления...

Во всяком случае, частое повторение одного и того же, или про одного и того же, может надоедать, но я еще вначале оговорился, что цель моя — не дать читателю красивое изложение моих воспоминаний, на что я и не способен, а дать желающему прочесть хотя и скучный материал, но правдивый, дать факты, кои могут послужить материалом для лучшего и умелого изложения, если в этом встретится надобность, да к тому же я имею в виду ниже говорить о казаках и, как казак, считаю это необходимым в силу возложенных на меня казаками обязанностей — делать доклад Войсковому кругу, если Бог нас благословит вернуться на Родину, и это мне будет памяткой, конспектом моих работ и работ моих станичников.

20 августа 1927 года состоялось собрание оренбургских казаков генерала Кручинина. Собравшиеся станичники являлись уполномоченными каждый от своей группы и пожелали проверить идущие слухи по городу, что генерал Кручинин именует себя атаманом Оренбургской станицы, тогда как в Оренбургской станице атаман есть, и проверку эту решили произвести закрытой баллотировкой, результат оказался: из 28 голосовавших Арапов получил 15 голосов, Кручинин — 8, Нестеренко — 5; с этим не согласились Кручинин, Зуев, Нестеренко и К° без всяких мотивов и пожелали произвести перевыборы. Казаки уступили своим старшим и снова пробаллотировали, и получилось то же самое, и заявили Арапову: «Пока ты атаман», но Кручинин не утомился и правит своей станицей, состоящей из Кручинина с сыном, секретаря с братом, похоронного бюро, Нестеренко и Зуева, а «представляет» в «Бурлинских организациях» от целой станицы. А были случаи, когда «Заря» возвещала даже, что он и Нестеренко — «представители Оренбургского казачьего войска»... Я, как оренбургский казак, конечно, с этим согласиться не могу и, как председатель президиума оренбургских казаков, совершенно генерала Кручинину не советую вводить в заблуждение и без того уже измученных казаков и посторонних, а тем более это крайне вредно отражается на объединении казаков, а это самое главное. А полковнику Нестеренко, после его «разоблачений», я думаю, нужно постараться лучше забывать свое «представительство», которое он вымолил у Анисимова, и дать улечься этим некрасивым и распространенным о нем сведениям. Анисимов в своем письме к казакам говорит: «Нестеренко, питая ко мне злобу... и считая, что у меня еще сохранилось тысконок десятков рублей, из которых он мечтал получить половину, и когда эти надежды сорвались... поднял эту пакостную кампанию... Ведь

ясно для каждого, что если бы Нестеренко был честным, то он, видя такие мои некрасивые действия, вместо верноподданных чувств, выражаемых мне еще в 20-м году, должен был бы поднять этот вопрос перед русской властью, стоявшей над мной...» И очень много там сказано ценного и даже с указанием точной цифры — сколько стоит Нестеренко ежегодно войску и сколько единовременных подачек и даже подложных.

После долгого наблюдения за этими «представителями» и за нестроением, вследствие провокации Кручинина и компании, казаки сгруппировались и обратились ко мне как председателю президиума с просьбой создать станицу, что и сделано; станицу организовали под названием «Оренбургская объединенная станица на Дальнем Востоке» и атаманом станицы настояли чтобы был я, помощником избрали войскового старшину М.А. Елпыдина, секретарем — подхорунжего П.В. Савина, казначеем — подхорунжего П.Я. Давыдова и станичный суд: председатель И.М. Важенин, судьи Н.И. Паньков и Мустафин. И уже в эту станицу перешла часть казаков из станицы Арапова и остатки от Кручинина, который занят исключительно сбором денег на какие-то предприятия и даже роздал для этого кружки с печатью.

Получил я из Югославии письмо от воспитателя Донского кадетского корпуса полковника И.Г. Б., из коего привожу выдержки:

«Глубокоуважаемый и дорогой Гавриил Васильевич! Я очень рад, что мне представляется случай написать вам письмо — мог бы я и раньше списаться с вами, но не знал адреса, а теперь И.Г. Акулинин прислал мне адрес, сердечно приветствую вас как председателя и желаю искренно всего доброго и полного успеха в нашем родном казачьем деле. Читая ваше второе письмо и другие письма с Дальнего Востока, которые

мне И.Г. присылает для прочтения, сердце кровью обливается от этой неурядицы и несогласованности среди оренбуржцев, которая творится там. Неужели уж так навсегда некоторые из людей лишились разума, если он у кого был. Правда, когда Господь хочет наказать, прежде всего он отнимает разум, но большинству как будто Господь разум вернул, а вот есть небольшая группа людей, которая еще не удостоилась от Господа Бога получить разум, поэтому эти господа так преступно тормозят общее дело.

Ваше дело, которое вы ведете, — святое, и его, конечно, ни в коем случае бросать нельзя. Я уверен, что вы, со свойственной вам энергией, каким я вас в былые годы знал, не оставите казаков и вместе с ними и наше родное — общее казачье дело, не следует вам выпускать из рук наши казачьи права... Мужайтесь, Гавриил Васильевич, и не обращайтесь внимания на недовольных, эти господа сами не знают, что творят. Меня удивляет, где все наши генералы и прочие высокопоставленные лица, которые так усердно лезли в люди, когда у войска была казна, а теперь, когда «войскового сундука» не стало, так и казаков и войско любить перестали. Эх, людишки! Как им не стыдно будет вернуться домой, да им и места там быть не должно, когда дело шло хорошо — они охотно принимали чины и почести, а как потребовалась жертва, даже не жертва — немного усиленная работа, — они спрятались.

А Д.Е. Серов — он ли не пользовался от войска, а теперь отвернулся...

Подождем.

Низко кланяюсь старому казаку Гавриилу Васильевичу и шлю лучшие пожелания, искренне уважающий вас И.Б.»

Жизнь моя протекает в нужде — в полном смысле слова «беженская»; занял я квартирку за 10 долларов в месяц, Черно-

горская, 37 в Модягоу, часто посещал храм Божий, где в 1920 и 1921 годах частенько служил литургию главный военный священник Русской армии протоиерей отец Алексей Русецкий, и который, весьма кстати сказать, много привлекал богомольцев и слушателей его проповедей, и он, как малоросс, твердо выражался: «Без Цара (без царя) России не будет — нужно молиться Богу, чтоб Господь дал русским людям своего помазанника — Цара». В конце 1921 года священник Русецкий уехал на Запад. Теперь в этом Свято-Алексеевском храме настоятелем протоиерей отец Петр Рождественский — человек высшего образования, широкого размаха, одарен не кудрявым красноречием, а простым русским убедительным словом, оставляющим неизгладимый след в душе слушателей, благодаря чему и его стараниям церковь не стала вмещать богомольцев и Модягоуский приход, пожалуй, стоит в числе первых в Харбинской епархии, и ему удачно дано название «Царское Село». Не лишены силы слова и второй священник отец Евгений Панормов и осенью 1928 года награжден палицей, а священник Рождественский — митрой.

Модягоуский храм неузнаваем: старый иконостас заменен новым, подсвечники тоже, выстроен придел, то есть второй престол во имя Иконы Пресвятыя Богородицы «Всех Скорбящих», самый храм снаружи украшен красивым куполом, чего раньше сделать не могли, а внутри купола иконы лучших в Харбине художников, облачение на Святом Престоле и Жертвеннике и др. новенькое, красивое, на священнослужителях тоже, и в довершение всего организован прекраснейший хор певчих, для чего пригласили лучшего в Харбине регента И.А. Колчина... И храм не пустует, как говорил его предшественник. Отец Рождественский занимает пост благочинного и состоит председателем многих благотворительных

организаций. Это тот протоиерей Рождественский, который возглавлял в Омске Гермогеновское братство по организации дружины Святого Креста и Зеленого Знамени, где я заведовал районами: Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Павлодар, Барнаул, Камень и др. с их окрестностями, и я более чем уверен, что протоиерей Рождественский не погасил в себе священного огня, которым можно воспламенить сердца русских людей для защиты Святой Руси, которая много раз находилась на краю гибели, но она с честью выходила из этих пропастей, и всегда начало ее спасения благословлялось Отцами Церкви, кои принимали и непосредственное участие... Так и теперь, без благословений Святой Православной Церкви Христовой спасение Руси я не мыслю и думаю, что начатое дело организации крестоносцев не умерло, оно скоро начнется. Не тех крестоносцев, кои рекламируются и сейчас на Дальнем Востоке, в частности в Харбине, — невинные мальчики, а крестоносцев, имеющих серьезное намерение встать в ряды защитников Великой России от безбожников. Которые дали клятвенное обещание, приняли присягу: «Клянусь перед Святым Животворящим Крестом Господним и Его Евангелием быть верующим в Господа Бога и честным перед людьми и самим собой, обещаюсь быть не мстительным ко врагам, заблуждающимся нашим братьям — русским людям».

Это коротенькое, скромно изложенное клятвенное обещание истинного русского человека, отрекшегося от личной жизни и задавшегося одной целью вырвать свою мать Родину — Святую Русь из рук дьявола, — по существу своему и глубокому смыслу является весьма красноречивым и всеобъемлющим. Оно ясно говорит, что на Руси царствует дьявол, а победа над дьяволом может быть достигнута только под знаком Святого Креста и что идущие под Святым Крестом несут

миру мир, а не жестокость и месть, почему эти люди, согласившись взять на себя великую ответственность — встать под Святой Крест и назваться дружиной Святого Креста, обязались быть до конца своей жизни верными идее освобождения Святой Руси от дьявола и сохранить в полной и неприкосновенной чистоте свое знамя — Святой Крест, который они прикрепили на своей чистой русской груди и, прежде чем идти в бой, получали благословение пастырей духовных, давая это знаменательное обещание и отречение от сведения личных счетов. Это же делали и мусульмане перед своим Святым Кораном, вставая под знак Зеленого Знамени, прикрепив Его на своей груди, и независимо от того, откуда это движение начнется, потребуется ли встать под общий китайский флаг, японский или другой, но Русский трехцветный флаг мы имеем целью и храним его в душе и сердце, ибо водрузить его мы лишены возможности.

Если меня кто и осудит за такой взгляд — это их дело. Где русский чудо-богатырь ни сражался, я знаю, когда формировались наши бойцы на китайские фронты, то были любители посмеяться и осуждать, это были или трусы, или завистники; почему не судили русских бойцов, находящихся в рядах французской армии в 1915—1916 годах, под Верденом и др.; мне могут ответить, что это были наши союзники, мы имели с ними общего врага, я скажу на это — китайцы наши лучшие союзники, тоже имеют с нами общего врага, а также и японцы, следовательно, кто с нами, тот наш брат и союзник... все дороги должны быть в Москву, откуда бы они ни выходили.

Я не знаю, может быть, не двое ли мы только с протоиереем Рождественским остались из главн действующих-то лиц по организации добровольческого движения дружины Святого Креста и Зеленого Знамени, и если это так, то мы не сомнева-

емя, что к этому симпатичному патриотическому порыву не замедлят присоединиться многие и отдадут свои способности и силы на Святое Дело освобождения России от дьявола, а если еще кто сохранился из старых деятелей, то они нам откликнутся и подадут свой голос и помощь, и мы общими силами, вспомнив слова уважаемого профессора Д.В. Болдырева, кои он мне сказал при прощании во время эвакуации из Омска: «Не унывайте, г-н полковник», и предсмертные его слова: «Не бросайте организации крестоносцев», возьмемся за это Святое Дело. Есть еще здесь в Харбине командир 4-й дружины Святого Креста полковник Русин, впоследствии бывший командиром батальона в моем отряде, назначенный мной.

В конце 1927 года мне удалось организовать «Ракт», председателем правления «Ракта» единогласно избран я.

Сукины братья, Николай и Александр, добровольно сдались большевикам за деньги, предатели они были и раньше. Николай уехал в Москву, а Александр служит им на КВЖД.

В Харбине много бумажных организаций, в которых бывает так: 3—4 человека членов организации и столько же «представителей», но много солиднее была организация «Дальневосточное общество ревнителей военных знаний», председателем комитета коего был генерал-лейтенант Люпов, и дела шли прекрасно, но дьявол позавидовал: явился генерал Бурлин, надеялся кучу переворотов и кучу бумажных организаций... проявил сильную симпатию к генералу Сычеву, к Бордзиловскому, Андогскому и К°, началась агитация, и в конце концов молодой генштаб потянулся за Андогским, особенно усердствовал полковник Смирнов и Федоров.

Смирнов — бывший начальник гарнизона красных в Н.-Уссурийске, начал чинить дерзости старшим, писать им не приличествующие офицеру письма, дисциплина не признавалась,

и старые генералы Володченко, Люпов, Косьмин, Рычков, полковник Александров и др. из общества ушли, не желая быть в одном обществе с Андогским как с человеком сильно себя скомпрометировавшим и не реабилитировавшимся. Много было в обществе сторонников старого генералитета, но Андогский, чтобы собрать себе голоса, при усиленной поддержке полковника Смирнова и Федорова, взялся усиленно вербовать членов общества, куда явились целые пачки людей, ничего общего с обществом не имеющие; например, почти целиком вошел хор одной церкви во главе с помощником регента, и Андогский прошел председателем, а несторонников Андогского не допускали, а после выборов певчие снова вернулись на клиросы и больше не появлялись.

«В какой посуде был деготь — вонь не выведешь», — говорит факт, и с Андогским опять случилось «недоразумение»: он, будучи директором реального училища, «ошибочно» взял чужие деньги, назвав их своими, за что и был изгнан, но под суд не отдан. Сторонники его долго не показывались на улице, ибо это было пятном на всю «офицерскую корпорацию», особенно на генштаб. Очень многие ушли из этого общества, конечно, ушел и я, и что случилось с ним, не знаю...

В 1928 году 5 февраля сын мой Владимир женился и через месяц от меня ушел, отказавшись мне помогать. Взял я с него подписку следующего содержания: «1928 года марта 30-го дня я, нижеподписавшийся В.Г. Енборисов, дал эту подписку своему отцу Г.В. Енборисову в том, что я, уходя от него, даю клятвенное обещание, что никогда не нарушу его заветов — быть верным идее освобождения Святой Руси от III интернационала и что я никогда не признаю этой красной, ненавистной русскому народу власти и должен стремиться к свержению ее, и никогда не отойду от Святой Православной

Церкви. Аминь. *В.Г. Енборисов*» — и я остался один. Большое спасибо моей жене — Пелагее Васильевне Енборисовой, которая пока не бросает меня старика, во всем мне помогает и все несчастья со мной разделяет...

В октябре поступил я сторожем к г-ну Лерману на Конной улице, 27 по 35 иен в месяц и, прослужив один месяц, обессиленный, ушел. Сняли комнату на «Зеленом базарчике» без окон, и свет проникает только через дверь, кормиться нечем, с 22 января, спасибо, стали отпускать бесплатные обеды иностранцы. Стыдно, а есть хочется, имущий класс белых ушли сами в себя, а красные за поддержку требуют подданство СССР, и если меня веревка не могла заставить признавать этих каторжан, то и голод меня не сломит, жизнь не бесконечна — умрем, но хотелось бы посмотреть, чем это все кончится, а тем более я еще чувствую, что могу и «подмогнуть»...

Всяк большия и малыя помянувши и паки возвратимся в Забайкальское царство и миром совершим маленькую экскурсию в золотой запас Дальневосточной окраины; начало поступления золота в распоряжение атамана Семенова я указать не могу, а беру только с 14 января 1920 года, на какое число на хранении Читинского военного училища было 711 ящиков, весом каждый 3 пуда, а на 19 сентября того же года, то есть через 8 месяцев, осталось только 74 ящика, судьба которых мне неизвестна, но надо полагать, что из них выдано по особому списку 2 424 000 рублей, причем ревизионная комиссия, проверявшая это золото на станции Борзя, 21 ящик по наружному осмотру нашла целым, 49 ящиков имели сорванные шнуры и поврежденные печати. Комиссия почему-то не нашла нужным проверить ящики, а взяла на выбор и не считая денег, и за неимением весов (коих не было только у комиссии, а на станции Борзя наверняка были). Размер веса, или счет рублей, определялся на

глаз и все «приблизительно» или «около». Четыре ящика оказались более легким, а насколько — тоже потрясли в руках и записали: «Около» — «приблизительно».

Занимаясь хозяйством, картошку так «около», «приблизительно» не определяли, а всегда вешали или считали меры.

Наконец комиссия проверила расход золота, или, вернее, прочитала записки расхода золота, а представлялись ли кем из подотчетных сметы расхода или оправдательные документы — не видно; помещаю список лиц, которым выдавалось золото:

- 1) 17 января 1920 года генералу Бирюкову «для устранения экономических затруднений» (чьих затруднений?) шесть ящиков... 360 000 рублей;
- 2) 22 января года Рудакову «для выполнения необходимых мероприятий» шесть ящиков... 360 000 рублей;
- 3) 2 февраля ему же «для обеспечения интендантских заготовок за границей» 50 ящиков... 3 000 000 рублей;
- 4) 25 февраля генералу Лихачеву (тоже) 63 ящика... 3 780 000 рублей;
- 5) 1 марта г-ну Таскину «для обеспечения военных артиллерийских заготовок за границей» 80 ящиков: 3 миллиона монетой и 1 800 000 рублей слитками всего... 4 800 000 рублей;
- 6) 16 марта Окорокову «для закупок за границей мяса войскам» 2 ящика... 120 000 рублей;
- 7) 26 марта Обалдуеву тоже 6 ящиков... 360 000 рублей;
- 8) 27 марта Читинскому областному казначейству для расходов по личным распоряжениям атамана 15 ящиков... 900 000 рублей;
- 9) 28 апреля Обалдуеву (на мясо) 10 ящиков... 600 000 рублей;
- 10) 5 мая Читинскому казначейству «для расходов по распоряжению генерала Зубковского» 10 ящиков... 600 000 рублей;
- 11) 10 мая «в распоряжение атамана и Таскина на покупку снаряжения, обмундирования и фуража» 60 ящиков... 3 600 000 рублей;
- 12) 12 мая главкому «для оплаты заграничных командировок агентам правительства» 2 ящика... 120 000 рублей;
- 13) 31 мая для того же 1 ящик...

60 000 рублей; 14) 22 июня «для банковских и казначейских операций» 3 ящика... 180 000 рублей; 15) 1 июля полковнику Круковскому 1 ящик... 60 000 рублей; 16) 3 июля Таскину «для целей 12 и 13 пункты» 4 ящика... 240 000 рублей; 17) 5 июля Таскину (лично) 1 ящик... 60 000 рублей; 18) 14 июля генералу Афанасьеву 6 ящиков... 360 000 рублей; 19) 14 июля Читинское казначейство 2 ящика... 120 000 рублей; 20) 16 июля «для снабжения» 133 ящика... 7 980 000 рублей, но 120 ящиков возвращено; израсходовано 13 ящиков... 780 000 рублей; 21) 17 июля «для надобностей военного и морского ведомств» 1 ящик... 60 000 рублей; 22) 27 июля «на неотложные надобности управляющих ведомствами» 34 ящика... 2 040 000 рублей; 23) 1 августа генералу Афанасьеву «на расходы, вызванные военными обстоятельствами» 6 ящиков... 360 000 рублей; 24) 7 августа «для образования фонда обеспечения общества взаимопомощи Дальневосточной армии полковнику Ларионову» 15 ящиков... 900 000 рублей; 25) 13 августа Карчинскому «для покупки хлеба» 4 ящика... 240 000 рублей; 26) 13 августа «ему же 8 ящиков со слитками»... 480 000 рублей; 27) 14 августа барону Унгерну 5 ящиков... 300 000 рублей; 28) 14 августа полковнику Савельеву (лично) 1 ящик... 60 000 рублей; 29) 16 августа генералу Петрову «на снабжение и продовольствие» 3 ящика... 180 000 рублей; 30) 16 августа подполковнику Каурову «на общество взаимопомощи военных и гражданских ведомств»... 100 000 рублей; 31) 17 августа генералу Афанасьеву 4 ящика... 240 000 рублей; 32) 21 августа Полевому казначейству «для оборота» 5 ящиков... 300 000 рублей; 33) 22 августа генералу Бирюкову «для семей военнослужащих» 4 ящика... 240 000 рублей; 34) 24 августа генералу Тирбаху «на нужды рабочих государственных предприятий» 21 ящик... 1 260 000 рублей; 35) 24 августа Анисимову «войскам атамана Дутова и Анненкова»... 100 000 руб-

лей; 28 августа от Читинского военного училища находящийся в вагоне 6017 золотой запас принял генерал Богомолец... 15 300 000 рублей; 36) 29 августа г-ну Сыробоярскому (лично)... 200 000 рублей; 37) 4 сентября начальнику снабжения 21 ящик слитками... 1 260 000 рублей; 38) 4 сентября Полевому казначейству 112 ящиков и 50 000 рублей, всего... 6 750 000 рублей; 39) 4 сентября начальнику снабжения на текущие надобности... 560 000 рублей; 40) 5 сентября Полевому казначейству «для обществ взаимопомощи» 10 ящиков в слитках и 6 монетой и 40 000 рублей, всего... 1 000 000 рублей; 41) 11 сентября главному 3 ящика со слитками... 180 000 рублей; 42) 13 сентября генералу Сыробоярскому 16 ящиков... 960 000 рублей и по особому списку еще кое-кому и на мелкие расходишки: генералу Бангерскому... 1 500 000 рублей, генералам Филатьеву и Бурлину «на патроны»... 300 000 рублей, генералам Дитерихсу и Лохвицкому, «генералу» Чорбе... 214 000 рублей, генералу Кручинину около 100 000 рублей, Панову... 90 000 рублей — всего... 190 000 рублей.

Правильно или неправильно расходовались деньги, это я судить не берусь, но все-таки получения шли очень дружно и торопливо, признавая власть атамана, а теперь многие из генералов, получивших золото, атаманом Семеновым недовольны и агитируют против него, и, главным образом, я думаю, потому, что, если опять появится он у власти, непременно потребует от них отчета, если кто таковой не представил, но некоторые из них уже в СССР, например Зубковский, Рудаков, Анисимов, Зайцев и др.

В общем, так или иначе, а атаман Семенов выдавал деньги на определенные надобности: на покупку мяса для армии, обмундирования, фуража, продовольствия, патронов, на общества взаимопомощи и т.п., а что случилось с деньгами, знают

только подотчетные, но известно, что у некоторых «самопомощь» была не плохая, говорят, и патронов было 2—3 ящика куплено.

Если и бросают в атамана Семенова грязью, на что можно указать словами из церковного песнопения, где говорится: «...Поклонимся Господу Иисусу, Единому Безгрешному...», следовательно, есть только один Единый Безгрешный, а атаман Семенов не без греха, но ведь «большому кораблю — большое плавание», да и наконец: кто первый бросит в него камень... я еще повторю — куда девалось русское золото, находящееся в распоряжении атамана, из документов видно и получатели известны, а дальше? Дальше я не знаю.

Если рассматривать Семенова как человека, а особенно как военного, то я его ставлю выше многих: он не бросал армию, он не эвакуировался раньше своих генералов, как это сделали Лохвицкий, Дитерихс, Иванов-Ринов, Анисимов и др. из Читы, и тот же Дитерихс, Андогский и К°, бросивши и Омские фронты — бежали. Семенов, как и Колчак, преемником коего он и является, остался на своем посту до последнего момента, он, как и Колчак, оставил свою резиденцию последним и даже не выехал, ибо он уже не имел возможности выехать, вследствие окружения большевистским отрядами, а вылетел на аэроплане — ему также изменили, кроме вышеназванных генералов, еще Смолин, Вержбицкий и большинство тех, кои очень сладко им подкармливались и получали «ящики». Атаман Семенов своей организацией антибольшевистского фронта дал так называемым каппелевцам и всем русским людям возможность получить приют и отдых и потом пройти в гостеприимный Китай, иначе все были обречены на худшее, и если бы не эта вышеуказанная группа перелетов, то и в Приморье не было бы раздвоения, а двое вместе всегда сильнее, чем

каждый в отдельности, а тут получилось даже два враждебных лагеря: семеновцы и меркуловцы, и сторонники последнего даже с большевиками соглашались объединиться против русских сил.

Семенов первый поднял флаг антибольшевистского движения, я еще в войске, в Оренбурге слышал, что в Забайкалье есть атаман Семенов — брат наш, сын Великой России, и мы, совершая Великий исторический сибирский поход, все знали, что идем к атаману Семенову и, соединившись, совершим свое Великое дело, и те перелеты-генералы и перелеты-интеллигенты летели к нему, а когда отдохнули, возомнили все себя главкомами и подняли вопрос о признании его. Чины и золото от него охотно получали, но признавали только себя. Вот, русский человек и русский воин, вот где наше несчастье и гибель! Нужно приучить себя подчиняться, тогда только сумеем подчинить и себе, как это было раньше.

Вывод: как в СССР, так и в эмиграции всплывает наружу все более легкое, не имеющее веса, в первом лезут крикуны и преступники, а во втором ползут бездарности и интриганы... Ведь не слова наши или чьи-нибудь должны за нас говорить или выдвигать нас, а дела наши, работа наша, серьезность таковой, на чем зиждется и возможная уверенность в будущем. Кто пасует перед толпой, кто сдает свои позиции перед воображаемой опасностью, не говоря уже о реальной, кто освобождал себя от ответственности за своих подчиненных, кто, бросая их, бегал с фронта, кто ставил личный свой престиж превыше государственного, кто в то время, когда на фронтах лилась наша кровь, занимался личным самоустройством, кто прятался за спину меньшей братии... тому места среди русских быть не должно, конечно, говоря о каких бы то ни было командных должностях или серьезных поручениях, и тех, кто ждет, когда его позовут и

дадут солидный оклад жалованья, тоже надо устранить, пусть их ждут.

Нужно подсчитать плюсы и минусы человека, сравнить их и взвесить, а остаток будет показателем данного лица, и пока мы с этим не согласимся, пока не перейдем на правильный, математический подсчет добра и зла, пользы и вреда — ничего из нас не выйдет, и мы будем, заблуждаясь, блуждать между тщеславными бездарностями и будем обречены скитаться по чужим странам, по заграницам и в дальнейшем.

То, что я сказал выше, все-таки является как будто бы теорией, и я решил ниже изложить свой взгляд на создавшееся положение, а тем более западная эмиграция желает знать, как смотрит на это эмиграция на Востоке, и я пока единственным выходом нахожу: «Веник не сломаешь сразу», — говорит старая пословица, его легко можно сломать по одному прутику или по 2—3, в зависимости от силы ломающего.

СССР я сейчас представляю таким веником, связанным железной проволокой, именуемой Чека, и эту действительность подтверждает помощник Дзержинского Белобородов, который 24 декабря 1921 года на 9 съезде в Москве заявил: «Чека — это основа большевистской власти и победа над белыми армиями обязана исключительно Чека, которая сумела сделать невозможным восстания внутри». Но СССР нельзя рассматривать таким веником, который, как мы знаем, и после снятия с него вязки, остается цельным и для разъединения его приходится применять некоторое усилие — нет, здесь такой сцепляемости быть не может, и желающему сломать этот веник, не придется иметь дело с составными его частями, а достаточно не только порвать эту вязку, а только ослабить ее, и прутья выскочат сами, о чем говорит и Белобородов, что «Чека сумела сделать невозможным восстания внутри». Значит, только вязка и дер-

жала эти прутья, а так как это сделать пока почти невозможно, то есть порвать эту вязку или ослабить — уничтожить Чека, то нужно искать другие способы освобождения этих прутьев, хотя бы даже, извлекая, пришлось попустить некоторой цельностью их.

Россию одновременно всю не спасешь, и наивно думать, что кто-то, с недосыгаемой высоты, протрубит нам — и Россия встала, и мы русские воины и вся эмиграция, церемониальным движемся в распростертые объятия своей матери Святой Руси, и еще наивнее, если мы будем ждать, когда большевизм себя сам изживет — да, он изживет себя, несомненно, он умрет, но умрет вместе с русским народом, ибо паразитыдохнут после гибели организма, который они грызут и подтачивают, если их не удалить, а отсюда долг наш, святая обязанность наша, не ожидая трубы свыше или изживания большевизма самим себя, протянуть измученному народу, стонущему под игом шайки каторжан, руку помощи, который, вне всяких сомнений, этого ждет, хотя бы, как я сказал выше, и с некоторым нарушением цельности отдельных частей Родины; то есть отламывать по частям, а может быть, и за счет этих частей.

Какая же сила может помочь это сделать? На Западе сделает Запад, и о нем нужно сказать отдельно, а на Востоке, решая вопрос принципиально: можно ли согласиться с тем, чтобы Великая Россия осталась СССР, и, отвечая безусловным — нет, нужно принять «из двух зол меньшее».

Человек, общество или государство, когда затрудняется, или не в состоянии бороться с осложнениями, или справиться с противником, прибегает к посторонней помощи и комбинирует это в виде союзов, кооперации, найма и других соглашений.

Вот мы и рассмотрим эти комбинации:

1) Союз может быть только между физическими и юридическими лицами, если не равнозначными, то по крайней мере что-то значащими;

2) Кооперация — между теми и другими, но с установленными кооператорами, для общей пользы, паевым и членским взносом материально или личным трудом;

3) Наем может быть учинен только лицами, имеющими средства и т.д. К какой же группе можем мы, сыны Великой России, патриоты, быть причислены?

Если смотреть поверхностно — ни к какой, ибо мы теперь кажемся бессильными, беспомощными, ничего у себя не имеющими, жалкими...

А если на этот вопрос посмотреть серьезно, с точки зрения необходимости освобождения и возвращения России и хотя части былой мощи и славы ея, а значит, и спасения человечества, то мы можем и должны выполнить условия любой из предложенных выше возможностей и даже вместе взятых, ибо, как бы на нас ни смотрели, мы все-таки не перестали быть русскими, которые не раз спасали гнилой Запад и выходили из тягчайших положений; почему я считаю, если мы, сыны тех Великих русских людей, которые создали Великую Россию и кои передали нам это колоссальное наследство, мы, промотав его, должны стремиться к восстановлению его — оно не благоприобретенное, а родовое потомственное — оно принадлежит не только нам, а и нашим детям. Кто же может быть наш союзник, кого мы можем заинтересовать своим участием?

На этот вопрос можно ответить прямо и открыто: наши союзники — государства, не заразившиеся недугом коммунизма и более всего Страна восходящего солнца, то есть Японская империя как единственное в мире государство, сохранившее традиционный образ правления, свою доблестную

армию, которая не потеряла еще способности исполнять волю своего обожаемого монарха — императора, которая способна воевать и защищать свои традиции, и к тому же это государство является для советско-еврейской власти главным ненавистником, главной крепостью, на которую большевики устремили свои взоры и ведут главное наступление, готовя ожесточенную атаку, не жалея ни средств, ни жертв, не брезгая ничем, и, как Иуды, предают их. Следовательно, нужен союз Восточных государств — и мир спасен. И непосредственно соприкасающийся с очагом коммунизма Китай, который на целые полдесять тысяч верст соприкасается к зараженному этой болезнью району и который уже борется с этим злом и старается устроить карантин, но все-таки по всем щелям эта зараза проникает и ширится по всему Китаю, особенно в полосе отчуждения КВЖД.

А чем мы можем быть полезны для нашего союзника, или что мы можем внести в будущую кооперацию, какой паевой взнос, или чем мы можем компенсировать возможную поддержку нас?

О, мы можем весьма и весьма быть полезны для нашего союзника, мы можем оказать колоссальнейшую услугу, мы можем внести громаднейший паевой взнос как материально, так и личным трудом, мы можем сделать для союзника несравненно больше, чем он для нас, — мы можем спасти его от неминуемой опасности и даже гибели... и только мы. Подойдем к этим вопросам поближе. Большевизм — мировая опасность, и он уже охватил половину земного шара, и преступный элемент в союзе с несознательной частью народа безжалостно разрушает все, что встречается на его пути, и этой моровой заразной болезни нужно положить предел, карантин, нужно лечение, и, как это бывает всегда полезно, если лекарство не помогает,

необходимо для спасения больного прибегнуть к хирургическим приемам, к удалению гниющего члена или к вырезыванию больного места, от которого идет заражение, и вот мы при этих операциях блестяще можем выполнить роль санитаров. Как люди уже испытывшие и перенесшие эту болезнь, страшнейшую и опаснейшую из всех заразных болезней, мы знаем все ее заразные очаги, мы знаем, как она начинается, мы изучили все ее симптомы, мы великолепно по этим признакам можем определить точно, в каком периоде эта болезнь находится, и мы безошибочно можем разобраться и указать, кто неизлечим, а кому необходима операция.

Троцкий в марте 1918 года, на имя Каширина в Верхнеуральск телеграфировал: «Не жалейте валежника, жгите и уничтожайте его и в пожарище извлекайте только нужное и полезное для нас, не жалея сотни, приобретем миллионы»; и он оказался прав — результат перед глазами: операция и правильный диагноз заставил молчать многих. «Цель оправдывает средства».

А если государства будут стремиться излечивать ее только у себя домашними средствами — ничего не получится; это все равно, если мы будем срезывать сучья у тополя, на этом месте весной появится их еще больше, и вместе одного — целый пук, а нужно уничтожить корень и выбросить его, и если мы будем уничтожать одного больного или изолировать его, то вызовем сострадания в окружающих, создадим паломничество и кучу последователей, следовательно, нужно уничтожить очаг, распространяющий эту заразу, — корень ея, а этот корень, этот очаг — Москва, что можно сделать только при нашем участии, и тогда только эта болезнь может заглухнуть, и человечество может получить спасение и нормальную жизнь.

Что же для этого нужно сделать?

Говорят, Японии нужен рынок; да, это верно — нужен, но это после, потом, а сейчас Японии нужна Япония, и, следовательно, главные заботы ее должны быть направлены к сохранению цельности и неприкосновенности ее, к недопущению к границам ее заразы, необходимо выставить вне пределов государства карантин, а принимая во внимание изложенное и борьбу со стихией, плотность и прирост населения, Японии нужна территория, Японии нужен выход на материк, ей нужны добрые и благонадежные соседи, каковыми должны быть только мы, переболевшие этой болезнью, и Китай, который уже болеет, температура 40, пульс усиленный, заражение идет быстро, и мы видим, что нужны экстренные меры, нужен консилиум, на который необходимо пригласить нас, и этот союз будет стражем, будет карантинном, буфером, благо территория есть, и очень соответствующая; этот союз послужит ядром — основанием для организации мирового белого интернационала, он будет якорем спасения мирового корабля, к нему могут примкнуть и другие народы, если они будут удовлетворять условиям, выработанным при заключении этого союза, а это несомненно, и тогда мы подружим и выбросим корень.

Япония, Китай и русская эмиграция совместно с антибольшевистской частью Русского Дальнего Востока неминуемо должны будут заключить этот союз, если не опоздают.

Эти стороны как раз имеют полную возможность и крайнюю в этом необходимость, и они, безусловно, выполняя условия, указанные выше, ибо одна сторона имеет то, что не имеет другая, а при соединении этих возможностей получается одна грандиозная и непобедимая сила, которая явится общим спасителем как самих союзников, так и всего культурного мира от шайки разрушителей и угнетателей человечества.

Цель союза — охрана политического равновесия вообще и на Дальнем Востоке в особенности, а подробный устав союза, вернее условия соглашения, вырабатывается представителями сторон, причем должны быть точно и определенно указаны права и обязанности договаривающихся; проект возможного договора я приблизительно предвижу и конспект такового, конечно, можно предложить только по принципиальном согласии начать переговоры.

Я знаю, что найдутся люди, особенно из членов бывшей Государственной думы, кои могут усмотреть в моем проекте стремление к частичной продаже Родины, но эти люди прежде всего будут, что называется, «сваливать с больной головы на здоровую». Родина уже продана оптом и она распята, дни ее сочтены, следовательно, словоговорением теперь заниматься нехстати, и неуместная фраза Родзянко, помещенная им в феврале 1917 года в телеграмме царю, которой он возвел Россию на Голгофу: «Промедление смерти подобно», только теперь может быть уместной, ибо действительно медлить нельзя, преступно, невинная кровь наших братьев и неумолимый царь-голод требуют от нас немедленных жертв и немедленного исполнения своего долга.

Русский народ, устами бессмертного П.А. Столыпина, сказал Государственной думе: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна Великая Россия», а преступная часть ее, с представителями Гучковым и Шульгиным, не постыдились выполнить роль предателя нашего Отечества; они, обманывая царя, обманывали и нас, они и теперь озабочены «исканием способа спасения Великой России» и, оттягивая время, затянут петлю не только на шею русского народа, которому они должны дать отчет о своих действиях и поведении, и, прежде чем они это сделают и получают амнистию, помощь их должна быть отвергнута — они накинут петлю и на весь мир.

Русские люди должны серьезно призадуматься над этим вопросом и из множества дорог, ведущих в Россию, избрать более верную, а может быть, и окольными путями, и чем скорее, тем меньше погибнет нашей братии, а любители покритиковать пусть пока от нечего делать займутся этим и вместе с критикой укажут практический выход, немедленный выход, и, если он окажется лучшим, я уверен, что он будет принят с радостью.

Я уверен и в том, что население, находящееся в СССР, будет несоизмеримо радо избавлению их от шайки разбойников каким бы то ни было способом и в этом деле будет усматривать шаг вперед, а не топтание на месте, ибо ни временная власть, ни интервенция, даже переход в подданство к иностранной державе не могут быть сравнены с теми ужасами, какие испытывает великомученик русский народ, и поэтому он, как бы ни назвался или как бы его ни назвали, будет рад получить право на жизнь, на свой труд, на свою собственность и встать снова в ряды великих держав.

Все государства, особенно Китай и Япония, напрягают колоссальное усилие в борьбе с коммунизмом и распространением пролетарского лозунга и агитацией в пользу его, производят обыски, конфискации, аресты и целыми возами отбирают агитационную литературу, и это они делают одной рукой, а другой как будто бы допускают ее к распространению: я беру всякую политическую агитацию пролетарского СССР... где они призывают к объединению против империалистических государств, против «буржуазных» предрассудков религий и против существующих порядков в странах, проповедают классовую борьбу... так зачем же одну бумажку конфисковать, а другую поощрять, хотя содержание их совершенно одинаково: возьмите монету СССР — там сразу прокламация, сразу агитация, сразу призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», это что

значит? Для чего это все сделано?.. А для того чтобы заманить и спровоцировать легкомысленных, а зачем это СССР безнаказанно призывает не только своих голодранцев, из коих она теперь состоит, а зовет пролетариев всех стран к соединению, с целью создать мировую гольтббу, а потом сделать со всем миром то, что сделали с величайшим государством — Россией, разрушить, уничтожить, а кто это с легким сердцем может проделать? Тот, кому нечего терять. Вот СССР их призывает и травит. Почему не конфискуются эти прокламации, почему пропускаются и распространяются эти агитки, почему ни Америка, ни Япония, ни Китай, ни европейские государства не пишут на своих монетах никаких лозунгов, никакого призыва, а только достоинство монеты, год изготовления, гербы... И только, ибо это монета — это обязательство данного государства, а не агитка... Неужели еще не узрели сильные мира сего, куда вы идете и ведете народ свой? Вы разговариваете с эсэсэсровскими полпредами, консулами и другими «представителями», а кто они? Они говорят от имени русского народа, а уполномочивал ли этих типов русский-то народ, ибо СССР не Россия и не русский народ.

Читая газеты и слушая отдельные мнения и споры о СССР, о России и о какой-то русской революции, я поражаюсь и все стараюсь найти эту революцию, где она эта «бескровная» и по каким признакам ее отыскать? Ведь революция есть недовольство народа, подчеркиваю — народа, существующей верховной властью, и результатом революции всегда является свержение такой власти, и изменение формы правления, и, наконец, избрание тем же народом уже приемлемой для него власти, и утверждение им конституции, а страна остается принадлежащей тому же народу, той же нации с теми же национальными именами, правами и обычаями и никогда не распространяет

прав на душу человека, ибо смысл революции — освобождение души человека, и если бы это произошло, то революция налицо.

Возьмем, например, Францию — была французская монархия, произошла революция, в результате — Французская республика, французская власть, французская нация, французская политика, свободная религия с ее обрядами и т.д. Была Китайская империя — с ней произошло то же: Китайская Республика, китайская власть, китайская нация, китайские обычаи, все китайское и свободная душа человека — религия с ее обрядами, и вообще революция — народ изменяет только форму правления, осуществляет свои права, не производя ни над кем насилия.

А что произошло с Россией? А вот что: шайка не имеющих своей родины, везде гонимых и ничего не теряющих нерусских людей при благосклонном содействии небольшой кучки предателей из русских, спровоцировав русский народ перед царем, а потом обманули и царя, создали как повод к недовольству искусственную голодовку в Петрограде, а царь, отвлеченный войной с внешним врагом за славу Великой России и благополучие своего народа, этого не видел и видеть не мог, ибо эта кучка окружила его своими людьми, притворившимися «верноподданными», и докладывала ему ложные сведения, скомбинированные негодяем Родзянко, Керенским, Гучковым, Шульгиным и К° при преступном согласии Алексеева, Рузского и разных Даниловых... Великий русский законный повелитель, видя еще коленопреклоненного своего человека, поверил этой преступной шайке. Ну где же тут революция, где же тут желание народа, где недовольство его царем, где русская республика, как результат революции, где русская власть, где русская нация, где душа народа, где религия и, наконец, где вообще Россия,

кто ей управляет?.. Я — русский человек, никакой революции в России не признаю, да ее и не было. Она грядет и непременно будет, и очень скоро, ибо народ изнемогает, тоскует по России — по своей матери...

В России был бунт кучки преступников, обманувших царя-мученика и русский народ, которая разрушила Русское государство, вынула душу русского человека (и говорит, что этого он сам хочет), закабалила его, морит голодом, прокучивает русское, веками нажитое русским народом и сбереженное русскими царями достояние и даже не желает России оставить ее имя, а назвала каким-то поганым нерусским именем СССР, вычеркивает это имя из истории, имя величайшей из великих держав.

Это говорю я не один, а со мной 90% русского народа и весь мир. Всякое возникшее правительство на основе желания народа, а не на насилии признается всеми государствами немедленно, а СССР власть ползает, пресмыкается, всякими разными хитростями вымаливает признания, но, увы, пока и в СССР держится только террором, значит, власть не русская, не законная, не прочная и в скором времени будет русским народом свергнута. Это будет революция.

Незаконность ее еще доказывается и тем, что всякий законный наследник, получая наследство и вступая в его управление, принимает на себя все права и ответственность (за исключением личной) наследодателя, а СССР присваивает только права, а ответственности не признает, ибо правители СССР — люди, не имеющие своего отечества и родины, мировые спекулянты.

ПРАВДА О КАЗАКАХ. ЖИЗНЬ КАЗАКА КАК ОНА ЕСТЬ

Избранные статьи и речи. Харбин, 1937 год

Вступление

Цель моего доклада не заключается в том, чтобы дать перечень исторических справок о казаках, ибо таковые каждый имеет возможность видеть в истории, но я хочу познакомить (если кто не знаком) с самим казаком по его существу, политическим взглядом, воинской повинности, правами, особыми обязанностями перед государством, его гражданским управлением и самой жизнью, на казака смотрели и смотрят: казак богат, землевладелец, пользуется льготами, мало работает, неспособен и т.д. Вот мы и посмотрим, так ли это.

Беседа с генералом Драгомировым

В 1898 году, в местечке Межибужье Кременец-Подольской губернии, командующий войсками Киевского военного округа генерал М.И. Драгомиров, обращаясь к казакам в гарнизонном собрании, сказал:

— Как это так, вы, казаки, по распространенному мнению, являетесь не что иное, как продукт протеста против Московского царского правительства, а теперь главный оплот того же правительства?

На мою долю выпало дать ему ответ, и я доложил, конечно, в присутствии командира нашего полка полковника Шейх-Али и с его согласия:

— Ваше высокопревосходительство, казак любит царя, был и есть ему верен, никогда не протестовал против царя и его приказов, в чем бы они не заключались, но окружение его (правительство) всегда стремилось не только к умалению значения казачества, а даже к полному его обезличению, однако не упраздняя его совершенно, ибо в душе все-таки признавали, что на случай невзгоды казаки необходимы, почему они — казаки — и не старались по возможности выйти из сферы непосредственного влияния этого окружения, а сердцем свято чтя царя как помазанника Божия и безоговорочно стараясь верно служить ему до позднейшего времени.

Выражая якобы неудовольствие по адресу правительства, я сильно волновался и боялся, что я совершаю государственное преступление, так как передо мной сидит не только командующий войсками, а и генерал-губернатор Юго-Западного края, и я не знал, как он отнесется к моему докладу, но генерал Драгомиров, обратив внимание на мой доклад и немного помолчав, сказал:

— Я вас вызову.

После такого заявления генерала я еще сильнее задумался и задавался в мыслях, чем это может кончиться, и в следующий приезд его действительно я был вызван, и генерал-губернатор засыпал меня вопросами, особенно налегал на жизнь казака в войске на льготе, предупреждал меня, чтобы

я ему не говорил того, что пишут разные «щелкоперы» (выражение его), а он хочет знать, как живет казак на льготе, как служит, что за это имеет от государства, какие льготы, срок службы, предельный возраст, почему казак с трудом усваивает приемы устава кавалерийской службы, не является ли такой устав ломкой естественных качеств казака и что бы мог я указать невыполнимым для казака в уставе и т.п. Получив такую кучу вопросов, я, конечно, немного смутился и думал, что я с этой задачей не справлюсь. Генерал, видя мое смущение, подбодрил меня:

— Ты не смущайся, говори только правду, а за правду ни секут, ни рубят.

— Жизнь казака нелегкая, ваше высокопревосходительство, — начал я, — сплошной военный лагерь, казак жизнь строил себе сам и как будто бы государству ничем и не обязан, но, несмотря на это, результаты своих тяжких трудов и переживаний все-таки охотно повергал к стопам его величества.

И я попросил генерала дать мне хотя 1—2 дня перерыв на то, чтобы я мог составить конспект ответов на предложенные им вопросы, генерал согласился. Последствия моего доклада увидим ниже.

Примечание. Что относится к событиям после 1898 года, генералу Драгомирову, конечно, в доклад не вошло.

Возникновение казачества

О времени возникновения казачества на Руси история точного указания не дает: казачество — это еще страницы русской истории не читанные, а только лишь перелистанные. С казаками русские люди познакомились только в изгнании и только

после того, как о них громко заговорили иностранцы, а высшие русские правительственные сферы никогда не имели твердой, определенной, отвечающей интересам России казачьей политики, и казачий вопрос возникал обычно в периоды внутренних неудач и политических потрясений или в военное время и замирал в годы мирной, спокойной жизни. Казаками пользовались как специальной военно-полицейской силой и забывали о них в моменты проведения полезных реформ, и правящая интеллигенция — западнически настроенная — даже старалась сторониться казаков, когда не было невзгод. Почему и не читалась в массе история казачества.

Но, во всяком случае, когда Москва была еще только одним из улусов Великого Хана, имеющего резиденцией своей Хан-балу (теперь Пекин), казачество уже существовало; к этому же времени нужно отнести и утверждение московского самодержавия, Цаган-Хана, то есть Белого хана Московского, наследника Великого Хана Востока с 1264 года. А позднее казаки упоминаются в составе вооруженных сил князей, Литвы и Польши. В XVI веке уже упоминаются на юге: Малороссийское и Запорожское войска, на юго-востоке: Донское, Гребенское, Терское, Волжское и Яицкое (Уральское) войска, земли которых, соприкасаясь друг с другом, охватывают кольцом границу Московского государства. Я говорю «упоминаются», но казачество в этих местах появилось несомненно раньше, ибо в Терском войске были знамена с эмблемой Вольного Новгорода — «Медведь с крестом» и Рязанского княжества, указывают, в какую эпоху они осели на Тереке, а также и казаки на Дону, ибо при образе Гребневской Божией Матери на Лубянке, в Москве, на камне высечено, что князь Димитрий Донской после Куликовской битвы принял этот образ в дар от казаков в верховьях Дона. Официальное же старшинство Терское войско

ведет с 1577 года, когда на Тереке по просьбе кабардинских князей появился воевода Новосильцев, посланный царем Иваном Грозным, и при впадении реки Сунжи в Терек заложил городок и назвал Усть-Сунжей.

Оренбургское войско было еще в 1548 году, с Войсковым атаманом Василием Могутовым.

А в 1574 году воевода Иван Нагой заложил Уфимский острог при Иване Грозном, в празднование Великомученика Георгия.

Все эти казачьи общины устраивались на началах полного равенства, и древнее русское «вече» названо Войсковым кругом или Радой, и выбирали себе главу: Войскового атамана — в Юго-Восточном казачестве, Кошевого атамана — в Запорожском и гетмана — в Малороссийском. Все постановления Войскового круга для всех были законом и к исполнению обязательны. Так как эти общины селились в местностях, занятых азиатскими народами, в борьбе с которыми приходилось постоянно отстаивать свое бытие, то каждый казак должен уметь хорошо владеть оружием, быть хорошим ездаком и воином, чтобы постоять и за себя и за свою общину.

Не имея возможности с точностью заниматься откапыванием происхождения казачества, я все-таки скажу, что оно собой представляет: казачество — плоть и кровь многих народностей, ибо, когда зарождалось и развивалось оно, русская мать, по обстановке и условиям всей жизни казака, проникнуть на границы России в достаточном количестве не могла, почему вся женская половина комплектовалась на юге России — на Диком поле — из полонянок, турчанок, черкешенок, персиянок, калмычек, а у северных еще и киргизок, татарок и др. Да и мужчины представляли собой смесь различных народностей с преобладанием русского элемента, на что указывают язык,

культура, вера и прочее. Из кого образовалась первая ячейка казачества, история тоже не дает точного ответа, но можно предполагать, что немалую роль в этих зачатках играли татары, ибо имя первого казачьего атамана — Сары-Азман — вполне это подтверждает, а также среди казаков много таких фамилий: Юсупов, Татаркин, Урусов, Мурзан, Ногаев, Мамаев, Турчанинов, Калмыков и т.д. А также и названия местностей, городов и рек, например: река Тургай и город того же имени означает «Жаворонок», город Карабутак — «Черный сучок», река Якши ак-жар — «Красивые, белые берега», Уруськискан — «Русские резали» (битва), Бирсуад — «Дай воды коню», Кара-суу — «Черная вода», Ташбутак — правильно «Каменный сучок», но если это относят к реке, то «Каменный ручеек» (родничок), гора Батыр-тау — «Богатырская гора» (жилище силачей), Куян-тау — «Заячья гора», село Акмечеть — «Белая мечеть», Алабайтал — «Пегая молодая лошадь» (кобылка), выборный от общества представитель аксакал — «белая борода» и т.д., показывают, что эти названия или остались после кочевников, или даны самими казаками, ибо мусульманским языком почти все казаки владеют.

И нерусская кровь влила в казака немало своих особенностей, особенностей довольно ценных. Казаки свое название приняли от татар, и раньше они известны были под названием «бродников». Обстановка, которая требовала от людей энергии, силы, храбрости, неустрашимости, взаимной поддержки, организации... выращивала людей свободных, не знавших крепостничества, не исковерканных, вырабатывала в них способность и решимость брать оружие в защиту своего права, умение добровольно и беспрекословно исполнять и уважать приказы избранных своих вождей-атаманов и организованно действовать, привлекала туда только лучших людей, сильных духом и

волей, кои и уходили на окраины государства и там сами устраивали свою жизнь. Находясь в соседстве и постоянной борьбе с кочевниками, кои захватывали у казаков скот, имущество и даже женщин и детей. До последнего времени старые казаки иногда, вспоминая эту жизнь, поют песенку одной казачки, которая была в плену у еппасов (киргиз-переселенец) и, качая в люльке своего малютку, пела: «Злы киргизушки во полон берут, злы киргизушки полон делят, кому золото, кому серебро, кому красавицу жену, спи ребеночек, по батюшке киргизеночек, а по матушке казаченочек».

Конечно, и казаки в долгу не оставались. Эта пленница в конце концов была вырвана из рук кочевников казаком Степаном Плаксиным (по кличке Степан Разин), да он и похож был на него — красавец, богатырь, высокий ростом, стройный... Киргизеночек при святом крещении назван был Андреем (сын Стеньки Разина), впоследствии лихой казак, наездник и гроза еппасов.

Эти события, если можно так выразиться, происходили в пределах земли области оренбургских казаков, и эта беспокойная жизнь была и у соседей-сибирцев. Следовательно, казачество возникло из сливок людей разных народностей, населяющих Россию, и является потомками не «голытьбы Стеньки Разина», как это говорят некоторые из бумагомарак-интеллигенции, пишущих со стенки своих кабинетов, а много раньше. Ибо казаки не были избалованы вниманием русской интеллигенции, которая расценивала казаков как элемент враждебный и, с их точки зрения, государственно вредный — тут получалось «с больной-то головы да на здоровую», и теперь в этом каждый убедился и видит гибель своей родины в заблуждении, чтобы не сказать больше — гнилой интеллигенции, отколовшейся от массы русского народа. Но казачья интеллигенция держалась

близко к казаку и жила, что называется, «душа в душу», одной жизнью, и между ними не было разницы, и семья казака сохранилась и доселе и во время «революции» (слово «революция» я ставлю в кавычки, ибо считаю, что в России революции не было — скажу ниже).

Революция — это есть насильственное свержение существующей власти как результат народного негодования, народного недовольства против этой власти, накопленного десятками лет и более, а у нас на Руси этого не было, и сведения об отречении государя от престола как в населении, особенно в армии, получены были с недоверием, и недоумением, и с глубоким сожалением, выраженным в большинстве слезами, особенно в казачестве, а в России произошел просто-напросто бунт хулиганской кучки Государственной думы, поддержанный генералами-изменниками Алексеевым, Рузским и др. проходимцами, типа Лукомского, что видно из телеграммы Алексеева от 2 марта 1917 года в 10 час. 15 минут всем главнокомандующим фронтами, чтобы не посвящать армию и население в задуманный ими преступный план переворота, где он говорит: «Их должно избавить от участия в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху».

Где же здесь народ, а значит, и революция? В Петрограде рабочий бунт, возглавляемый изменником Родзянко, и самочинно возникший Совдеп, возглавляемый каторжником Ульяновым (Лениным), покровительствуемый выпензенными преступниками, и, наконец, признаки революции, таковы, как говорят факты, например: Французская революция: была французская монархия — стала французская республика, французская власть, французская нация, французский народ — все осталось французское. Была китайская монархия — стала китайская республика, китайская власть, китайская нация, китай-

ский народ и т.д., а где русская республика, русская власть, русская нация, русский народ?

Генерал Сахаров в своей телеграмме генералу Рузскому, тоже 2 марта 1917 года, говорит: «Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя, а разбойничья кучка людей, именуемая Государственной думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей... Горячая любовь моя к его величеству не допускает меня мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного Вам от председателя Государственной думы...

Командующий Румынским фронтом генерал *Сахаров*».

Эта телеграмма показывает, что генерал Сахаров не был посвящен в заговор, предусматриваемый статьей 99 уголовного закона.

Казак грустит по власти... Но он добьется желанного, и тихо, скромно ведет свою работу во главе с атаманом Семеновым, и подготавливает уже не бунт, а настоящую национальную революцию, и свергнет каторжан, засевших в древней столице — златоглавом Кремле. Жизнь забайкальских казаков тоже не отличалась спокойствием, особенно при наплыве ссыльного элемента, последнее время всевозможные осложнения на границе сильно отвлекали казака от насущного и заставляли быть настороже. Всем известное, так называемое боксерское движение в Китае, охрана полосы отчуждения Китайской Восточной железной дороги и, наконец, большевики дали казака атамана Семенова. Атаман своей организацией особых отрядов в Забайкалье дал возможность русской белой армии пройти в Китай и там, приютившись, устраивать свою жизнь русской эмиграции, кои и живут под защитой Маньчжоу-Ди Го, твердо помня, что это временное пребывание является только отдыхом, после

когого все русские люди с казачьим авангардом пойдут на спасение гибнущей России.

Правда, казак любит свободу, но он понимает эту свободу не так, как понимает ее часть населения России в виде интеллигенции и пролетариата. Казак мнит себя вполне свободным только тогда, когда над ним стоит законная, твердая и лучше единоличная власть, которая, заботясь о нем, всегда ограждает полную его свободу законных действий. Казак скучает по свободе, то есть по власти, и до сих пор оплакивает тот момент, когда он лишен был возможности сказать царю: «Тебя, великий государь, проходимцы Гучков и Шульгин и предатели Рузский и К° обманывают, а мы с тобой, повели указать им надлежащее место».

Но да будет Воля Твоя, говорит казак и ждет. Казак жил 90% своей жизни для государства, и та боевая кузница, выковывающая боевой материал для государства, именуемая станицей и доставляющая его по дешевке, и сейчас в любую минуту возьмет на себя эту работу, ибо казак — верный сын Родины — Великой России и слуга царя. В начале XVII века казачество достигает полного развития, но со вступлением на престол Алексея Михайловича московское правительство, чувствуя себя достаточно сильным, начинает менять свое отношение к казачеству, подготавливая меры по подчинению его центральной власти, а с императора Петра I начинается полное подчинение казачества, и мера эта вызвала недовольство, вылившееся на Дону в восстание Булавина, которое было жестоко подавлено, много казачьих городков было разорено до основания, часть донских казачьих земель была присоединена к соседним губерниям. Атаман Некрасов с частью казаков ушел на Кубань, а затем в Турцию. Правительство императора Петра назначало и утверждало атаманов, стало ограничи-

вать их власть и вмешиваться во все их внутренние дела, взяв в свои руки устройство управлений. Наказными атаманами назначались люди, незнакомые с казачеством, появились областные управления, в которых заправляли всем чиновники и большей частью не казаки, и так продолжалось до позднего времени, и царю об этом не докладывали. Казачья общественность видела, что казачество идет к упадку, и напрягала все усилия к возврату самоуправления и привлечения к работе казачьих сил, чтобы поднять хозяйственную жизнь. Были некоторые и наказные атаманы, видевшие тяжелую жизнь казака, писали в центр необходимые доклады, но такие причислялись к разряду «беспокойных».

С 1917 года казачество снова начинает творить свою жизнь по своему разуму, без всякой опеки центральной власти, и все-таки оно не опьянилось лозунгом свободы, ибо самобытные начала жизни сумели воспитать в казачестве чувство долга перед Родиной, и в дни государственного развала и распада казачество оказало организованное сопротивление анархии и не приняло коммунистического Октября, вступив в борьбу с насилием большевизма, во имя свободы Родины. И с тех пор и до сего дня борется за этот символ свободы. И история казачества, хотя еще не прочитанная, а только перелистываемая, уже видна из этой части — история величия России. И в то время как многие из высшего офицерства в 1918—1920 годах кутили в Харбине и других пунктах или, забавляясь, занимались стратегией и тактикой на расстоянии 1000—1500 верст от фронтов, группы храбрых казаков-патриотов героически сражались в отрядах казака атамана Семенова в Забайкалье, а в 1918—1919 годах в Оренбургской и Уральской армиях, играли самую выдающуюся роль полки, прекрасно сформированные самими казаками.

Гражданское управление

По высочайше утвержденному положению об общественном управлении казаков должно быть самоуправление, то есть атаманы и другие лица общественного управления должны быть избираемы самими казаками и, главное, из казаков же, и эти выборные атаманы подчиняются главному управлению казачьих войск в Петрограде, с начальником во главе, и, конечно, было бы целесообразнее, если бы он был тоже из казаков, но, сознавая некоторую самостоятельность казаков, правительство этого не делало — опасалось, и казаки это вполне понимали и охотно подчинялись не за страх, а за совесть, имея в виду волю царя, а что было с атаманами — сейчас увидим.

Наказные атаманы, атаманы отделов — не казаки, а с высоты престола, еще раз повторяю, было возведено положение об общественном самоуправлении в казачьих войсках, на началах выбора, а на деле было не так. В 70—80 годах в Оренбургском казачьем войске наказными атаманами и атаманами отделов были не только не казаки, а даже и не русские, Фон-Зенбуш, Фон-Виннинг, не умеющие даже говорить по-русски, а позднее барон Таубэ, Бирк, Абром-Пальский и т.д. Чего могли ожидать казаки от этих фонов и баронов, они слабое представление имели о русском человеке вообще, а о казаках и говорить не приходится.

Казачество постепенно падало не только материально, а и морально. Традиции казака этими немцами осмеивались, а нужно сказать, что казак силен своими традициями, своим прошлым, в своей жизни он имеет союз не только с живыми, но и с мертвыми. Он свято чтит заветы своих предков. Бойся Бога, повинуйся царю, уважай начальников, слушайся старших, чтить отцов... Назначение атаманов вызывало в казаке глухое него-

дование, но он говорит: «Так царю-батюшке угодно», и в то же время он понимал и чувствовал, что царь-то дает свой приказ атаманам быть таковыми.

Наказный атаман, он же губернатор не мог справедливо управлять двумя корпорациями, интересы и жизнь коих сильно расходятся, и губернатор решал вопросы всегда не в пользу казака, ибо он не понимал его — он не казак. Эти губернаторы (в Оренбурге), живя в знаменитом Караван-Сарае, совсем о казаке и не думали. Известный Сухомлинов (старший брат военного министра), впоследствии степной генерал-губернатор и командующий войсками Омского военного округа и Войсковой атаман Сибирского казачьего войска «со всеми последствиями», давший оренбуржцам атаманов отдела не менее известных. Серова — теперь подданный СССР, Зелено — базарский домовладелец, Евдюкова, готовили Анисимова, но не успели — это были их лакеи. Казаку протестовать было не по духу — он молчал. Отношение к казаку этих атаманов было самое непростительное — сплошное унижение казака и издевательство над ним.

Был такой случай. В Японскую войну сотня оренбургских казаков есаула Тырсина была окружена японцами и несколько казаков попали в плен, в числе коих были мои станичники. Падерин, Яковлев и Малмакин, последний был убит, а другие двое были увезены в Японию, а по заключении мира — вернулись в свою станицу, казак верен присяге и страшен противнику и даже ненавистен.

Вернемся к атаманам: после войны атаман отдела через атамана станицы Аширина прислал атаману Арсинского поселка, где жила вдова Малмакина, предписание о взыскании с нее за пропавшую с ее мужем винтовку 19 рублей 50 копеек, а о его пропавшем коне, снаряжении и вместе с ним обмундировании — ни слова; она пришла ко мне и со слезами про-

сила меня написать от имени ее прошение на имя атамана отдела с просьбой об оценке принадлежащего Малмакину коня, снаряжения и обмундирования, пропавшего с ним на войне и, удержав требуемые 19 рублей 50 копеек за винтовку, остатки выдать ей и не найдет ли возможным атаман отдела указать ей подходящего казака, который заменил бы ей мужа, а детям — отца. И я прошение это написал, вдова подала его атаману, и этим вопрос был исчерпан, и все замолкло.

Были в Оренбургском войске два хороших атамана отдела полковники Любов и Мелянин, казаки, и благосостояние казака при них улучшилось, появились у казаков садики, развилось скотоводство, удешевилось обмундирование и т.д., но казаком распоряжался губернатор и исправник, как крестьянином, атаман отдела ведал только строевым делом и даже не имел права без утверждения губернатора или исправника наложить на казака взыскание, и казак постепенно начал расказачиваться. Даже названия полков давались общеармейские, например: в Оренбургском войске был 3-й Уфимский полк, полк князя Кантузена и др., и слово «казачий» было вычеркнуто, и все это сильно било по самолюбию казака, и казак с терпением истинного слуги царя и Отечества молчал, имея в виду, что царь это все-таки заметит — и отменит, — и это было сделано. И царь Александр III действительно это увидел, и высочайшим указом власть исправника над казаком была упразднена, а казак атаман остался.

Воинская повинность

Воинскую повинность казак отбывает так. С 19 до 21 года считается в подготовительном разряде, собирается в станицу раз в месяц на одну неделю для обучения езде, владению

оружием, стрельбе дробинками, изучения сигналов, для чего назначаются за счет войска особые инструкторы, трубачи, наблюдающие за обучением офицеры, конечно, ни за время, ни за обмундирование, вооружение и коня (а бедный казак берет коня в аренду) никаких субсидий ниоткуда не давалось. Я сам долгое время был во главе обучения молодых казаков в войске, во 2-м отделе, а в полку в молодости начальник учебной команды, 21 года, казак поступает в строевой разряд, в коем пребывает 12 лет, из коих 4 года в 1-й очереди служит в полку, 4 года состоит в полку 2-й очереди — отбывает лагерные сборы с полным обмундированием, снаряжением, вооружением и конем...

Бедный казак живет в работниках и на это ремонтирует обмундирование, снаряжение и кормит коня, потом переходит в полки 3-й очереди и состоит 4 года (о его исправном выходе на службу ниже), и, наконец, запас 5 лет, на случай пополнения в военное время. Эти сроки установлены для нормального пополнения, то есть для мирного времени, а во время же государственной невзгоды — войны — казаки обязаны оставаться на службе до тех пор, пока будет требовать государственная надобность (статья 26 Устава о воинской повинности казаков); предельного возраста у казака нет — служат до полного бесилия.

Казак с 15—21 года вносит в станичную кассу, если есть, средства свои, или живет у хозяина в работниках, около 150 рублей на предмет обмундирования, снаряжения, а коня или вырашивает своего, или покупает в среднем по 120 рублей и к выходу в полк затраченный капитал составит 356 рублей. А мелочь заводится хозяйственным способом: белье, нож, ножницы, иголки, нитки, если он женат — зарабатывает и справляет жена, а если живет в работниках — помогают хозяйки, родственницы или сестры... Содержание лошади в

год самое меньшее — 60 рублей, а за 4 года — 240 рублей, с процентами — 270 рублей. Итого 626 рублей денег. По 12% в год — 4 года в полку — 701 рубль 12 копеек, это за один год, 2-й год — 845 рублей 25 копеек, 3-й год — 946 рублей 68 копеек и 4-й год — 1060 рублей 28 копеек. Лошади к выходу в полк 5 лет и 4 года в полку — 9 лет.

Казак возвращается в войско на льготу и состоит во 2-й очереди 4 года, никуда выехать из станицы нельзя — нет отпуска, ибо он должен отбывать лагерные сборы и кормить лошадь, живя в работниках, а зажиточные казаки, неся эти расходы, трудятся над своим хозяйством, а затраченный капитал с процентами к концу 4-го года выразится в 1060 рублях 28 копейках и за 3-ю очередь 4 года составит уже 1679 рублей 31 копейка, не считая содержания лошади за 8 лет по 60 рублей — 480 рублей; и если еще подсчитать проценты за эти 8 лет, это будет около 1000 рублей, и всякий даже не коммерсант, а рядовой владелец имущества это подсчитал бы, но мы остановимся только на 1679 рублях 61 копейке и содержание лошади без процентов — 480 рублей и закончим цифрой 2159 рублей 31 копейка. Казак все время должен иметь хорошее обмундирование и конское снаряжение, и многие из них заменяют новым или ремонтируют, и эти громадные расходы я тоже не подсчитываю, а что казак за это имеет от государства, увидим ниже.

Казаку 33 года — можно лошадь не иметь, и ее можно продать, как старую рабочую, или киргизам на мясо за 18—30 рублей, а в случае призыва на службу лошадь должен приобрести немедленно, узаконенного возраста и вполне годную. Казак переходит в запас на 5 лет — и ему 38 лет, и это все по нормальному, по мирному времени, и немало бедных казаков остаются холостяками и женитьба для них является чем-то особенным, ибо девушка-казачка считает позорным выйти замуж без взно-

са за нее ее родителям или родственникам, у кого она воспитывалась и на чьем попечении жила, условленного выкупа (выкладка, запрос, калым и т.д.).

Жизнь казака вся для государства, а для себя только после 40 лет, и то не лично для себя, а для общества, так называемые общественная повинность, десятники, сторожа, лесники, доверенные и т.д. до 55 лет, и, как я сказал выше, из-за лагерных сборов, а теперь из-за общественной повинности отлучаться из станицы не могут, а если кто и устроится, то ему половинная цена. Теперь каждому ясно представляется разница между воинской повинностью населения России от воинской повинности казака, первые выполняют эту повинность действительно как повинность, как обязательство, как кабалу правительства, мне много раз приходилось присутствовать при приеме солдат на службу воинскими начальниками, и молодежь шла как будто бы на какое-то несчастье, в какую-то пропасть, устраивала кутежи, в отчаянии устраивала драки, поножовщину, всевозможные безобразия и т.д., и жителям этого города, в районе расположения призываемых, приходилось по вечерам рано закрывать двери своих домов и не выходить на улицу, говоря: «Сейчас ведь набор новобранцев, выходить нельзя».

Молодежь являлась с провожатыми, кои учиняли различные комбинации, чтобы отвоевать своего питомца от службы Отечеству, а казаки у себя в станице составляют очередные списки и, помоляся Богу, идут на сборный пункт со своим верным конем и обмундированием и ни слова негодования, без слез идут в полк служить царю и Отечеству.

— Пришел черед, — говорит отец сыну, провожая на царскую службу. — Мы послужили государю, теперь твой черед. Вот тебе пика боевая — подруга славы и побед. А вот и пашка родовая — с ней бился я и бился дед...

А в армии на всем готовом. Выражая свои искренние мысли в песнях, где видна его душа: «Встанем грудью на неверных, с нами Бог и царь. Ура!...» и «Как со вечера наш атаманушко поздно спать ложился, а по утречку рано пробуждася...» или еще «Уж ты полечко Хивинское, ничего ты ни спородило, спородило только ковыль травынку, а во траве-то лежит дороженька, шириной-то она не широкая, а длиной — конца краю нет, никто по ней не прохаживал, но прошел-то, прошел атаман с полком». Это поют оренбургские казаки, последнюю песню — про Хивинские походы. А вот песни сибирских казаков: «Ревела буря, дождь шумел, во мраке молния блестела, и беспрерывно гром гремел и ветры в дебрях бушевали...» — про смерть лихого атамана Ермака, завоевавшего и подарившего московскому царю Сибирь.

Замена обмундирования или передача его родственнику или другому лицу не допускалась, а нужно брать новое, еще из подряда, с клеймом подрядчика, а старое — пастухам-киргизам, и все за бесценок, а также и конское снаряжение, седло 3—8 рублей, а взято от подрядчика за 40 рублей. И это все проделывали атаманы — не казаки. Вот так протекала жизнь патриот-казака, никому почти не известная и никем справедливо не оцененная.

Быт казака

Казак самобытен, он по своей природе человек государственно настроенный, в высшей степени дисциплинирован, он с 5 лет уже не пройдет мимо своего атамана или офицера, не отдав ему установленную честь, хотя уже и не по правилам — по-детски, но он чувствует, что это не ради шутки. Соблюдают форму одежды — мундирчик, гимнастерка, а у многих и пого-

ны, да шаровары с лампасами — и это до гроба, даже дряхлые старики при появлении атамана или офицера встают и прикладывают руку к головному убору. Атаманы — не казаки — этого не знали и было немало недоразумений. Например, атаман генерал Тюлин заметил одному офицеру-казаку, состоящему в отставке, почему он носит мундир, тогда как в указе об отставке о мундире ничего не говорится, на что получил исчерпывающий ответ, после которого больше с подобного рода вопросами ни к кому не обращался.

— Я, ваше превосходительство, ношу мундир не как отставной офицер, а как казак, ибо мундир я получил при своем рождении, это во-первых, а во-вторых, я точно исполняю приказ о соблюдении формы одежды казаками.

После этого офицер этот был вызван в штаб, где ему было предложено прочесть указы об отставке, в коих говорится о награждении мундирами. Здесь офицер получил строгое замечание за то, что он позволил себе в некорректной форме, указывая на генерала, выразиться так:

— Вы, ваше превосходительство, хотя и атаман, но положение и законы о казаках не знаете. Вот вы можете быть уволены в отставку без мундира, получив его только при поступлении на военную службу, и по увольнении таковой мундир может быть с вас снят, если не выслужили установленного срока, а с меня могут снять только по лишении меня казачьего звания...

Казак страшно любит коня, и даже по смерти его наследники, или родственники, или друзья ведут заседланного коня за его гробом, и конь должен провожать до могилы, и старинная поговорка казака: «Конь подо мной — Бог надо мной» никогда не умрет. Казак более религиозен, чем общая масса России. Выходя в полк, он идет вместе с конем мимо Божьего храма,

сам заходит в храм, молится Богу, просит благословения па-стыря и, выйдя из храма, снова берет коня, кланяется ему и, перекрестясь на образок святой, садится на коня и едет верхом, вдевши ногу в стремя.

Служба царю и Родине казака начертана самим фактом рождения в казачьей семье, мать еще в люльке, качая, завещала ему:

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье.
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье...
Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою... —

то есть не забывай завет своей матери. Казачья мать, посылая в бой за веру, царя, Отечество своего любимца, «не нюжила» и не откупала.

Не лишним будет здесь указать и на маленькое войско Иркутское, которое совсем и атамана не имело, а управлялось по городовому положению, и о казаке и его личной жизни и вопроса не поднималось, а ведь охрана-то ценнейшего государственного достояния, как то золотых приисков, складов и т.п., вручалась все-таки казаку, значит, опять казак как страж — элемент более цельный, благонадежный, и провокация к нему прививается не так легко. Казачество даже во время войны провоцировалось, даже в момент общей государственной, ска-

жу, смертельной опасности казаки под видом ошибки или небрежности снабжались негодным вооружением, как, например, генерал Володченко в Дальневосточном обществе ревнителей военных знаний в открытую и с насмешкой заявил, что у него в дивизии были казачьи части.

— Настоящая эскадра Небогатова, винтовки у них были кривые, патроны четырехлинейные... не по калибру и т.д.

На эту насмешку я ему заметил:

— Ваше превосходительство! Я рад, что пики, шашки, кони и сами казаки не были кривыми, а годными, а что касается винтовок и патронов, то эти предметы казенные, и это единственное, что казак имел от государства, и то негодное, это только еще раз подтверждает ненависть к казаку и неумелое обращение, если не сказать больше, с таким ценным материалом, как казак, — им не умели управлять и умышленно умаляли его стоимость — значение. «Лучше стадо баранов, управляемое львом, чем стадо львов, управляемое бараном», — добавил я генералу.

Колонизация России

Казак имеет громадную заслугу перед государством, перед Родиной, он ее колонизировал, оберегал, идя впереди общего населения, заселяя дикие степи, перенося неописуемые лишения, а когда к нему подходило крестьянство, он шел далее и, расширив границы большой России, сделал ее Великой, присоединив к ней пространства Дона, Кубани, Терека, Волги, Урала, Иртыша, Оби, Енисея, Ангары и всего Дальнего Востока, закрепил их за Россией прочно, навсегда и, сняв с себя воинские доспехи, превратился в мирного земледельца и прекраснейшего хозяина. Недаром знаменитый китайский дипломат

Фын-Ты-Мин, наблюдая за жизнью соседа, заявил: «Границы России лежат на арчаке казачьего седла».

Когда казак дошел до берегов Тихого океана, он увидел, что дальше на верном коне не уедешь, оставил его коноводам и пересел на шлюпки, добрался до берегов Северной Америки и присоединил к России Аляску, но поселиться и организовать ему там правительство не соблаговолило, и эта единственная уже русская колония, оставшаяся без казаков, и единственная, ушла из рук Российского государства. Все области, кои присоединяли казаки к России, они занимали их сами, там оседали, занимались хозяйством, и это всегда утверждалось высочайшей волей, а на сей раз правительство по каким-то соображениям, ни на чем не основанным, не заселило эту область казаками и не могло удержать в своих руках: когда американское правительство, после целого ряда переговоров с русской властью, добилося того, чтобы Аляска не была занята казаками, а потом в силу каких-то «непреодолимых причин» российское правительство вынуждено было вернуть эту часть — уже русской территории — САСШ. В то время там находились только один взвод казаков, как конвой губернатора на Аляске, и часть пехоты. Прибывшие американские власти распорядились снять Русский трехцветный флаг и поручили это сделать американскому солдату, который взобрался на крышу дома губернатора, чтобы снять флаг, и по неосторожности оступился и упал с крыши — разбился. Тогда было приказано произвести эту операцию русскому солдату, который, отняв флаг от древка, нечаянно выпустил его из рук, и ветром его снесло на пики стоящего тут в конном строю казачьего взвода, выстроенного для отдания последней чести флагу России на американской территории, и казаки, почти со слезами на глазах, покинули Аляску, захватив с собой и флаг, который и был передан в

Главное управление казачьих войск в Петербурге, и что с ним стало, казаки не знают. Это факт, достойный внимания: казаки водрузили на земле Америки Русский флаг, и его не мог снять американский солдат, а снял его русский, и он вырвался из рук снявшего и отдался тем, кто его донес из России и чьи руки его водрузили. Мы путь пробивали не плакатом, не треском и громом речей. Мы залили землю в борьбе с супостатом потоками крови своей и не считали рабочего дня.

Вся история казачества доказывает, что не было у России более верного сына, чем казак, естественным путем зародившийся, и искусственно его не уничтожишь.

В 1923 году, несмотря на свое тяжелое беженское существование в Китае, несмотря на то, что находились в разрозненном состоянии — Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Мукден, Япония и др. — в городе Харбине группа оренбургских казаков: генерал Печенкин, полковники Кипшинский, Воротонов, Кузнецов, надворный советник Архипов во главе с полковником Енборисовым организовали артель «Оренбургская колония». Председателем правления ее был полковник Енборисов, который снова хотел перешагнуть океан. Путем переписки он вступил в переговоры с правлением Тихоокеанской железной дороги «Сиппиро» о переселении этой колонии в количестве 2500 семей, для чего из Америки в Харбин выезжал помощник заведующего Тихоокеанским судоходством г-н Каstellо, с которым и был выработан проект предварительного договора, и решено было послать показную группу в 150 семей. А нужно сказать, что как раз вскоре после этого выехала в Америку группа г-на Дурново, группа интеллигентов, не имеющих представления о земледелии, которая и была принята за казаков полковника Енборисова. Когда предложили этим «земледельцам» плуги, бороны и другие сельскохозяйственные орудия, то сразу же

250

обнаружилось их незнакомство с сельским хозяйством и невниманием. «Сипиаро», приняв их за показательную группу, от переселения «Оренбургской колонии» воздержалось. Пришлось восстанавливать истинное положение, благодаря чему время затянулось...

Писал полковник Енборисов и министру колоний Франции, через г-на консула в Харбине, о переселении казаков в Алжир или другое место и был уведомлен, что этот вопрос вынесен на рассмотрение правительства. Харбинский консул заявил, что если казаки согласятся на остров Мадагаскар, то он допускает 80% за то, что это удастся, но на предложение председателя — полковника Енборисова — водрузить там Русский трехцветный флаг ответил, что французское правительство на это не согласится, на этом пока дело и остановилось.

Имел переписку и с Мексикой, а теперь дело перешло через представителя Генерального комиссара Лиги Наций, которая обещает «Оренбургской Колонии» в этом помочь.

Перерождение казака

Казаки, пробивая себе путь отчаянной борьбой с соседями, перенося неимоверные трудности и лишения, а со стороны властей — несправедливости и притеснения, уже осевшие в своем краю хозяйствами и живя отдельными областями и своими обычаями, постепенно превращаются в неотделимую часть государства Российского и являются верным оплотом его, и вместо Стеньки Разина, Булавина, Пугачева в 1812 году дают патриота-атамана М.И. Платова, который в самый критический для России момент идет спасти ее, и является к главнокомандующему князю Кутузову без всякого приказа, и дает 30 000 казаков, составленных из трех поколений: дед, сын и

внук. При виде этих рыцарей Кутузов от радости заплакал, и Россия спасена — это не фраза, это не пустой звук и не самовосхваление. Наполеоновский генерал Моран, испытав самоотвержение этих рыцарей-патриотов на своей спине, сказал: «Казаки сделали для спасения России больше, чем вся ее армия». И сам же величайший из полководцев мира Наполеон, оценивая казака, воскликнул: «Если бы у меня были казаки, я завоевал бы с ними весь мир!»

И эта оценка иностранных полководцев тем более важна и справедлива, что она дается на поле брани за Родину, дается после жесточайшего экзамена, и эта 12-балльная отметка исключает всякую попытку к умалению значения казака для России у людей, знающих военное дело, и вообще людей здравомыслящих — верных сынов ее.

«Вся многочисленная конница Европы, собранная под знамена Великого Корсиканца, погибла главным образом под ударами казаков атамана Платова», — сказал известный военный авторитет генерал генерального штаба Гедкэ. Такую же оценку дали лихому атаману Платову и Лондон, устроив ему триумфальную встречу, и чествовал его как победителя грозы — Наполеона, безусловно сознавая, что он был гроза и для Лондона.

Все без исключения войны, какие только вела Россия, она без казака не обходилась и можно смело сказать: России без казака не было, нет и не может быть, ибо и избрание Михаила Феодоровича на царство не обошлось без казака, и Смута в 1613 году окончена при помощи казаков, и всего не сочтешь...

С великой похвалой о казаках отзывались известные русские полководцы: незабвенный Суворов-Задунайский, Багратион, Кутузов, Скобелев и др., а в мировую войну немцы считали казаков самым достойным противником. Это слова фельдмарша-

ла Макензена, но некоторые целкоперы-писатели — не казаки — огромную казачью работу стараются свести на нет — это в лучшем случае — или даже свалить всю вину за неудачи на казаков. Но полагаю, что современники Великого Петра, Великой Екатерины, Александра I, Александра III, Пушкин, Гоголь, Достоевский и др. были людьми государственно мудрыми и находили, что казачество необходимо было для Великой России. Казачество с его бытовыми особенностями, с его патриархальным укладом жизни, трудолюбивое и хозяйственное, добродушное, веселое, воинственное — оно будет жить и в новой России, ибо то, что выковано и закалено веками, не может быть искоренено росчерком пера каторжанина Сталина или его притворным заигрыванием и заманиванием казаков в свой лагерь. А в 1923 году советский писак Ютанин в большевистском «Накануне» № 71 писал: «Казаки должны проститься со своим казачеством... для казачества является необходимым раствориться без остатка в общерусской массе навсегда, — слезть с коня и потерять свое всадничество и наездничество... вместо атаманов — комиссары, вместо станиц — города, вместо округов и отделов — губернии и уезды, в этом казаки услышат приговор истории, голос неизбежного, конец милого сердцу прошлого, история не вернется».

Но через два года, в ноябре 1925 года, в газете «Молот» № 1292 теперешний повелитель Русского народа Микоян уже говорит другое: «Вопрос о казачестве, товарищи, был и остается важнейшим вопросом... и мы не можем оставить казака против себя...»

И Микоян это говорит не без основания, ибо важность значения казака была, есть и будет, а иначе и быть не может. Нездаром Сталин сильно ухаживает и даже амнистирует, но амнистируем ли мы его. Казачество настолько убеждено в своей

правоте и верно своим традициям служить Родине, а не самозванцам, да еще премированным каторжанам, на удочку не клонет, оно считает за унижение разговаривать с К^о Сталиных и ждать восстановления своего права и возрождения Святой Руси через их «амнистию», а оно это право вырвет и не допустит окончательно погибнуть своей дорогой Родине. Трепещи, свол... каторжная, час настал — настал!.. Казачество всегда было «войском», вооруженным и воинственным народом, а не просто — населением.

Оно зародилось на рубежах, в кровавых сечах... на коне и с оружием, а сейчас имея и ту силу, которой пользовался Ленин. Силу агитации, силу проповеди, тайную обработку своей партии, составляя из нее группы — партизанские отряды, как он их называл, кои он, собрав в Смольном институте в конце сентября 1917 года, и заявил: «Пора перестать партизанить, нужно перейти в генеральное наступление».

И 26 октября выполнил, и мы, являясь теперь и вооруженной силой и силой слова, смело идем вперед. Россию в феврале 1917 года Государственная дума, в октябре Ленин свалили не оружием, а словом, и мы, пользуясь теперь этим, властно заявляем: «Пора перестать партизанить, нужно перейти в генеральное наступление под водительством не каторжанина Ленина или Сталина, а вспомнив Минина и Пожарского, под водительством казака — атамана Семенова, и будем жить вечно на страницах истории, а не влечить жалкую жизнь в изгнании, у нас теперь и слово и дело».

Вся история казачества переполнена беззавестным служением своей великой Родине, Вере Православной, Великим Русским Царям и Императорам. Свои особые права и преимущества, если таковые существовали, казачество оплачивало страшной ценой — ценой крови всех, огромным творческим трудом и

воистину легендарными подвигами, коими жила и строилась Россия. Иногда казачество делало болезненные отклонения, но великая мысль бесконечно великой идеи осеняла его свыше, и казачество быстро выпрямлялось и оставалось верным своему историческому предназначению — быть авангардом великого русского народа и выполнять лучше, чем кто бы то ни было, национальные задачи России. Помимо постоянного, весьма деятельного и несравненно доблестного участия во всех войнах России, особыми заслугами казачества являются: покорение Сибири, разгром поляков в Смутное время, решающее участие в избрании царя Михаила Феодоровича, Азовское сидение, ряд самостоятельных набегов на крымских татар и самый Константинополь, поголовная мобилизация в 1812 году, покорение Кавказа, Туркестанского края и т.д., колонизация и русификация тех мест, где оседали казаки...

С XVIII века перед Россией является новая задача — освобождение из-под ига завоевателей братских народов, «братушек», отплативших нам изменой (Чехословакия). Казаки и здесь сыскали себе огромнейшую и заслуженную славу.

Примечание. Отписка казаков Царю Михаилу Феодоровичу о взятии Азова:

«А бьем тебе всем городом Азовом со всем градским строением и с пушками, а пушков в нем 296 (стиль и орфография — подлинников). А мы Государь, холопы Ваши, не городовержцы, в мимо шедшие лета, при прежних Царях и великих князьях — прежняя наша братия — Донские казаки многие города у иноверных — поганных языков бировали и сами, Государь, городами не владели, а все Вашему Государю отчины прибавляли и кровь свою проливали, за Вас Государей и за святых Божия Церкви и за веру христианскую — неизменно».

КазакИ еще сейчас помнят, где казачья кровь полила сухую землю и где падали на нее слезы казачьих матерей, сестер и жен. И они страшно любят свою степь с этими красными пятнами, с тихими извилистыми речками, озерами, украшенными молодыми вдовами, сиротами, отцовскими да материнскими слезами.

На долю казака всегда выпадали самые тяжелые, самые неприятные поручения, например: в помощь полиции или усмирение народных волнений и бунтов, каковых в казачьих областях не наблюдалось. Генерал Сухомлинов объяснял эти наряды наличием у казака безобидного оружия — нагайки, но эти объяснения казаки отлично понимали, зная, что казак в этом случае представляет самый надежный элемент — в поддержании власти и порядка, но нагайки правительство могло бы купить и раздать их армейским частям, а тем более особого обучения владению этим оружием не требуется, а главное, это стоило бы много дешевле, чем мобилизация льготных казачьих частей, а сказать, что эти наряды не совместимы с достоинством воина — обидишь казака, и из этого может получиться нежелательное, а признаться в ненадежности армейских частей — значит расписаться в своей несостоятельности и невозможности России быть без казака.

Даже в 1917 году, в июле, казакам пришлось применить не только нагайку, но и винтовку, против той же бунтующей толпы революционных организаций, а также на казаков и на фронте было возложено, как на более стойких, крепких, не знающих дезертирства из своих частей, удерживать солдатню неказачьих полков от развала и задерживать массу сбежавших дезертиров, около 100 казачьих полков было занято этим делом, и казаки злобу и ненависть к себе этих беглецов видели, но патриотизм и дисциплина заглушали это, а все-

таки казак думал (как при царе казака называли нагаечником за то, что он был верен царю и теперь верен народному праву и свободе — тоже нагаечник). Само же правительство демократа Львова и министра-социалиста Керенского обратилось весной 1917 года к тем же казакам пустить в ход нагайки на фронте, а 3—5 июля в Петрограде против бунтующей толпы «революционных организаций» и не только нагайки, а даже и винтовки, и казаки исполнили приказ министра-социалиста — пустили нагайки в ход против социалистов... При этом было убито 3 казака и торжественно похоронены, и те большевики, кои убили этих казаков, Керенским были освобождены из-под ареста без суда и наказания, те большевики, в коих Керенский приказал стрелять и которые даже не подверглись простому аресту, и после беспощадно громили казаков. Заколебались казаки и стали отказываться от присяги Временному правительству...

Злостно оклеветанное и бешено травимое врагами России, не понятое, не оцененное и никем не поддержанное, казачество начало было колебаться — охватило его разочарование, тяжелое душевное переживание и слегка стало заражаться этой общей болезнью — затемнением государственной мысли, почему в 1917 году ни одна казачья шашка не была обнажена в защиту исторической российской власти и не была взята в руки ни одна нагайка, но здесь допускается толкование: царь сам отказался от власти, но оно все-таки быстрее всех очнулось от этого угара и снова начало выполнять задачу русского народа в авангарде.

Прежде всего русские люди не должны забывать, что вооруженная борьба с большевиками началась в казачьих областях — ни в какой другой местности России. Не будь казачьих земель — не было бы и Белого движения, и не про-

брались бы мы за границу, не было бы эмиграции, все гибли бы в СССР, ибо выход из России возможен был только через земли казаков.

В то время, когда вся Русь погрузилась во мрак и анархию, запылали три вехи: на Дону — атаман Каледин, на Урале и в Оренбургской области — атаман Дутов, в Забайкалье — атаман Семенов, атаман Калмыков, на которых русские люди устремили свои взоры с надеждой и упованием, и если бы не эти вехи, куда бы русские патриоты направили свои стопы, спасаясь от мрака и анархии. Организованную борьбу с красным интернационалом можно было повести только из казачьих областей, опираясь на государственно настроенное казачество. Вожди Белого движения правильно рассчитали, что свою работу они могут развить только в казачьих областях... но они не принесли с собой искренней любви и уважения к казачеству, и они искали не друзей, а подчиненных и иронически относились к их заявлениям, и вообще недружелюбно Казаки же, открывая свои объятия добровольцам, приглашая их в свою просторную и богатую хату, считали себя вправе просить, чтобы гости, по православному обычаю, при входе снимали шапки, и это скромное казачье желание оказалось почему-то для гостей неприятным и приводило некоторых в раздражение, и эта спасительная радость встречи омрачилась взаимным непониманием и кончилась не совсем благополучно.

В Воронежской губернии могла возникнуть антоновщина, на Украине махновщина, по Черноморскому побережью «зеленое движение», но для Белого дела там не было почвы, оно было возможно только на казачьей земле. Все казачество в Гражданской войне принимало самое живое участие и главные удары принимало на себя, следовательно, во время вооруженной борьбы казаки стояли в первых рядах, а в эмиграции

оказались на заднем плане. Во время приезда в Екатеринодар великий князь Кирилл Владимирович восхвалил казаков, вознося их боевые качества до небес, и получил от казака, который рисковал в то время многим, такой ответ: «Мы, казаки, привыкли к таким похвалам и знаем им цену, нас хвалят тогда, когда мы нужны, и оставляют на задворках, когда минует в нас надобность...»

Казаки на чужбине среди группировок политической эмиграции заняли совсем незаметное место, ибо вожди этих группировок ведут переговоры за зелеными столами — там казакам не место. Казаки сами виноваты: они учатся, работают, садятся на землю, составляют станицы, хутора, объединения, землячества, щеголяя названиями, все это, может быть, и не плохо, но далеко не достаточно, ибо все бумажное — пикники, чашки чая, вечера. Реального — ничего. Казакам нужно выделить в помощь атаману Семенову активных работников для продолжения борьбы с большевиками, не считаясь с их возрастом и чинами, считаясь только с их опытом. Людей, участвовавших в столкновениях с большевиками, твердых характером, с большой силой воли, не боящихся врага, с инициативой, кои не гонятся за популярностью, не залезают в глаза «начальству», испытанных в качествах, указанных выше, перенесших все тяготы походов и переживаний в рядовой братии и не покидавших ее при всяких потрясениях и невзгодах. Избегать случайных выскочек, явившихся в эмиграцию в транзитных поездах и теперь только пришедших с «ложкой», а с «сошкой» не были и присваивают представительство. А тут нужны люди, кои свои личные интересы и даже родственные отношения ставят на задний план, а прежде всего — Родина. И тогда появится казачья сила, без которой не могли бы происходить никакие сговоры, выступления и т.п. действия. И представитель этой силы дол-

жен быть действительным казаком и уметь всегда защищать свои позиции. А для этого нужно казакам самим сговориться и, выбрав названных помощников, устранить разнобой, и только тогда казачество займет подобающее место, и с ним будут считаться.

А тем более теперь, когда русский народ осознал свои ошибки, большинство организуются. И приступили к активным работам по борьбе с красным интернационалом и надеются освободить поработленную, измученную, на кресте распятую Родину. А для этого еще нужно казакам последить за воспитанием детей и не поручать таким лицам, кои не только не казаки, а даже не любят казака, и не обращают внимания на поведение порученных надзору их казачат, и готовят нам смелую ужасную! Воспитатели эти в течение срока внешкольного надзора не бывают на богослужениях (пример для детей), развивают в детях не только не благовидные, не пристойные поступки, а даже преступные, и главным образом, будучи не знакомы с традициями, обычаями и бытом казака, осмеивают казачество и поощряют воспитанников-казачат к неуважению религии, старших, а значит, и родителей. Песни, игры, как мальчиков, так и девочек, уличные, «современные», казачьим духом «не пахнут». Вообще говоря, казачество, если не обратят внимания на этот самый важный, самый основной предмет — воспитание детей их родители или заменяющие их, а также и власть имущие, пойдет к упадку, и наши благие порывы сведутся к нулю. И как это ни тяжело, как ни грустно, придется вспомнить и пожалеть.

Казаки прежде, уходя на рубежи Родины, возвращались с большим приростом — с молодым поколением, воспитанным по казачьим традициям, готовыми слугами Святой Руси, а такие воспитатели (я знаю мужа и жену, оба воспитатели)

нас на Родину приведут с отбросами, или совсем не придем. Был такой случай. Войсковой атаман войска Донского отдал приказ доставить из Петрограда бунтарей немедленно в Новочеркасск, и они были доставлены, это произвело потрясающее впечатление на весь Петроград, ибо в те кошмарные дни ничьи приказания не исполнялись, а казак и здесь показал себя примером. Явились в Новочеркасский войсковой круг, где они, стоя на коленях, просили своих отцов простить им это заблуждение, и Войсковой круг простил, казаки от радости и умиления горько плакали — вот как казаки встречают своих блудных сынов. Но правительство того времени все делало, чтобы оттолкнуть казаков от себя, и пропаганда сделала свое дело. Затуманилась голова казачья, видя, что правительство, на кого только и могло опираться, пошло против него и даже потребовало выдачи атамана Каледина. «С Дона выдачи нет», — ответили казаки.

Был и такой случай, показывающий, как благомыслящая часть казачества шла на защиту прав народа и свободы, но это уже было в 1918 году. Один из казачьих полков Оренбургского войска, командиром коего был полковник Булгаков, при перегруппировке должен был быть переброшен на другой участок фронта, и дорога предстояла через Оренбург, где в это время создан был Войсковой круг. Казаки этого полка заявили командиру полка, что они желают на несколько дней остаться в Оренбурге, ибо этот полк был укомплектован казаками 1-го округа, имеющими жительство в самом Оренбурге и ближайших станицах, а обстановка не позволяла этого делать. В 11 часов ночи, когда все депутаты Войскового круга были в городском театре — их чествовали артисты театра, — явился туда адъютант командира полка и доложил помощнику атамана полковнику Акулинину (ныне генерал), а сей последний —

мне, я был товарищем председателя Войскового круга и председателем Войсковой военной комиссии. А в 12 часов ночи собрался Войсковой круг в здании биржи на Мучной площади, куда явились и депутаты от полка с требованием оставить их на несколько дней в Оренбурге, или они совсем откажутся идти на фронт. Открылось заседание Войскового круга, выслушали доклад командира полка полковника Булгакова, и я взял на себя смелость высказать такое пожелание: поручить полковнику Акулинину отправиться на вокзал, пригласить с собой несколько человек депутатов Круга, выстроить полк и каждого десятого по счету арестовать и предать военно-полевому суду. Войсковой круг, то есть отцы этих казаков, единогласно приняли предложение. Депутаты полка во время моего доклада стояли под дверью зала заседания, но, входя в зал, услышав это решение, немедленно удалились и сообщили в полк. Казаки, не дожидаясь приведения в исполнения решения Круга, попросили, чтобы их скорее отправили на фронт, ибо время не ждет, и далее служили и подчинялись безоговорочно. Здесь обнаружилось неумелое управление полком полковника Булгакова, который и был устранен от командования.

Было еще лучше в том же году, и в том же войске, на Илецком фронте. Казаки одного из пластунских полков, дивизия генерала Серова (Маркела), предъявили начальнику дивизии требование, чтобы им каждую неделю дали возможность мыться в бане, всем по очереди месячные отпуска, командный состав должен быть по избранию, с одобрения комитета, который имеет своего представителя в полковых судах, и т.д., и в последнем пункте 12 делают предупреждение, угрозу: если начдив не выполнит этого требования, они отказываются подчиняться. Если захотят произвести над ними репрессии, то они перережут всех офицеров и уйдут с фронта домой. Начдив телегра-

фировал атаману Дутову, а сей последний — Окружному съезду 2-го округа, который в это время заседал в Верхнеуральске, казаки этого полка были все 2-го округа. Получив телеграмму, как раз во время заседания съезда, где я председательствовал, и доложив съезду эту печальную неожиданную весть, я предложил высказаться, и после нескольких минут молчания съезда, видя, что это кошмарное известие произвело ошеломляющее впечатление, встал и заявил (цитирую по памяти):

— Господа депутаты!

(Водворилась мертвецкая тишина, напряженное внимание.)

Наши сыны не хотят идти по пути своих отцов, по пути законности и справедливости, и, будучи уверен, что здесь нерусская рука работает, наши сыны спровоцированы, они — слепое орудие авантюристов-преступников, и репрессии над ними повлекут за собой много невинных жертв — выхода как будто бы нет, приходится идти на компромисс. Но если бы даже я остался один при решении этого вопроса и предложение мое не будет поддержано — буду один, но на компромисс не пойду. И почему-то я чувствую, что один не останусь и мы будем все вместе, ибо мы все здесь казаки и горькую думу думаем, судьбу войска решаем, хотим спасти от позора, и мое предложение выразится великим для наших сынов наказанием. Да наказание их ждет великое, но и преступление их тяжко, позорно, так будем мужественны, не посраим войска родного. Я предлагаю телеграфировать Войсковому атаману для соответствующего распоряжения, что мы, отцы, пришли к единогласному решению: ответить казакам на их преступное выступление, выраженное в 12 пунктах, что у нас детей-непослушников нет и быть не должно, и мы от них отказываемся и принять их в отчий дом не желаем; семейство их — жен и детей сию же минуту из их домишек выбрасываем на улицу, поддержки не даем,

все конфискуем в пользу фонда спасения войска, проклянем, как предателей, идущих против отцов своих. И если мы в течение трех дней с получения ими этого приказа не получим от них искреннего раскаяния и просьбы о прощении их, выдачи агитаторов и подстрекателей, извинения перед своими начальниками, поставленными войсковой властью, и о том, что они обратились к святым своим обязанностям — защите войска от власти каторжан, то мы приведем свои решения полностью. И если бы кто из них, паче чаяния, и сумел проскользнуть в родную станицу, то он не увидит теплого уголка, не увидит и своей семьи, а только пепелище, не найдет и своих родителей, а значит, и войска и Родины, тогда покончит так, как покончил Иуда-предатель — ему вечное проклятие...»

Когда я это говорил, поднялся невообразимый шум.

— Правильно! — кричали казаки. — Правильно!

И один из депутатов, от станицы Кварконской, фамилию по понятным причинам пока не назову, кричит:

— У меня в этом полку два сына, давайте я подпишу первым и клянусь, что я все выполню в точности, если мои сыны не раскаются.

И все с этим согласились, подписал я и другие...

Через два дня получили от атамана Дутова телеграмму, где он говорит, что сыны наши горько раскаялись — колено-преклоненно умоляют нас простить им это заблуждение, они спровоцированы и что они все исполнят в точности, и, помимо этого, Дутов благодарит съезд за воздействие и ходатайствует за них перед нами о милости, ибо они его просят, а он за них поручается...

— Ур-ра! — И радости не видно было конца, даже и меня за что-то подняли на руках, и по этому случаю два дня не было заседаний...

Агитаторы и провокаторы, конечно, понесли соответствующее наказание — возмездие.

Вот вам «Отцы и дети». Вот как казаки реагировали на отдельные группы своих сынов, вот где проглядывает истинное-то желание спасти свою Родину. Был случай, что отец-оренбуржец родного сына не щадил, провожая на эшафот, но нас не понимали, не поняли еще и сейчас... провоцируют. Казаки и за рубежом показали свою организованность — они ушли со своими выборными атаманами, депутатами, они и за рубежом живут своими ячейками, везде сплоченными и по первому зову матери Святой Руси готовы ринуться на спасение ее, они не будут ждать, пока им скажут какие-то комитеты, или советы, или вожди партий. Они следят за матерью и не прозевают, казак быстро приспосабливается ко всякой обстановке, ко всяким невзгодам: нужно будет — он готов!..

Ведь со времени упразднения Петром Великим войсковых кругов прошло около 200 лет, однако действительность показала живучесть казака, и искорка казачьего духа теплилась и не погасла, и при первом же дуновении ветерка снова загорелась ярким пламенем, и Войсковой круг готов со всеми приказами и послушанием.

Чего казак получает от государства

Теперь посмотрим, что казак имеет. По общему мнению населения России, казак богат (провокация врагов казака и Родины — восстановление одной части населения против другой), и наши наказные атаманы, выпедившие из этого же спровоцированного населения, не зная казака и его жизнь, с этим соглашались, а чтобы не быть голословным, приведу следующий факт. Я, будучи председателем Главной ревизионной комис-

сии войска Оренбургского, делал доклад Войсковому кругу о всеподданнейшем докладе генерала Тюлина как наказного атамана этого войска за 16-й год. Он говорит: «Казак, несмотря на легкую жизнь и работу, очень богат, он имеет собственную землю, хозяйство, недвижимость».

Тюлин не знал, что казак собственной земли не имеет, поэтому он ходатайствует перед царем о введении обязательного комплектования казачьих полков чистокровными лошадьми за счет казака до 500 рублей за экземпляр.

«Казак работает только 6 месяцев в году, а 6 месяцев гуляет...»

Учреждение учебных заведений для казачьих детей он находит нелишним, гимназии, прогимназии и др., но, во всяком случае, не за счет государства, а за счет казаков.

На этом докладе его императорскому величеству угодно было наложить резолюцию: «Каз. отд. пров.». Великий государь своим отцовским сердцем чувствовал, что изложенное сомнительно, и он повелел проверить.

Вот какое представление имели атаманы — неказаки — о казаке. Это враги казака, враги законности, они не могли не знать, они должны были знать и не лгать царю, это преступление против присяги царю и Отечества, и назначение этих губернаторов нам, казакам, атаманами ничем другим нельзя объяснить, как только тем, что не хотели их оставлять безработными...

Сколько земли имеет казак

По первоначальному обмежеванию и главным образом по картам — земли в общем много, а какая земля, где она и что она дает, докладчик этим не интересовался и докладывал только о количестве, и царь не мог не верить им, ибо они присягали на

верность службы. Но они, нарушая присягу, обманывали царя до последнего момента, и наконец продали его, и Тюлин, оренбургский атаман, первый присягнул Кирбису, Керенскому, и я спешил к Тюлину, не успел — он скрылся, бросив казаков, — они не нужны. Вот что значит неказак, а казак не убежит.

В действительности жизнь казака такова.

Земли он имеет от 7—20 десятин на тягло, то есть на человека мужского пола, которую сдавали в аренду за 50 копеек, и в лучшем случае один рубль за десятину в год, и последнее время платил какой-то поземельный сбор с каждой десятины в доход государства. И более никаких привилегий казак не имел, если не считать высочайшие милости в виде закрепления за казачами ими же отбитых у кочевников и других участков земли, о коих сказано выше, или дарования им права ношения на пальто пуговиц с орлами (дороже стоящих, чем гладкие, а купить за свой счет) и шпор, безусловно не нужных казаку, и других детских забав...

Дальше казак имеет призрение семейств казаков, призванных во время войны на службу, призрение это делается войском и станичными обществами и все-таки не государством. А сделавшимся совершенно негодными к труду и получившим увечья, не имеющим собственных средств к жизни или родственников, выдают от войска 3 рубля в месяц, тут все: пей, ешь, обувайся и даже покурить можешь... Те же из них, кои требуют постороннего ухода, размещаются по богадельням, с платой от войска стоимости содержания, но не свыше 6 рублей в месяц. И все это, я повторяю, делается войском, а война-то ведь — служба государству, где же помощь от него?

Вот вкратце жизнь казака, и сам казак как слуга Родины, которую он любит и не раз по слову царя спасал ее. Разве кто-либо может не согласиться с тем, что 1905—1906 годы гото-

вили нас тоже в Харбин и другие заграничные пункты. Я сам побывал в Юго-Западном крае с сотнями оренбургских казаков. Данюки, Рабиевка, Лисоводы и на севере Ижевский завод, Сарапуль и др. Успокаивал население. Разве кто может не согласиться с тем, что если бы царь-мученик не поверил предателям Гучкову, Шульгину и К° и не позвал бы каина русского Алексеева и др. и не верил бы провокаторским телеграммам, начиная с «Великих», а поручил бы ликвидацию кучки проходимцев из Государственной думы казакам, мы бы были на Святой Руси, а не влачили бы жалкое существование по границам. И не умирал бы русский народ-мученик с голоду и от руки преступников-каторжан в ненавистной СССР, и великий государь Великой России одной ногой стоял бы на Босфоре, а другой на Балтике и сказал бы слова отца своего: «Пусть Европа подождет, пока русский царь рыбу ловит».

На небе Бог, а на земле русский царь.

— Тебе небо — мне земля.

Улыбки и кивки в сторону казака, продолжающиеся и доселе, как результат провокации, заставляют его скромно заявить, что казаки должны быть по меньшей мере равны остальным соотечественникам. Казак скромнен, нетребователен, и заявление его справедливо — законно и добросовестно, а кто если и держится по отношению к казаку высокомерно — тот не любит Родину, ибо он ей приносил, приносит и принесет вред непоправимый, он верит в провокацию и вносит ее в армию. Я это говорю искренно и уверенно.

Однако ведь, как ни стремились переродить казака или создать искусственно, это не удалось и быть этого не может. Казак может быть только казак. Ведь после разгрома Наполеона казаками в России в 1812 году и после устроенных оваций атаману Платову в Париже и триумфальных встреч в Англии

там хотели временно без узаконения сформировать несколько полков казаков. Дали пики, посадили на маленьких лошадей, часть которых вывезли из России, изготовили по образцу российских казачьих седел конское снаряжение и даже людей подобрали небольшого роста, слегка кривоногих, «остроглазых и по возможности... немного вороватых». Ибо, по историческим справкам, казакам даже сами российские цари давали приказы поворовать у соседей (татарские улусы) и тем заставить их покинуть пределы России, и это делалось исключительно для государства, а не для личных целей, а на казака и доселе смотрят как на человека своекорыстного, несмотря на то что если регулярная кавалерия это производит — это фуражировка, если пехота — это реквизиция, а казак — вор... Правда, английские «казаки» занялись «казачьим» делом очень успешно, наполнили полицейские участки, тюрьмы и другие соответствующие помещения, а служить стало почти некому... Но все-таки их не распускали, а начали изучать казака в России, были командированы для этого несколько человек на места и нашли, что российские казаки или безукоризненно честные люди, ибо их нет в тюрьмах, или уже очень умны и хитры. Конечно, английские «казаки» просуществовали недолго и были распущены.

Живучесть и любовь к Родине российского казака проглядывают везде, это видно из жизни его и за границей. В 1923 году в Харбине мной были организованы Восточный казачий союз, «Оренбургская колония», Президиум организационных собраний оренбургских казаков, Восточный казачий активный комитет по борьбе с III Интернационалом и др. И во всех этих организациях я был председателем...

Возьмем Уральское казачье войско — какую услугу оно оказало Российскому государству во время покорения Хивинского ханства и присоединения его к России. Овладели рекой

Сыр-Дарьей, штурмовали Кокандские и Бухарские крепости. Десятками лет шли шаг за шагом по киргизским степям, сжигаемые палящими лучами туркестанского солнца, а зимой перенося горный суровый буран, и таким тяжелым путем соединили границы с Китаем. Эти же уральцы составляли гарнизоны степных укреплений, история не забудет доблести казака — они нередко выдерживали натиски в 20—30 раз превосходящего противника.

Вот один из многих примеров. В декабре 1864 года на усиление передового отряда, идущего по направлению к Чемкенту, из форта Перовского была командирована сотня уральских казаков под командой есаула Серова, и 4 декабря она выступила из Туркестана. Получив сведения, что селение Икан занято неприятелем, Серов послал проверить слухи киргиза Ахмета, который по возвращении доложил, что «неприятеля так же много, как камыша в озере». Казаки видят, что дальше идти нельзя, а отступить не в их планах, спешились, развьючили верблюдов, устроили баррикаду (каре) из мешков с провиантом и др., а лошадей и верблюдов положили в середину (казацкие лошади и верблюды приучены скоро и спокойно ложиться), а сами залегли по опушке своей «крепости».

Неприятель, узнав о появлении казаков, повел на них отчаянные атаки, однако, несмотря на свое громадное превосходство в силе, зная казацкое умение в единоборстве и отчаянную взаимную поддержку, сразу напасть и покончить с горстью храбрецов не решились.

Сарты с криком «Алла! Алла!» много раз бросались на казацкую горсточку, но с большими потерями отбегали назад. Среди уральцев было много кавалеров героев-севастопольцев. Коканцы, видя сплошные неудачи и боясь нападать открыто, начали устраивать щиты из хвороста и на колесах передвигать их бли-

же к защитникам, а из-за них палили из ружей (тогда у сартов, кроме ружей, другого оружия не было).

Серов послал с тем же киргизом Ахметом казаков Борисова и Чернова с докладом за поддержкой, но посланная поддержка — пехота — до казаков не дошла, и казаки, просидевши еще одну ночь и отбивши несколько щитовых атак, голодные и холодные, измученные, с криком «Ура!» бросились на неприятеля. Ошеломленные такой неожиданной дерзостью, кокандцы не сумели уничтожить эту горсть, и несколько казаков пробились сквозь 12-тысячную армию и явились точно с того света в город к коменданту, и все-таки после вместе с оренбургскими казаками под командой генерала Скобелева довершили это дело. Вот как казаки присоединяли земли к Русскому государству, умирая за честь и славу своей Родины.

Это храброе войско и в годы последнего лихолетья много поработало для спасения Великой России на одном фронте с Оренбургским казачьим войском, и во главе со своим атаманом генералом Толстовым ушло на Дальний Восток. А теперь одна группа из них с тем же атаманом находится в Австралии, отдыхая, мечтает снова явиться на реку Яикушку и покушать осетринки и за стопочкой спеть свою песню:

В степи широкой под Иканом
У нас кипел кровавый бой!..

Возьмем Уссурийское казачье войско и храброго атамана И.П. Калмыкова, про него уссурийцы сложили песню, начинающуюся словами:

У крутых берегов океана, в городах и тасжных местах
Знает каждый орла — Калмыкова, это имя у всех на устах.

В конце 1919 года, когда в Приморье и на Амуре пала власть адмирала Колчака, атаман Калмыков один со своим небольшим отрядом остался в Хабаровске, окруженный со всех сторон красными партизанами, — положение создалось критическое, и он решил пробиться в пределы Китая.

12 февраля 1920 года отдал приказ: «Всем малодушным оставить отряд». А по радио шлет последний свой привет: «Совету рабочих и собачьих депутатов, беглецу из американского штаба Краковецкому, земским войскам и всем приспешникам, поработителям русского народа... Довожу до вашего сведения, что вперед буду не расстреливать, а вешать...» А сам с горстью храбрецов на следующее утро в 4 часа покинул Хабаровск, и через несколько верст на реке Уссури начались бои с красной бандой, продолжающиеся ежедневно: по колено в снегу, в окружении, не имея тыла и т.д.

Всех переживаний этого кошмарного похода не опишешь: кругом кровь, стоны, смерть, но казаки, подогреваемые правотой своего дела и надеясь на то, что все-таки они проберутся к своему соседу, шли и о сдаче и слышать не хотели. Продуктов питания и корма лошадям — нет, многие замерзают и тут же остаются в снегу. Этот кошмар продолжался 8 дней, а на 9-й день показались фанзы — бросились отогревать законечелые члены, измучены физически и нравственно, думали отдохнуть... Но по пятам и в обход шли красные — снова бои, и так каждый день, пока не пришли в Фуюй Гиринской провинции, где по предложению китайцев было выдано им оружие. Атаман отдал приказ, чтобы 9 марта выступить на озеро Ханка, на соединение с 3-м Забайкальским казачьим полком и конно-егерским полковника Враштеля, не зная, что таковых уже нет. А 8 марта атаман, его помощник и адъютант китайским командованием были приглашены на банкет, как бы по

случаю отбытия отряда, где и были все арестованы. Узнавши об этом, отряд хотел было освободить своего атамана, и он вполне мог это сделать, но атаман это отклонил, ибо немало было бы жертв и со стороны китайцев, а он этого не хотел, он верил, что в России еще есть верховная власть, которая не даст ему погибнуть в Китае. Но увы! Китайцы приказали отряду перейти в Лахасусу, ссылаясь на то, что там квартиры лучше. Получив приказание от атамана, что, если поведут в Лахасусу, разбегаться и по одиночке пробираться в полосу отчуждения КВЖД, но не трогая китайцев. Так и поступили: в первую же ночь 75% отряда убежали. Не успевшие этого сделать были приведены в Лахасусу и переданы красным, а эти последние перевели их в Михайловско-Семеновский поселок, где и были расстреляны и повешены, а часть из них отправлены в Благовещенскую тюрьму и тоже замучены. Разбегавшихся китайцы ловили и снова выдавали красным... Но многим удалось добраться до Харбина.

Лихой атаман был привезен в Гирич и принял мученическую смерть — он был заколот штыками китайцев, не получивших за это гнусное дело обещанного золота. Таков печальный конец атамана Калмыкова и его отряда, не получившего ни от кого никакой поддержки.

Сибирское казачество

Ермак Тимофеевич, покинув городок «уральского креза» Строганова, со своей дружиной около 800 человек и помощниками Иваном Кольцом и Никитой Паном и другими сподвижниками, перевалил Каменный пояс, проплыл по Каме, Чусовой, миновал Тобол, подошел к городищу Чувашему, вошел в Иртыш. Замолкла молодецкая казачья песня, насторо-

жились казаки и ежеминутно ждут засады из густых камышей Иртыша. Нахмурился Тимофеич, зорко следит вперед. Кругом по берегам Иртыша горы, покрытые дремучим лесом. «Засада», — скомандовал атаман, и после ожесточенного боя Тимофеич взял главный город Сибирского царства. Хан Кучум со своей дружиной бежал, а Ермак послал гонцов во главе с Иваном Кольцом к московскому Грозному царю поклониться Сибирью, самородным золотом, пушными мехами и другими драгоценностями. И доложил Иван Кольцо:

— Бысть сеча, за руки емлюше сечахуся, поклон тебе земно атамана Ермака, Сибирь русскому царю покорена...

И наградил Грозный царь атамана:

— Сняша с плечи своя царскую шубу и дариша покорителю атаману, даруя милости.

Вот как ширилась и росла великая родина Святая Русь, и как ее оберегали до последнего времени верные дети ее, казаки, и они снова ее возвеличат.

Казак — «дубина», подпорка для государства в слякоть, но правда о казачестве — история, все-таки не останется только перелистанной, а ее прочтут и не только в России, а и другие государства, и казака по достоинству оценят, как в 1812 году оценил Париж, и Лондон, и весь мир.

Енисейское казачье войско получило приказ Совета солдатских и рабочих депутатов распустить казачьи дивизии, сдать оружие и отказаться от звания казака, угрожая разоружением, имея за собой силу — два стрелковых полка и вооруженных каторжан, но командир дивизиона Сотников созвал совещание и решили уйти из Красноярска с оружием в руках, и в глухую морозную ночь в походном порядке выступили. К ним присоединились и большинство казаков Красноярской станицы, но большевикам не подчинились, и казаки еще мыслят в верхо-

вях Енисея, по хребту Тану-Ола, отделяющему Урянхай от Монголии, снова собраться и продолжать свою историческую миссию.

Еще раз повторяю, что русский народ почти безоговорочно, почти без всякой борьбы пошел за большевиками и признал коммунистическую власть, но казачество восстало против коммунизма, и все с 17-летнего возраста взяли за оружие. Оренбургское казачье войско отказалось даже разговаривать о Советах, и на телеграмму командующего войсками Казанского военного округа прапорщика Ершова я лично, как председательствующий в Окружном съезде 2-го округа, от имени всего округа телеграфировал, что я никакой власти, кроме Войскового правительства, не признаю, и вопрос этот снят с обсуждения. А потом более сильные духом и заметные казаки сформировались в четыре отряда, командиром одного из них был я, и во главе с своим Войсковым атаманом полковником Дутовым покинули пределы войска и ушли в Тургайские степи, где отдохнувши и пополнив вооружение, которое разбежавшиеся от нас Советы оставили в Тургае, снова вернулись в родное войско. И уже начали беспощадно борьбу с большевиками, которыми командовали дезертир из Австрийской армии Блюхер, приговоренный к смертной казни и сбежавший уже из-под ареста, и предатель Каширин.

Большевики двинули против казачества огромную армию, рабочие, крестьяне, даже и интеллигенция охотно шли в эту армию, чтобы отомстить казакам за 1905 год, следовательно, они боролись не за исторические начала, а сводили личные счеты. Казачество было разгромлено главным образом из-за грызни «вождей», а теперь в СССР окончательно добывается. Казак избрал верный, честный, прямой путь, и за это жестоко заплатился. Расплачивался он еще при Петре I за то, что хо-

тел отстоять свободу и освободить крестьянство от крепостной зависимости, а в 1905 году за то, что хотел поддержать монархический строй, а теперь платится за борьбу с врагами всего человечества, большевиками. И теперь наши политические вожди раздробили казаков на партии ради своих личных целей, а некоторые ради реабилитации себя в своих прошлых преступлениях, а есть ли из них хоть один «вождь», а значит, хотя одна русская партия, которая понимала бы сущность казачества и готова была пойти ему на помощь? Нет, из них каждый старался заручиться казаком и чтоб он был верен только ему... а это СССР и на руку, он тоже стремится уничтожить казачество как главный оплот законной русской власти, а потом охулиганизировать великую нашу мать Святую Русь. Станичники, не входите ни в какие партии — вожди вас обманут, и не видать нам с ними Родины — мы должны исповедовать старые традиции — за веру, царя и Отечество.

Я хотя не сторонник самостийности, не сторонник отделения казачества от России, а иногда закрадывается в голову мысль, что раз русский народ так на нас смотрит, а особенно их «вожди», так называемые «генштабисты», то уж не взяться ли казакам за постройку собственного дома, своего очага, своего самостоятельного казачьего государства, ибо у казака есть к этому больше возможности, чем у массы российской. Заключение союз с соседними государствами, принять уплату российских долгов пропорционально населению в общероссийском масштабе, и засчитать также следуемую часть контрибуции с побежденных государств в мировую войну, избрать верховного атамана, выработать конституцию управления — парламент — Войсковой круг и т.д. Я выше сказал, что России без казака не было, нет и не будет, но и казаку без России тяжело. И эта мимолетная мысль, хотя и осуществима, казаком вос-

приниматься не должна, ибо казаки ведь дети Великой России, дети одной матери с русским народом, который нас не понимает, и мы сиротами быть не хотим в надежде, что нас поймут, и Россия воскреснет и еще лучше зацветет, ведь Христос прославился после страданий... Мысли о самостоятельности я считаю явлениями, родившимися на почве некоторого отчаяния у некоторых «вождей» казачества и отсутствия должной энергии в борьбе с большевиками.

Строевой устав

Навязанный казаку Устав строевой кавалерийской службы только ломал казака, родившегося в строю, коверкал его природные свойства. Например, требования начальниками дивизий однообразия в езде, владении оружием, посадке казака с кавалеристом тоже были основаны на кабинетных соображениях. Возьмем рубку шашкой — по уставу не давали казаку развернуть свою ловкость и лихость, а значит и возможность сильно рубить, то есть уничтожать противника, это подтверждается случаями в последней мировой войне. Например, начальник 10-й кавалерийской дивизии граф Келлер говорит: «Под селом Ярославцы побеждала противника та часть, которая умела сильно рубить».

В 1903 и 1904 годах командир 12-го армейского корпуса, куда входит и 3-й Оренбургский казачий полк, генерал Карасс, требовал от казака красоты в рубке, и ему поддакивал помощник командира полка П.И. Кременцов, говоря: «Если положить на голову производящего рубку яйцо, когда он произведет удар шашкой, то яйцо не должно скатиться с головы».

Я, будучи тогда начальником учебной команды, с ними не соглашался, доказывая, что во время рубки о яйцах думать не

приходится, а лишь бы сильнее ударить противника, и пусть он катится вместе с яйцом, и получил за это выговоры.

Возьмем одиночную езду с ее принятием налево и направо, держанием левой руки на установленном по уставу расстоянии от передней луки седла, отвесно от колена ноги, — все это написано не для казака, а даже и кавалерист не может выполнить. Еще лучше некоторые армейские начальники требуют от казака при посадке на лошадь пику держать в левой руке и, севши, подбросить ее через шею лошади, а не через голову или через круп. Эти игрушки возможны только на месте и то только на деревянной лошади...

А если взять заезды на подвижной оси хотя бы одного взвода, то тут и критика неуместна, а здесь очевидный абсурд. Заезды на подвижной оси (по уставу) делаются тем же аллюром, каким шла часть до заезда, при этом заезжающий фланг прибавляет ходу в том же аллюре (ускоряет ход), а фактически это никто выполнять не мог и, помимо путаницы, которая при этом получалась, всадники приучались и привыкали к невыполнению команды и требования, часто называя своих начальников (втихомолку) не умными — формалистами, требующими невозможного, и начальники ограничивались только неистовыми криками: «Ось заезда не стой на месте...»

Возьмем хотя бы взвод в 16 рядов и два фланговых. Делает заезд на подвижной оси, наружная дуга заезда более внутренней в 6 раз, следовательно, чтобы пройти в одно и то же время расстояние одно более другого в 6 раз, то и скорость пробега должна быть в 6 раз более, то есть внутренний фланг будет идти, положим, рысью, 12 верст в час, а наружный со скоростью 72 версты в час, или одна верста в 50 секунд, а такой рыси, хотя бы ускоренной, нет. А если бы мы вздумали заехать галопом, то внутренний фланг идет со скоростью

16 верст в час, а наружный 1 версту 300 сажений в минуту, или 1 верста в 37—38 секунд — этого аллюра, или этой скорости, нам и знаменитый скакун Шидерс не может сделать, который в 1832 году в Нью-Маркете дал скорость 47 секунд на версту, так там и жокей-то готовился к скачке на нем верхом на паровозе. «Скорость, превышающая все локомотивы и бурю ветра...» — так говорится в отчете об этих скачках.

Когда я доложил генералу Драгомирову свои соображения, он приказал полковникам Рененкампфу, Гернгроссу, Мандрыке и начальнику штаба 12-й кавалерийской дивизии полковнику Рихтеру (тоже все «русские») в присутствии командира 3-го Оренбургского казачьего полка полковника Шейх-Али прослушать мой доклад об уставе повнимательнее и посадить верхом на лошадь одного из лучших ездовых — казака, которым был вахмистр моей учебной команды Антропов, Нижнеуvelьской станицы, а сам оставался тоже при докладе и, прерывая мой доклад, предлагал отдельные вопросы. Рубка производилась глины, прутьев в стойке, прутьев, подвешенных на бечевке. Антропов на полном карьере, нагибаясь сильно вперед, далеко заносил правую руку с шапкой назад и с сильным размахом наносил удар с гиком, так что требования о яйцах совершенно бы не были выполнены... В езде казаку приказывали сидеть крепко, готовясь к тому, что его сейчас стащат с лошади, для чего были поставлены кавалеристы 36-го Ахтырского полка, и вот эту позу фотографировали и рассматривали. Конечно, фигура была далеко не уставная.

— Нужно списать устав с казака и утвердить к исполнению в округе, казачьи приемы красивы не с парадной стороны, а с боевой, ибо казака на парады, для встречи иностранных особ или на паркет не пригласят, там гвардия, а казаки более необходимы при невзгодах, — сказал генерал Драгомиров.

А когда я еще познакомил его с жизнью казака вообще и напомнил ему некоторые моменты из политической жизни и те, когда казаку приходилось тащить на своих плечах почти непосильную работу для государства и вместо благодарности получать упреки и даже оскорбления (о коих скажу ниже), генерал добавил:

— Казак — это дубина в руках царя, а не тросточка, она неуклюжа в хорошую погоду, для игры не особенно удобна, но зато в слякоть на нее твердо можно упираться, а главное дешево и сердито.

В заключение еще скажу: казаки жалеют, что великий русский государь в феврале 1917 года позвал изменников: Рузского, Алексеева и др. и предателей Гучкова, Шульгина, проинструктированных претендентом на пост президента Российского государства Родзянко и послушался коленопреклоненного своего дядюшки, а не позвал какого-нибудь казачьего атамана и не приказал ему спасти нашу Родину, и мы были бы величайшими из великих. Я с уверенностью убеждаюсь, что смерть-то России принес не Октябрь, а Февраль, ибо Октябрь напал уже на лежащую — на большую Россию, а не на самодержавную, ибо самодержавием жила, держалась, росла и крепла Россия. Самодержавие — душа России, не стало души, не стало тела — России, Государственная дума умертвила Россию...

Октябрь напал на готовую, и некоторые из предателей снова всплывают, но этот вопрос я оставляю в стороне, ибо это дело всего русского народа. Великий князь Михаил Александрович, уже будучи царем, сказал: «Не приму российского престола, пока не услышу, что скажет великий русский народ...»

А народ убил его (работа тех же лиц), и теперь у России остался только «самодержавный» народ, в зависимости от

того, кто этого «самодержца» подберет, того и черед, а мы, казаки, за этим последним и поживем, увидим, а пока повторим: «Спаси, Господи, гибнущую Россию — нашу Родину, сиротку-старушеньку!»

В Средние века люди тысячами гибли в тюрьмах и на кострах инквизиции, но из власть имущих никто не мешал инквизиторам губить невинных людей — их жгли на кострах... А человечество было равнодушно к этому, но теперешние большевики превзошли средневековых палачей. Огромная страна в крови и призывы погибающих в России к мировой совести остаются без ответа, призывы тех, кто спасал Европу много раз от разгрома, спасая, принимал все удары на себя... и благодаря честности и рыцарству гибнет... Пролитые реки крови русского народа, особенно казаками, напивавшие святую землю, не останутся неотомщенными, не останутся без возмездия — казаки оружие не сложили и не сложат до тех пор, пока не свергнут тиранов, и не прогонят власть большевиков со своей Родины, и не забудут всех своих дебеторов.

Казаки не должны прислушиваться к голосу провокаторов. Например, Кудинов, донской казак, между другими выкриками говорит: «От воспитания царских бредней нужно перейти к усвоению истинных фактов... и войти в состав Демократической федеративной республики, к чему мне эта неделимая».

А полковник Кубанского войска Макеев проектирует национальный флаг: «Двуглавый орел, без короны, который расправит свои могучие крылья и гордо заявит всему свету, что воскресла Россия... — (Керенская ворона уже улетела) и дальше продолжает: — И этому нужно верить. Россия воскреснет, но не старая, царская, закрепощенная, а новая, демократическая, республиканская, с широкой свободой!..

Она уже есть и народ свободно умирает. Кудинов и Макеев!
Одно вам можно сказать: в семье не без урода, и каторжане
бывают. И катитесь!

Промчатся столетья, пройдут поколения.

Увидятся новые сны.

И будут народы читать без волненья

Историю страшной войны.

А в ней сохранится так много примеров

Как русский народ воевал,

Как он своих же офицеров

Своей же рукой убивал...

А верные сыны России — казаки — будут жить, и песни их
про своих удальцов-атаманов и казачье вольное житье будут
громко раздаваться, и эхо разнесется по всему земному шару,
и слава их и правда о них ни под какой провокацией не помер-
кнет, и тогда слава России будет не на словах.

Слава России будет действительностью.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ УРАЛА ДО ХАРБИНА	3
Предисловие	3
Верхнеуральский округ	3
Первый Войсковой круг.....	10
Петроград и Москва.....	13
Оренбург	27
Верхнеуральск	28
Тургайская область	59
Город Тургай	62
Путь к Оренбургу.....	65
Оренбург	67
Верхнеуральск	68
Чрезвычайный Войсковой круг в Оренбурге.....	75
Верхнеуральск	77
Оренбург	80
Троицк.....	82

До Омска.....	84
Омск	85
Семипалатинск	87
В Омск через Павлодар	93
Омск	93
На восток	98
Новониколаевск	100
В поход на восток.....	101
Село Голопупово.....	104
Нижнеудинск	109
Бабагава, Зима, Иркутск	111
Байкал	115
Забайкалье	117
Чита	121
Харбин.....	136
Чань-Чунь	178
Тяньцзин	181
Мукден.....	193
Харбин.....	201
 ПРАВДА О КАЗАКАХ. ЖИЗНЬ КАЗАКА КАК ОНА ЕСТЬ	
(Избранные статьи и речи. Харбин, 1937 год).....	228
Вступление.....	228
Беседа с генералом Драгомировым	228
Возникновение казачества	230
Гражданское управление	239

Воинская повинность.....	241
Быт казака.....	245
Колонизация России.....	248
Перерождение казака.....	251
Чего казак получает от государства.....	265
Сколько земли имеет казак.....	266
Сибирское казачество.....	273
Строевой устав.....	277

Научно-популярное издание

История казачества

Енборисов Гавриил Васильевич

**ОТ УРАЛА ДО ХАРБИНА
Оренбургское казачье войско**

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *О.Б. Бубликова*

Дизайн обложки *Е.А. Бессонова*

Верстка *Н.В. Гришина*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 7, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 23.12.2013. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура «Темпога LGC Uni». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 9. Тираж 1500 экз. Заказ № 2027.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

**ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»**

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Фактический адрес:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

**По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».**

Тел.: (499) 940-48-70
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
**Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:**

В Москве:
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва, 2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labyrinth-shop.ru

В Киеве:
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, ул. Леся Курбаса, д. 26
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.
E-mail: info@ariy.com.ua

**Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:**
**ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Новый книжный».**

*Не только читайте,
но и смотрите!*

**РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАНАЛ «365 ДНЕЙ ТВ»**

Каждый день – это дата.

Каждый день – это имя.

уникальные хроники

архивные документы

редкие факты

Каждый день – это событие.

365 дней в году. Сквозь века.

все о российской и мировой истории

24 часа в сутки, 7 дней в неделю

www.365days.ru

СМОТРИТЕ В ПАКЕТАХ КАБЕЛЬНЫХ И СПУТНИКОВЫХ ОПЕРАТОРОВ!

В настоящее издание вошли две работы, принадлежащие перу Гавриила Васильевича Енборисова. Первая – «От Урала до Харбина» – рассказывает об его участии в событиях революции и Гражданской войны, годах эмиграции, вторая – о взглядах автора на историю и современное ему положение российского казачества. За свою жизнь Г.В. Енборисов встречался с разными людьми – министрами Временного правительства, видными большевиками и Лениным, генералами белой армии и простыми казаками.

Судьба автора в полной мере показывает весь ужас братоубийственной Гражданской войны – при его участии был казнен собственный сын красный командир Н.Г. Енборисов. Об этом и многом другом читайте на страницах этой непростой книги.

ISBN 978-5-4444-1668-6

реклама

12+

www.365days.ru

*Не только читайте,
но и смотрите!*

**РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАНАЛ «365 ДНЕЙ ТВ»**

*ВСЕ О РОССИЙСКОЙ
и мировой истории*

Смотрите в пакетах кабельных и спутниковых операторов!